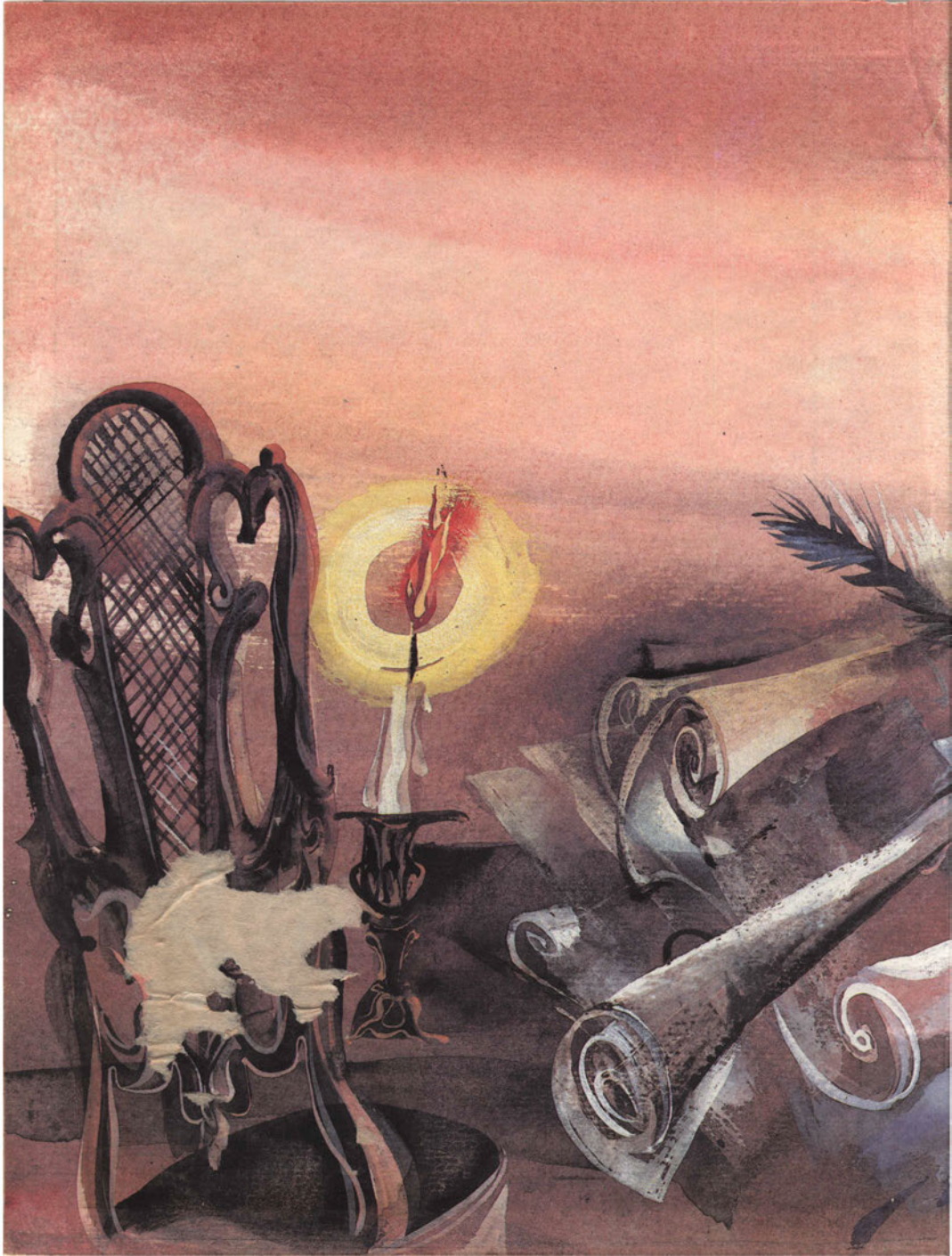
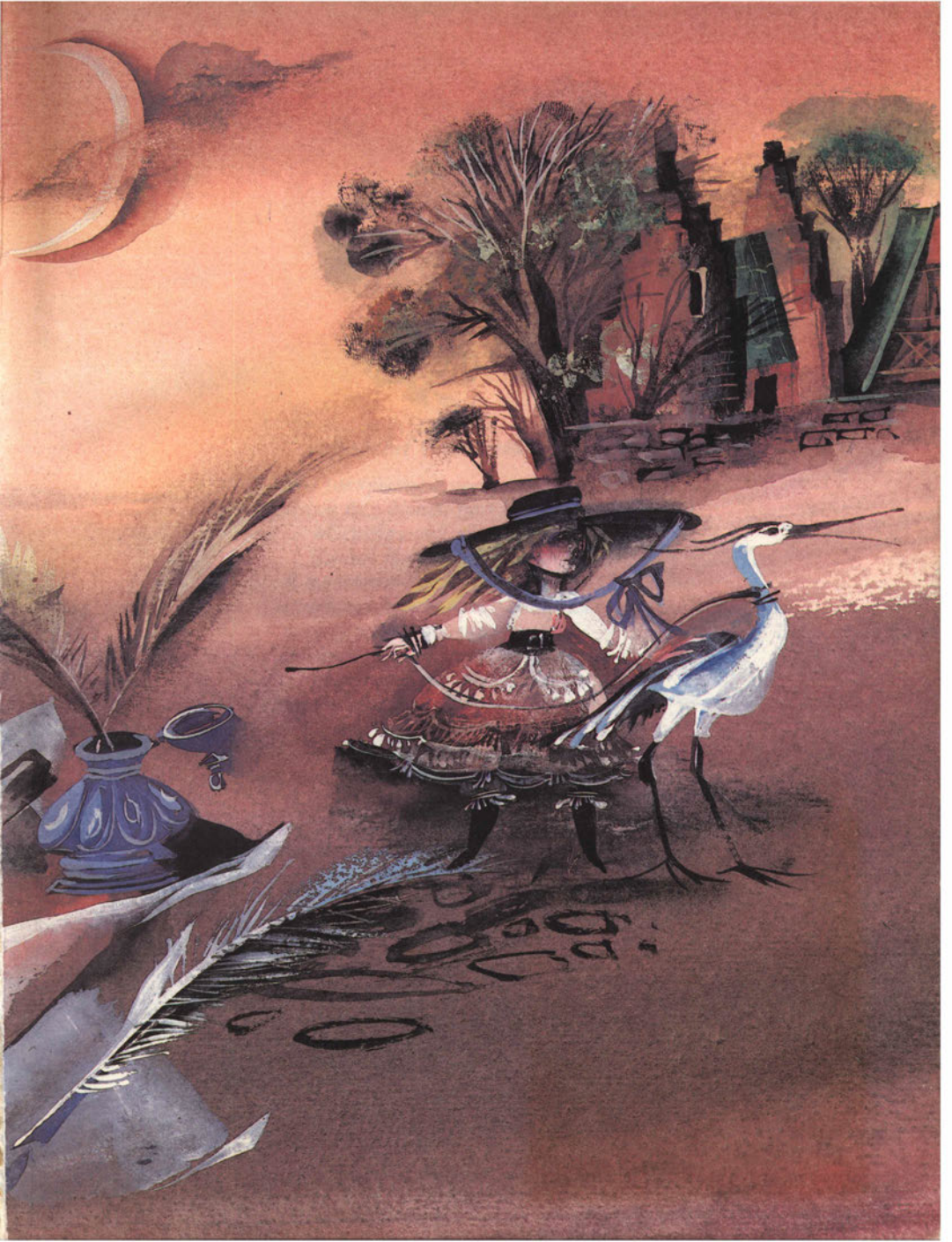
Цецилия Вейт Джемисон

Голубая Цапля





Дорогие читатели!

Мы открываем новую серию изданий для детей под названием «Серебряный кувшин». Да-да! Не удивляйтесь! В предлагаемой серии будут выходить подарочные издания жемчужин мировой детской литературы разных жанров, красочно оформленные талантливыми художниками. Это и книги, преданные забвению, которые читали когда-то наши дедушки и бабушки, это и произведения современных писателей. Но всех их объединяет одно — желание как можно дольше сохранить чистоту детской души.

Цецилия Вейт Джемисон

Голубая Цапля

ХУДОЖНИК

Надежда Белякова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОРПОРАТИВНЫЙ ДОМ СИНЕРГИЯ

«Файн-Регби»

Москва
1993

Цецилия Вейт Джемисон (1848–1909) – американская писательница для детей. Она мало известна в нашей стране. Из ее повестей переведены на русский язык: «Леди Джэн», или «Голубая цапля», и «Приемыш черной Туанетты». Обе книги написаны на сюжет о потерянных детях.

ББК 84. 7США
Д40

Разработка серии *Татьяны Чернолуцкой*
Иллюстрации, оформление *Надежды Беляковой*

Текст печатается по изданию: С. В. Джемисон. Голубая цапля («Леди Джэн»). Для детей среднего возраста переработала Ф. Г. Полякова. Одесса, книгоиздательство «Светоч», 1927. С исправлениями.

Серия «Серебряный кувшин»

Литературно-художественное произведение
для детей среднего школьного возраста

Цецилия Вейт Джемисон

ГОЛУБАЯ ЦАПЛЯ

Ответственный редактор *Т. Чернолуцкая*. Художник *Н. Белякова*. Художественный редактор *Е. Леонов*. Технический редактор *С. Басипова*. Корректор *И. Тарасова*.

Сдано в набор 2.7.93. Подписано к печати 19.7.93. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Тираж 100000. Заказ 1728.

Международный Издательский Дом «Синергия». 113525, Москва, ул. Днепропетровская, 5 Г.

Акционерное общество «ФАЙН-РЕГБИ»
Россия, 105203, г. Москва, 16-я Парковая ул., д. 2, к. 44.

Отпечатано в Московской типографии № 5 Министерства печати и информации РФ. 129243, Москва, Маломосковская, 21.

Джемисон Ц. В.
Д40 Голубая цапля /Худож. Н. Белякова/. –М.: Международный Издательский Дом «СИНЕРГИЯ», 1993.– 168 с., ил.
ISBN5-7368-0002-0

Трогательная повесть о судьбе маленькой «леди Джэн», на долю которой выпали тяжелые испытания, о ее любимице голубой цапле и обитателях улицы «Добрых детей», чья душевная щедрость не раз помогала осиротевшей девочке в трудные моменты жизни.

Д $\frac{4703040100-002}{2Ф5(03)-93}$ Без объявл. ББК 84.7США

ISBN5-7368-0002-0

© Н. А. Белякова. Иллюстрации, оформление. 1993

© Международный Издательский Дом «СИНЕРГИЯ», 1993

ГЛАВА 1

Голубая цапля

В одном из вагонов скорого поезда, пересекавшего живописнейшую местность Соединенных Штатов – Техас, находились в числе прочих путешественников две пассажирки. Это были молодая женщина в трауре и девочка лет пяти, очевидно, ее дочь. Малютка была в белом платьице с широким черным поясом и в широкополой соломенной шляпке. Длинные черные чулки плотно облегали ее стройные ножки; лакированные туфли с бантиками довершали наряд. Кожа ее лица была необыкновенно нежна; темно-синие глаза оттенялись длинными черными ресницами, а густые волосы, золотистые, как спелая рожь, падали волнами на ее плечи, полузакрывая сзади бант широкого пояса.

У матери был очень утомленный и нездоровый вид; заплаканные глаза припухли, щеки лихорадочно горели, молодое страдальческое лицо как будто осунулось, запекшиеся от жары губы были раскрыты.

Малютка девочка, стоявшая у открытого окна, временами отрывалась от видневшихся из окна пейзажей и, обращаясь к матери, шепотом спрашивала:

– У тебя все еще болит головка, мама?

– Немного,– отвечала мать, ласково проводя рукой по густым волосам ребенка.

Тогда девочка снова поворачивалась к открытому окну, а мать опускала голову и закрывала лицо руками.

Поезд остановился у небольшой станции. В вагон быстро вошел пассажир и направился к незанятому месту как раз напротив матери и дочери. Это был молодой человек лет 16. Веселые карие глаза его радостно блестели из-под темных бровей. Он как будто все улыбался и имел вид человека, привыкшего путешествовать самостоятельно. В одной руке он держал дорожный мешок, а в другой – узкую, высокую корзину, обвязанную сверху обрывком шерстяной материи. Весело оглянув соседей, юноша поставил корзину рядом с собой, слегка постучал по верхней крышке пальцем и, нагнувшись к ней, чирикнул по-птичьи.

– Пип, пип! – ответил кто-то из глубины корзины. Пассажир расхохотался.

С той самой минуты, как новое лицо появилось в вагоне, золотистая головка в широкополой шляпке отвернулась от окна, и выразительные синие глаза девочки так и впились в молодого спутника.

– Мама, там, в корзине, какой-то зверек: мне так хочется на него поглядеть!..– произнесла она вполголоса.

– Я не могу приставать с просьбами к незнакомым. Он, может быть, рассердится!

– О, нет, нет, мамочка! Он мне улыбнулся, когда я на него взглянула! Можно мне его спросить? Позволь, позволь!

Мать искоса посмотрела на молодого пассажира. Глаза их встретились, он добродушно улыбнулся и выразительно указал на корзину.

– Мне кажется, девочке хочется посмотреть, что у меня тут? – спросил он, принимаясь распутывать веревку, которою была обмотана корзина.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны,– заметила кротким голосом мать,– но дочь меня уверяет, что в корзине сидит какой-то зверек.

— Она не ошиблась,— ответил пассажир,— у меня там действительно зверек, но такой живой, что я боюсь открыть крышку!..

Малютка вопросительно посмотрела из-под широких полей шляпы на своего спутника.

— Не думаю, чтобы когда-либо в своей жизни вы видели что-нибудь похожее на моего зверька,— с улыбкой продолжал молодой человек.— Это ручная птица и пресмешная! Но нам надо стараться, чтобы она не вылетела: окна в вагоне открыты — того и гляди, шалунья улизнет. Мы вот что сделаем: я приподниму крышку корзины и придержу ее рукой, а вы загляните туда.

Девочка так и припала к отверстию, и радостная улыбка осветила ее лицо.

— Ах,какая прелесть! Что это за птичка? — спросила она, успев только мельком рассмотреть на самом дне корзины сидевшую на подогнутых ногах престранную птицу с длинным клювом и живыми круглыми глазками.— Я никогда таких не видывала! Как ее зовут?

— Это — голубая цапля, очень редкая порода в здешних местах.

— Да она не голубая, а только голубоватая, и какая хорошенькая! Можно мне погладить ее перышки?

— Можно. Просуньте только ручку в корзинку. Птица не укусит.

— Да я и не боюсь,— отвечала малютка, просовывая руку под фланель и принимаясь гладить мягкие перья цапли.

— Если бы окна в вагоне были закрыты, я ее вытащил бы на пол и заставил бы ходить. Она преуморительно ходит! И какая, знаете ли, умная: мне стоит только ее позвать — она сейчас подойдет.

— А какое вы ей дали имя?

— Я прозвал ее Тони, потому что когда она была очень маленькая, то все кричала: «Тонь-тонь, тонь-тонь!»

— Тони? Точно это маленькая девочка! — Малютка улыбнулась, причем на щеках ее появились ямки.

— А скажите-ка, как вас зовут? Извините, но очень хочется знать ваше имя,— спросил молодой человек.

— Я вам скажу: меня зовут «леди Джэн».

— «Леди Джэн»,— повторил пассажир.— Как странно!

— Папа звал меня «леди Джэн», и теперь все так зовут.

Мать грустно поглядела на девочку, и на глазах ее сверкнули слезы.

— Может быть, и вам хочется поглядеть на мою маленькую цаплю? — спросил молодой человек, поднося даме корзину.— Белая цапля — птица очень обыкновенная, но голубая — у нас в краю — редкость.

— Благодарю. Действительно, это редкость. Вы сами ее поймали?

— Да, и совершенно неожиданно. Я охотился однажды как раз около той станции, где сел в вагон. Было уже довольно темно. Выхожу из болота, очень тороплюсь, как вдруг слышу у самых моих ног, справа, кто-то кричит: «Тонь-тонь, тонь!» Нагибаюсь, глядь — цапля! Крошечная такая, еще летать не умеет; подняла голову и смотрит на меня своими круглыми глазами. Мне стало жалко ее. Я унес ее домой, приручил, и теперь она узнает меня по голосу.

Он поставил корзину на место и придерживал ее, пока девочка поглаживала перья цапли своими крошечными пухлыми ручками.

— Цапля понравилась Джэн,— заметил молодой пассажир, обращаясь к матери.

— Да, она очень любит зверей и птиц. У нее много любимцев, но мы их оставили дома, вот она и тоскует о них.

— Позвольте подарить вашей дочери мою Тони.

— О нет, благодарю вас! Зачем вам лишать себя...

— Никакого тут нет лишения, уверяю вас. Когда я приеду в город, мне придется отдать кому-нибудь цаплю. Ее в школу со мной

не пустят, а дома мне некому ее доверить. Прошу вас, разрешите мне отдать птичку «леди Джэн»,– настаивал юноша, улыбаясь при виде волнения ребенка.

– О, мама! Милая, хорошая мама! Позволь ему подарить мне птичку! – вскричала «леди Джэн», складывая с умоляющим видом ручки.

Мать несколько минут колебалась, но затем уступила просьбе ребенка.

Новый знакомый устроил малютке уютное сиденье у окна, опустил шторы, чтобы цапля не улетела, поставил корзину на пол, вытащил оттуда птицу и посадил ее на колени «леди Джэн».

– Посмотрите,– сказал он ей,– я обшил кусочком кожи одну ногу цапли, сделал вроде браслета, через который можно продеть длинную крепкую бечевку. Уходя из дому, вы можете привязывать ее бечевкой к креслу или к столу, и она без вас не будет шалить и не ушибется.

– Я никогда не оставлю ее одну,– возразила малютка,– всюду буду водить за собою.

– Ну а если цапля вдруг пропадет,– продолжал пассажир,– я вас научу, как ее опознать.– Он распустил одно крылышко птицы.– Видите, она у меня меченая. Вот три черных креста на перьях обоих крыльев. Когда крылья сложены – кресты не видны. Цапля будет расти – кресты будут делаться все больше и больше. Если случится так, что вы надолго расстанетесь с птицей, вы ее сразу узнаете по этим трем черным крестикам.

– Значит, мне сегодня же можно будет взять ее с собою?

– Конечно, корзина очень легкая, вы сами сможете ее нести.

– Знаете, что я вам скажу? – шепнула девочка, оглядываясь на мать, которая откинула голову на спинку кресла и, по-видимому, задремала.– Мне очень-очень хочется повидать мою собачку Карло, и киску, и барашков, но я боюсь напомнить о них маме. Она все плачет.

— Какая вы хорошая девочка, что так заботитесь о своей маме,— заметил молодой пассажир, очень довольный откровенностью малютки. Из деликатности он не расспрашивал ее об их семейных делах.

— У мамы ведь никого нет близкого на свете, кроме меня,— продолжала «леди Джэн» шепотом.— Папа от нас ушел, и мама говорит, что он не вернется к нам. Он, знаете ли, умер. Вот почему мы и должны были бросить свой дом. Теперь мы переезжаем на житье в Нью-Йорк.

— А вы раньше бывали в Нью-Йорке? — спросил пассажир, с нежностью поглядывая на белокурую головку малютки, приникшую к его плечу.

— Никогда! Я из дому никуда не выезжала. Мы жили в прериях. Там остались и Карло, и киска, и барашки, и мой пони Подсолнечник. Его так прозвали потому, что он золотистый.

— А я живу в Новом Орлеане. У меня там также есть свои любимцы,— сказал юноша и принялся их перечислять.

«Леди Джэн» забыла о своем горе и внимательно слушала его. Но вскоре она опустила головку и заснула крепчайшим сном. Румяная щечка девочки плотно прижалась к плечу молодого товарища, а ручонками она обхватила голубую цаплю, точно боясь, чтобы у нее не отняли птицу.

Под вечер вагон оживился, заспанные, запыленные пассажиры начали приводить в порядок свое платье и собирать мелкий багаж.

«Леди Джэн» не открывала глаз, пока сосед освобождал цаплю из ее рук и укладывал назад в корзину. Но тут мать подошла к малютке и нагнулась над нею, чтобы удостовериться, проснулась ли она или нет.

— Ах, мамочка! — весело воскликнула девочка, очнувшись.— Ведь я заснула и какой хороший сон видела! Я была дома, в прериях, и голубая цапля гуляла со мной. Как жалко, что это только сон!

— Поблагодари же хорошенько этого молодого человека за то, что он о тебе так заботится. Мы подъезжаем к Новому Орлеану, и птичку опять посадили в корзину. Встань, дай я приглажу твои волосы и надену на тебя шляпу.

Молодой человек подал «леди Джэн» упакованную в корзину цаплю, и малютка с радостью схватила подарок обеими руками.

— Ах, какой вы добрый! — весело воскликнула она.— Никогда вас не забуду! А с Тони я ни за что не расстанусь!

Новый знакомый невольно засмеялся, видя восторг хорошенькой девочки.

— Нам нужно попасть в ту часть города, где Джексонова улица, а это, кажется, за городом? — спросила мать девочки.— Нет ли станции ближе к этой части города, чтобы нам пораньше выйти?

— Конечно, есть; вы можете выйти на станции Грэтна: через пять минут мы туда приедем. Вы переправитесь через реку на пароме и попадете прямо на пристань, откуда начинается Джексонова улица. Там всегда стоят экипажи, и, таким образом, вы выиграете целый час.

— Как я рада! Мои знакомые меня не ждут, и мне хотелось бы добраться до них засветло. А от станции до парома далеко?

— Несколько саженей; найти его очень легко.

Молодой пассажир только что хотел прибавить: «Позвольте, я вас провожу», как кондуктор распахнул настежь дверь вагона и рявкнул: «Грэтна! Грэтна! Кому нужно в Грэтну?»

Не успел новый знакомый высказать то, что хотел, как кондуктор схватил ручной чемодан у дамы в трауре и, пропустив ее с девочкой вперед, быстро исчез в дверях. Подъехав к платформе станции, поезд остановился. Дама в трауре и маленькая дочь ее уже скрылись, и новый их знакомый только пару минут спустя заметил, что они торопливо идут по пыльной дороге, ярко освещенной лучами заходящего солнца, и издали с улыбкой кланяются ему. Он снял шляпу и сделал им прощальный знак рукою. Тогда мать откинула траурную

вуаль и несколько раз ласково кивнула ему головой, а девочка, приложив пальцы к губам, послала ему воздушный поцелуй.

Паровоз свистнул, поезд тихо тронулся с места, и в памяти молодого человека запечатлелись две изящные фигуры матери и дочери, спускавшиеся к реке.

— Какой я неловкий! Какой глупый! — с досадой упрекал он себя, возвращаясь на свое место в вагоне.— Почему я не узнал их фамилии или хоть адреса, куда они отправились? Почему не пошел я их проводить? Как можно было отпускать больную с ребенком в незнакомый город! Мать такая слабая, едва передвигает ноги, а тут еще пришлось нести чемодан. Если бы я проводил их, то по крайней мере узнал бы, кто они такие! Совестно было как-то приставать к ним с расспросами!.. Отчего я с ними не пошел? Ах, да они что-то забыли!

И он бросился к тому дивану, где сидела мать девочки. Там под подушкой он нашел книгу, переплетенную в красную русскую кожу, с серебряными застежками и монограммой J. и С. Пассажир раскрыл ее. На заглавном листе было написано мужской рукой по-английски: «Jane Chetwind».

— «Jane Chetwind»! Так, верно, зовут мать. Едва ли эта книга принадлежит девочке. Ей всего лет пять, не больше. Ага! Вот и фотографическая семейная группа.

На карточке были изображены отец, мать и дочь. Отец с открытым, мужественным, красивым лицом, мать не бледная, не с заплаканными глазами, а свежая, привлекательная, с улыбкой на губах и с веселыми глазами; девочка, «леди Джэн», лет трех, припала головой к плечу отца. Узнать ее было нетрудно: те же кудрявые волосы, та же улыбка и те же глаза!

Сердце молодого человека дрогнуло от радости при виде знакомого детского личика, сразу очаровавшего его.

— Как бы я был рад оставить карточку у себя! — подумал он.— Да нельзя, она чужая, ее надо возвратить. Бедная женщина, как она

будет горевать, что потеряла эти вещи! Напечатаю завтра же в газетах о своей находке. Таким образом мне, может быть, удастся обнаружить их адрес!

На следующее утро читатели одной из главных газет Нового Орлеана встретили в отделе «Потеряно и найдено» следующее странное объявление:

«НАЙДЕНА
книга, переплетенная в красную русскую кожу, с серебряными застежками и монограмой J. C.
Адрес: Голубая Цапля П. О. № 1121».

Объявление это печаталось ровно неделю на одном и том же столбце газеты, но никто не отозвался на него и никто не явился за получением утерянного.

ГЛАВА 2

Мадам Жозен

Мадам Жозен отличалась угловатыми манерами и мускулистой фигурой. У нее были большие бархатистые черные глаза, нос клювом, и губы до того узкие, что они казались двумя красными полосками. Несмотря, однако, на отталкивающие черты нижней половины лица, верхняя часть его была иногда привлекательной благодаря кротким большим глазам, которые Жозен любила подымать кверху, точно с мольбой.

У Жозен были две слабости: безграничная и слепая любовь к негодяю-сыну Эдрасту и пламенное желание, чтобы все считали ее светской дамой. Она из сил выбивалась, чтобы составить себе репутацию уважаемой женщины. В прошлом ее жизнь была чрезвычайно тяжелой и ей пришлось много испытать, особенно со времени замужества.

У мужа ее оказался бешеный характер. Однажды, в минуту запальчивости, муж столкнул ее с лестницы — она сломала себе ногу и на всю жизнь осталась калекой. А тут на ее голову обрушилось другое страшное горе — мужа ее уличили в тяжких преступлениях и приговорили к пожизненному тюремному заключению. Муж вскоре умер, и она осталась в нищете с маленьким сыном. Мадам Жозен стала «прачкой тонкого белья» и наняла квартиру в предместье Нового Орлеана — Грэтне.

Она занимала одноэтажный домик, где было всего две комнаты и каморка, служившая кухней. Вход был прямо с улицы; стоило только подняться на две ступеньки, чтобы войти в дверь, окрашенную зеленой краской.

В описываемый нами вечер мадам Жозен сидела у себя на крыльце и беседовала с соседками. Дом, где она жила, выходил одним углом на ту улицу, которая вела к спуску на паром. Мадам Жозен находила большое удовольствие в том, чтобы сидеть на ступеньках своего крыльца и наблюдать за проходящими.

Душно было в этот июльский вечер. Мадам Жозен чувствовала какую-то непонятную усталость и была в прескверном расположении духа.

Соседки скоро разошлись. Она осталась совершенно одна и принялась зевать.

В эту минуту раздался свисток подъезжавшего поезда.

— Немного сегодня приехало,— сказала Жозен, вглядываясь в небольшую группу пассажиров, с мешками и узлами спешивших к перевозу.

Прошло несколько минут, движение мимо дома прекратилось. Постепенно стало темнеть.

— Кто же это? — раздумывала Жозен, всматриваясь в приближающихся к ее дому мать в трауре с маленькой девочкой.— Это также приезжие; только отчего же они не торопятся? Паром без них уйдет... Наверное, опоздают!

В нескольких шагах от дома показались знакомые нам мать и блондинка-дочь, которые только что сошли с поезда. Девочка тащила в одной руке корзину, а другой крепко держалась за платье матери. Было очевидно, что они обе как будто растерялись, попав в чужое, незнакомое место. Мать хотела было повернуть в сторону, но девочка удержала ее.

— Остановимся здесь, мама! Отдохни! — проговорила она умоляющим голосом.

Дама в трауре подняла вуаль и тут только заметила мадам Жозен, вперившую в нее свои кроткие выразительные глаза.

— Позвольте мне отдохнуть здесь немного, я совсем больна и чувствую, что мне делается дурно...— проговорила слабым голосом молодая женщина.— Нельзя ли мне попросить стакан воды?

— Сейчас, сейчас! — засуетилась Жозен, забыв о своей хромой ноге.— Зайдите, прошу вас, в комнату и сядьте в мое кресло-качалку. На перевоз вы уже опоздали.

Измученная молодая женщина охотно вошла в комнату. Там было тихо и прохладно. Широкая кровать с безукоризненно чистою постелью так и манила к себе.

Молодая женщина упала в кресло, положила голову на подушки кровати и выпустила из рук дорожный мешок. Девочка поставила корзину с птицей на ближайший стул и нежно припала к матери, с испугом осматривая чужую для нее комнату. Жозен, ковыляя, вернулась со стаканом воды и бутылочкой нашатырного спирта, которым она чистила свои кружева. Проворно сняла она с головы больной шляпу и тяжелую траурную вуаль, освежила мокрым полотенцем горячий лоб и руки больной и дала ей понюхать спирта. Малютка крепко ухватилась за платье матери и спрашивала вполголоса:

— Мама, милая мама! Лучше твоей головке?

— Лучше, лучше, крошка! — ответила мать минуты через две и затем, обернувшись к Жозен, кротко и ласково произнесла: — Как я вам благодарна! Я теперь совсем освежилась!

— А вы издалека приехали? — спросила Жозен, стараясь придать своему голосу как можно больше мягкости.

— Из Сент-Антонио. Но я выехала уже больная.

Молодая женщина закрыла глаза и прислонилась к спинке кресла.

Жозен с первого взгляда догадалась, что ей будет чем поживиться от этих пришельцев.

— Да-да, путь не близкий, особенно для человека больного,— заметила она.— Не ждет ли вас кто-нибудь по ту сторону перевоза? — начала она допытываться.— Быть может, приедут сюда справиться, куда вы делись.

— Нет, нет, нас никто не ждет. Я еду в Нью-Йорк. У нас здесь есть знакомые на Джексоновой улице, я думала к ним завернуть и отдохнуть дня два. Напрасно я вышла на этой станции; нужно было бы доехать до нижнего перевоза. Ноги положительно отказываются мне служить!

— Не волнуйтесь,— успокаивала ее Жозен.— Вы теперь полежите, а когда паром вернется, я вас разбужу и сама провожу до перевоза: тут всего несколько шагов; так и быть, проковыляю, усажу вас в лодку, а на той стороне вы найдете экипажи.

— Благодарю, какая вы добрая! — проговорила больная, опуская веки и запрокидывая опять голову назад.

Жозен посмотрела на нее с минуту как-то особенно серьезно, затем, тотчас же переменив выражение лица, с нежной улыбкой обратилась к девочке:

— Подойдите сюда, душенька, я сниму с вас шляпу и освежу немного голову. Вам, верно, также жарко?

— Не надо, благодарю вас, я останусь подле мамы,— отвечала малютка.

— Пожалуй, пожалуй! Только скажите, милая, как ваше имя?

— Меня зовут «леди Джэн», — пресерьезно ответила малютка.

— «Леди Джэн»! Самое подходящее имя! Присядьте по крайней мере! Ведь вы, верно, устали?

— Я голодна, мне хочется поужинать! — откровенно заявила девочка.

Жозен сделала гримасу, вспомнив, что у нее буфет пустой. Чтобы развлечь ребенка, она продолжала болтать, не умолкая. Вдруг раздался свисток приближающейся паровой лодки. Больная

торопливо стала надевать шляпу, а девочка схватила в одну руку дорожный мешок, в другую корзину и весело закричала:

— Скорей, скорей, мама, пойдем!

— Но что с вами? — воскликнула Жозен.— Какая вы бледная! Как осунулись! Нет, вам не дойти даже с моей помощью. Как жаль, что Раста дома нет! Он у меня такой сильный, на руках бы снес вас в лодку...

— А может, я дойду и сама, попробую,— пробормотала больная, поднялась, закачалась и, как сноп, свалилась на руки Жозен.

В первую минуту хозяйка дома растерялась, затем проворно приподняла молодую женщину, уложила ее в постель, расстегнула платье и осторожно начала ее раздевать. Несмотря на свою хромоту, Жозен была очень сильной. Не прошло и четверти часа, как больная лежала уже на свежей, чистой простыне, покрытая легким одеялом. Малютка Джэн, припав к холодным рукам матери, горько плакала.

— Не плачьте, моя крошечка, не плачьте! — уговаривала ее Жозен.— Помогите мне обтереть маме спиртом лоб. Ей сейчас легче станет. Ей теперь необходимо покойно лежать, она скоро заснет.

Девочка отерла слезы, сняла свою шляпу и серьезно, как большая, отперла дорожный мешок.

— Вот возьмите нюхательные соли и одеколон,— сказала она, вынимая все это из мешка,— намочите маме носовой платок. Она это любит.

Жозен, зорко следя за каждым движением ребенка, мельком заметила, что в мешке много серебряных вещей и туго набитый бумажник. Пользуясь тем временем, пока девочка прикладывала надушенный платок к губам матери, плутовая женщина вытащила из мешка бумажник и несколько серебряных туалетных принадлежностей, сунула их на полку шкафа, заперла его, а ключ спрятала за пазуху.

— Надо скрыть от Раста эти вещи! — думала она.— Он у меня такой ветреный, нерассудительный; пожалуй, завладеет чужим добром, а потом разделывайся...

Долго возилась Жозен с больной приезжей, всячески стараясь привести ее в чувство. Малютка Джэн усердно помогала ей, стараясь двигаться и ходить как можно осторожнее.

Наконец мать ее вздрогнула, застонала и полуоткрыла глаза. По тусклому взгляду можно было догадаться, что сознание к ней не вернулось.

— Мама, милая, милая моя мама, лучше тебе? — умоляющим голосом спрашивала малютка, обнимая мать и целуя ее.

— Вы видите, душенька, мамаша открыла глаза, значит, ей легче, только она спать хочет,— ласково уговаривала девочку Жозен.— Вы лучше ее не беспокойте, это ей вредно. Сидите смирно и дайте ей хорошенько выспаться, а сами пока покушайте. Вот я вам принесла парного молока и вареного риса, поужинайте. Потом я вас раздену, подам ночной капотик, который вы вынули из мешка, и уложу на кровать рядом с мамой. Вы проспите до утра и будете обе отлично себя чувствовать.

«Леди Джэн» беспрекословно подчинилась всем распоряжениям хозяйки, но только ни за что не соглашалась отойти от матери, которая опять впала в беспамятство и лежала не шевелясь.

— Можно мне ужинать, сидя на кровати, поближе к маме? — спросила девочка.— Мне очень хочется есть.

— Конечно, милочка, садитесь, как вам удобнее, а я придвину к кровати маленький столик и поставлю перед вами молоко и рис.

Жозен проворно устроила все так, как хотела малютка, и с самой приветливой улыбкой стала следить, как та с аппетитом принялась за еду. Затем, убрав тарелки и столик, Жозен умыла девочку, надела на нее ночной капотик, расчесала и заплела на ночь ее густые длинные волосы и уже взяла было ее на руки, чтобы уложить рядом с матерью, но «леди Джэн» воскликнула:

— Ах! Что я сделала! Я совсем забыла о Тони.

— Что там такое? — с удивлением спросила креолка, встрево-

женная шорохом, который послышался в корзине.— Кто это шевелится?

— Птичка, голубая цапля,— отвечала девочка с улыбкой,— мне ее в вагоне подарил такой хороший джентльмен...

— Что же, он ваш знакомый?

— Нет, мы с ним в первый раз встретились,— «леди Джэн» тихо засмеялась.— Сказать вам правду, я фамилии его даже не знаю. Неловко было спросить, ведь это невежливо.

— Конечно, конечно! — заметила Жозен.— Но что же вы будете делать с длинноногой цаплей?

— Да ведь это голубая цапля! Это, говорят, редкость! — ответила девочка, развязывая покрышку корзины и вынимая оттуда птицу.

На хорошенького ребенка, стоявшего босиком в длинном ночном капотике, с голубой цаплей на руках, невольно можно было залюбоваться, как на картинку.

— Я боюсь ее оставить на свободе ночью; она, пожалуй, убежит,— говорила «леди Джэн»,— а ей, верно, пить и есть хочется. Что мне делать?

— А мы вот что сделаем! — придумала Жозен, стараясь тем или другим способом угодить ребенку.— У меня в кухне висит старая клетка нашего попугая, я вам принесу ее.

— Очень вам благодарна,— довольно сухо проговорила девочка.— Когда мама проснется, она вас также поблагодарит.

Жозен быстро все это устроила: притащила клетку, поставила туда блюдечко с рисом и кружку с водой. «Леди Джэн» посадила в клетку птицу, заперла дверцу и, не смея поцеловать мать, чтобы не разбудить ее, осторожно улеглась на краю постели. Утомленная перенесенными впечатлениями, малютка через минуту сладко заснула.

Мадам Жозен более получаса не сходила с своего кресла-качалки, раздумывая, что ожидает ее больную гостью в случае, если

болезнь затянется. «Если я оставлю ее у себя и буду за нею ухаживать,— рассуждала она,— то хорошо оплатят мой труд. По-моему, гораздо спокойнее исполнять должность сиделки, чем чистить кружева капризным барыням. Если же бедняжка опасно занемогла, то лучше ее не отправлять в больницу, особенно, если у нее в городе нет ни родных, ни знакомых. Мне кажется, что у нее начинается горячка и что она долго не опомнится. Если она умрет и я не буду знать, кто она, мне ничто не помешает покрыть все расходы ее же собственными деньгами. Вон их сколько в бумажнике! Надо только действовать осторожно. Нельзя обойтись без доктора — тут как раз попадешь под ответственность. Я вот что сделаю: если завтра ей не станет лучше, пошлю за доктором Дебро».

Рассуждая таким образом, Жозен вышла опять на крыльцо, чтобы дождаться там сына. Нехорошие мысли шевелились в голове этой женщины, злое дело замышляла она: обобрать приезжих и на их средства улучшить свое положение. Бумажник, набитый деньгами, серебряные вещи в дорожном мешке пробудили в ней алчность. У нее в жизни была одна цель — деньги. Труд ей был ненавистен; еще ненавистнее было унижаться перед теми, кого она считала ниже себя. Какое счастье было бы сделаться вдруг независимой, ни в чем не нуждаться, иметь в кармане порядочную сумму денег! Раст — молодец: ему стоит только дать немного денег для оборота, и он мгновенно придумает выгодное дело!

В это время из комнаты раздался вдруг болезненный стон. Больная беспокойно зашевелилась на кровати, затем все стихло. У Жозен пробежали мурашки по телу, когда она услыхала эти звуки: ей показалось, что кто-то подслушивает ее мысли. Но через минуту она успокоилась и опять стала рассуждать про себя: «Да полно, нужно ли Раста делать поверенным ее тайных планов? Рассказать ли ему, что она спрятала к себе в шкаф бумажник с деньгами и несколько серебряных вещей?»

Доставая из дорожного мешка ночной капотик девочки, Жо-

зен нашла в боковой сумке железнодорожные билеты в Нью-Йорк, две квитанции на получение багажа и горсть мелочи. Это все можно показать Расту, а о бумажнике лучше помолчать.

В это время на мостовой раздались знакомые шаги ее сына. Эдраст возвращался домой, напевая веселую песню. Мать вскочила с крыльца и заковыляла навстречу сыну, боясь, чтобы он не разбудил спящих. Молодой Жозен был человек высокого роста, плечистый, рыжеволосый, черноглазый, с красноватым лицом и всегда щегольски одетый. Судя по наружности, это был парень умный, ловкий и очень наблюдательный.

Заметив сразу, что мать как-то неестественно торопится, что лицо у нее бледное, встревоженное, он тут же смекнул, что дело неладно: не привык Эдраст, чтобы мать выходила к нему навстречу.

— Матушка! — крикнул он.— Что с тобой?

— Тише, тише, Раст, не кричи! Без тебя у нас в доме случились престранные вещи. Присядь-ка здесь на ступеньку, я тебе расскажу.

И мать вкратце рассказала ему о неожиданном появлении приезжих и о внезапной болезни молодой женщины.

— Они, значит, у нас там спят? — проговорил Эдраст, указывая толстым пальцем на дверь, ведущую в комнаты.— Славное дело, нечего сказать! Навязала себе на плечи больную, да еще с ребенком!

— Что же мне было делать? — возразила мадам Жозен.— Не вытолкать же на улицу умирающую женщину, да еще ночью!

— Да какова же она из себя-то? Может, нищая-побирушка? Есть ли с нею багаж? Видела ли ты у нее деньги? — с любопытством расспрашивал сын.

— О, Раст, Раст! Не обыскивала же я ее корзины! Она и девочка прилично одеты, на матери дорогие часы с цепочкой, а когда я осмотрела мешок, то обнаружила там много серебряных вещей.

— Какое счастье! — радостно воскликнул Эдраст.— Так она, значит, богачка и завтра, когда будет уезжать, отвалит тебе пятерку долларов?

— Не думаю, чтобы она была в состоянии завтра выехать; она долго пролежит у нас. Если ей не станет лучше завтра утром, так поезжай на ту сторону и привези доктора Дебро.

— Это зачем? Ты не можешь держать больную у себя в доме, ты должна отправить ее в больницу. Ведь ты даже имени ее не знаешь, не знаешь, откуда она приехала и куда едет. Ну а если она умрет на твоих руках, что ты тогда скажешь?

— Если я буду ее лечить и она умрет, вина будет не моя,— сказала мадам Жозен.— Тогда я буду иметь право за свои хлопоты и труды воспользоваться ее имуществом.

— Да хватит ли имущества-то, чтобы расплатиться с тобою? — спросил сын и при этом тихо засвистал.— Эх, маменька, тонкая ты у меня штука! Вижу тебя насквозь!

— Не понимаю, что ты под этим подразумеваешь? — воскликнула с искренним негодованием мадам Жозен.— Очень понятно: если я ухаживаю за больной, уступаю ей мою кровать, то я вправе ожидать, что мне за это заплатят. Отправить же ее в больницу — у меня не хватает духу. Имени ее я не знаю, фамилии тех знакомых, у которых она хотела остановиться, мне неизвестны,— что же мне остается делать?

— Делай то, что ты задумала, маменька... Да, жаль, очень жаль молодую женщину! — заключил он, посмеиваясь.

Мать ничего не ответила на слова сына и несколько минут сидела в раздумье.

— А не принес ли ты немного денег? — спросила она вдруг, обращаясь к Эдрасту.— Ужинать мне нечего, а я собираюсь всю ночь просидеть у постели больной. Не сбегаешь ли ты в лавку купить мне хлеба и сыра?

— Ты спрашиваешь, есть ли у меня деньги? Погляди! — Повеса вытащил из кармана пригоршню серебра.— Вот что я принес!

Через час Жозен с сыном сидели уже в кухне, ужиная и дружески болтая, а больная и девочка крепко спали в это время в отведенной им комнате.

ГЛАВА 3

Последние дни в Грэтне

Наступило утро. Больная оставалась все в прежнем тяжелом забытьи. Опасность была очевидна. Мадам Жозен решила отправить Эдраста за реку, чтобы скорее привезти доктора Дебро.

Но до этого мать и сын забрались в кухню, притащили туда дорожный мешок приезжих и принялись рыться там, чтобы посмотреть, что в нем уложено. Белье, разные принадлежности туалета, квитанции на получение багажа, пассажирские билеты – все это оказалось налицо, но ни писем, ни записок, ни карточек, ни счетов, ничего подобного не было, и только монограммы «J. C.», которыми были помечены белье и серебряные принадлежности туалета, свидетельствовали, что все уложенные в мешки вещи принадлежат одному и тому же лицу.

– Не лучше ли мне захватить с собою теперьже багажные квитанции? – сказал Эдраст, вставая и пряча в карман жилета свернутые бумажки.– Если больная очнется, ты можешь ей сказать, что им понадобятся платья и что мы нашли необходимым вытребовать сундуки. Так, что ли, обстоит дело? – спрашивал сын у матери, многозначительно улыбаясь.

Мадам Жозен, ничего не отвечая, с озабоченным видом заперла опять мешок и начала торопить сына:

— Скорее, скорее привези доктора! Я так боюсь за бедную женщину. Того и гляди, девочка проснется и расплачется, увидя, что мать все в том же положении.

Эдраст проворно оделся и побежал к перевозу.

Через полтора часа он возвратился в сопровождении доктора Дебро.

Доктор, осмотрев больную, уверил, что опасности нет.

— У этой женщины сильная лихорадка,— прошамкал старичок,— надо серьезно ею заняться. Лежать долго она не будет. Кризис должен скоро наступить. Я сделаю все, что возможно, для ее спасения.

Он прописал лекарство и, преподавая нужные наставления относительно ухода за пациенткой, все время гладил золотистые волосы малютки Джэн, которая, проснувшись, не сводила глаз с матери.

Вскоре после ухода доктора к крыльцу подъехала телега с двумя сундуками, и Эдраст при помощи рабочих втащил этот тяжелый багаж во вторую комнату рядом со спальней.

Телега с рабочими уехала, зеленая дверь захлопнулась и как будто поглотила последние следы бедной матери и ее ребенка, точно исчезнувших для всего мира.

Доктор Дебро продолжал свои визиты и каждый раз уезжал с более и более встревоженным лицом. Он убедился, что положение больной безнадежно. У него сердце болело за малютку дочь.

Бледная, молчаливая девочка по целым дням сидела на кровати подле матери с выражением тяжелого горя на лице.

Жозен как-то заметила девочке, что матери необходимо полное спокойствие. Трогательно было видеть, как малютка себя во всем сдерживала,— по целым часам она сидела, почти не двигаясь, не выпуская руки́ матери из своей.

Нельзя было упрекнуть мадам Жозен в недостатке заботливости о своих постояльцах. Она с неутомимым усердием ухаживала за больной и за ее малюткой дочерью и мысленно восхищалась своим самоотвержением.

— Ну кто, кроме меня, способен так лелеять больную, так баловать ее ребенка? Я считаю их своими,— твердила она сыну.— Беспомощные, безродные, они только во мне одной и нашли опору. Они положительно мои, мои!

И, тешась этим самообольщением, мадам Жозен хотела непременно себя уверить, что она действует без всякой корыстной цели.

Дней двенадцать спустя после приезда молодой матери с ребенком по узкой улице Грэтны, по дороге к перевозу двигалась скромная погребальная процессия. Встречные сторонились и внимательно оглядывали Эдраста Жозена, одетого с иголочки и сидевшего с доктором Дебро в открытой коляске, единственном экипаже, следовавшем за гробом.

— Это какая-то иностранка, родственница мадам Жозен,— говорили в толпе,— она приехала недавно из Техаса с маленькой дочкой, а вчера умерла. Вчера же ночью, говорят, и девочка свалилась и

лежит без памяти. Вот отчего не видно мадам Жозен. К ним в дом страшно зайти. Старик доктор говорит, что такого рода горячка заразительна.

Когда Эдраст вернулся с похорон, он нашел свою мать сидящей в качалке подле кровати, где в полном беспамятстве лежала «леди Джэн». Волнистые волосы ее рассыпались по подушке. Синие круги под глазами и яркий горячечный румянец на щеках служили верным признаком, что ребенок заразился тифом от матери.

Мадам Жозен, разряженная в самое лучшее черное платье, не осушала глаз все утро. При появлении сына в дверях спальни она бросилась к нему и разрыдалась:

— О, милый друг мой, мы погибли! Какие мы несчастные! Как мы наказаны за доброе дело! Беру к себе в дом совсем незнакомую больную, ухаживаю за нею, как за родной, хороню в своем фамильном склепе — и вдруг заболевает девочка! Доктор Дебро говорит, что это повальная горячка, что мы оба с тобой заразимся и умрем!

Вот что значит делать добро!

— Пустяки, маменька! Зачем видеть все в черном цвете! Старик Дебро, вероятно, напутал. Может, горячка совсем и не заразительна. Лучше более никого к себе не принимать; да к нам, впрочем, из страха никто и не придет. Я на время переселюсь в город, а к тебе горячка не пристанет. Пройдет несколько дней — увидим, выздоровеет девочка или умрет, и тогда мы отсюда переедем и устроимся где-нибудь в другом месте...

— Хорошо, мой друг! — сказала, отирая слезы, Жозен, успокоенная словами сына.— Никто не имеет права сказать, что я не исполнила своего долга относительно покойной. Буду теперь ухаживать, сколько сил хватит, за девочкой. Тяжело, конечно, в такую жаркую погоду сидеть взаперти, но я отчасти рада, что малютка без сознания. Сердце разрывалось у меня, когда я наблюдала, как она убивалась по матери...

ГЛАВА 4

Горбунья Пепси

Все на улице «Добрых детей» в Новом Орлеане знали Пепси и ее мать. Пепси была убогой от рождения, а мать ее, Маделон или «Вкусная миндалинка», как ее прозвали дети, считалась личностью очень почтенной среди соседей. Мать и дочь жили в небольшом домике, стоявшем на углу улицы, между аптекой и табачной лавкой. Дверь, окрашенная в зеленый цвет, вела на улицу; на улицу же выходило единственное окно, огражденное красивой чугунной решеткой. Окно было такое широкое, что с улицы взрослому человеку можно было очень хорошо рассмотреть внутренность комнаты. Большая деревянная кровать на высоких ножках, с красным балдахином и кружевными накидками на подушках, занимала целый угол. Против постели красовался небольшой камин, убранный цветами из розовой бумаги. На каминной доске стояли часы, две вазы с бумажными цветами, голубой кувшинчик и гипсовый попугай.

За главной комнатой, или спальней, находились небольшая кухня и дворик, окруженный забором, где Маделон приготовляла свои пралины (жареный миндаль) и сладкие пирожки и где подросток-негритянка, «Маленькая мышка», все утро мыла, жарила, варила и скребла, а в случае надобности прислуживала мисс Пепси, когда мать уходила из дому. Маделон торговала разными сладостями. Близ здания Французской оперы, на улице Бурбонов, у нее была не-

большая палатка, где на прилавке соблазнительно раскладывались жареный миндаль, особого сорта рисовые пирожки и орехи в сахаре.

Маделон с утра отправлялась на это место с большой корзиной свежих лакомств, а к вечеру у нее всегда все уже бывало распродано. Во время ее отсутствия Пепси оставалась дома и обыкновенно сидела у окна в специально устроенном для нее кресле на колесах.

Каждый знал убогонькую Пепси. Все как-то привыкли видеть ежедневно у окна ее продолговатое бледное лицо, блестящие черные глаза, большой рот с широкими белыми зубами, то и дело сверкавшими, когда она улыбалась. Голова у Пепси была непомерно велика и точно сжата приподнятыми кверху уродливыми плечами. Начиная от пояса, все туловище Пепси прикрывалось доской стола, надвинутого ей почти на колени. На этом столе Пепси щелкала орехи и лущила миндаль.

Сидя у окна, Пепси в течение целого дня проворно действовала стальными щипчиками, щелкая ими орехи. Это занятие не мешало ей следить за тем, что делалось на улице. От зорких ее глаз не ускользал ни один прохожий: одному она просто кланялась, другому приветливо улыбалась, с третьим, если он останавливался под ее окном, непременно заводила разговор, и, таким образом, редко случалось, чтобы за решеткой ее окна не стоял кто-нибудь. Убогонькая имела всегда такой веселый и приветливый вид, что ее все любили, а дети обожали. Только не подумайте, что она их закармливала орехами в сахаре! О, нет! У Пепси на первом плане было дело. Обсахаренные орехи стоили денег. За десять штук матери ее платили почти восьмую часть доллара – тут не раскутишься! Детей привлекал самый процесс работы: им очень нравилось смотреть, как Пепси, начистив целую кучу орехов и миндаля, ловко бросала их в кипящий сироп, который ставили перед ней в круглой фарфоровой чашке. У нее мгновенно появлялись вкусные конфеты; она их нанизывала на проволоку и раскладывала для просушки на листах белой бумаги. Она так это проворно делала, что тонкие белые ее пальцы точно летали от кучи орехов к чашке сиропа и листу бумаги. Соблазнительных лакомств в течение часа набиралось так много, что со стороны можно было, пожалуй, осудить Пепси за скупость; трудно было, казалось, не уделить глазеющим на нее ребятишкам хотя бы горсточки конфет. А между тем это было для нее невозможно. При наступлении сумерек в комнату прибегала «Маленькая мышка» за пустой

чашкой из-под сиропа. Пепси аккуратно пересчитывала обсахаренные орехи и миндалинки и записывала их число в маленькую записную книжку. Этим она останавливала невольное поползновение маленькой негритянки полакомиться иногда вкусным товаром. Но, главное, ей нужно было знать наверное, сколько именно конфет поступает в продажу.

Покончив с одним делом, убогонькая Пепси вынимала из ящика какую-нибудь работу и непременно колоду карт. Когда она уставала шить и оканчивала заданный себе дневной урок, работа складывалась и на сцену появлялись карты. Гранпасьянс служил для больной девочки источником истинного наслаждения.

Так она проживала день за днем, деля время между работой и невинным развлечением, но всегда была счастлива, довольна! Несмотря на то что девочке минуло уже двенадцать лет, мать относилась к ней как к ребенку. Каждое утро перед уходом в свою лавочку, на улицу Бурбонов, Маделон умывала, обувала и одевала Пепси, нежно и осторожно брала ее к себе на руки и ловко усаживала на кресло-самокат.

Маделон только ради того, чтобы ее ребенок не только ни в чем не нуждался, но имел бы все в избытке, не щадила своих сил. Случалось, что дождь льет с утра до вечера, а она неуклонно сидит в своей палатке, торгуя конфектами; затем до полуночи возится у себя на кухне, заготовляя тесто для пирожков, готовит обед и ужин, а между делом еще шьет, принимая заказы. Ей было бы невыносимо больно заметить, что у Пепси в чем-нибудь недостаток.

Раз как-то Пепси сказала матери, что ей очень бы хотелось пожить в деревне. Она имела понятие о деревенской жизни только из книг и из рассказов матери, которая когда-то жила за городом.

Это была единственная мечта девочки, но мать, к великому своему горю, не могла ее осуществить.

ГЛАВА 5

Новые соседи

По другую сторону улицы «Добрых детей», почти напротив домика Маделон, стоял одноэтажный, но довольно высокий дом, более причудливой внешности, нежели все окружающие его дома. Входная дверь его была гораздо выше и массивнее обыкновенных. Два больших окна по обе стороны двери были украшены крошечными балкончиками, на которых едва ли мог поместиться даже один человек. Карниз крыши поддерживался небольшими лепными фигурами. Дом этот, к искреннему сожалению Пепси, долго стоял пустым. Ей до тошноты надоело смотреть на его запертые двери и окна, и она каждый день желала, чтобы поскорей нашлись постояльцы. Наконец, к великому ее удовольствию, в одно прекрасное августовское утро на улице, как раз под окном Пепси, остановилась группа незнакомых лиц: средних лет женщина, очень хорошо одетая во все черное, хромая, с тростью в руке, затем молодой человек и прехорошенькая девочка. Долго и внимательно осматривали они пустой дом, затем поднялись на ступеньки крыльца, отперли дверь и вошли.

Девочка сразу заинтересовала Пепси. Эта малютка резко отличалась от всех детей, живущих на той же улице. Ее белое батистовое платьице, черный шелковый пояс и черная шляпа с широкими полями были очень изящны.

Впрочем, внимание убогонькой привлекли не столько красота девочки и ее изящный костюм, сколько необыкновенная бледность грустного ее личика и поразительная худоба, точно она перенесла тяжкую болезнь. Женщина в черном вела ее за руку; она шла медленно, как будто спотыкаясь, и все оглядывалась на странной формы корзину, которую нес вслед за нею широкоплечий, черноглазый, рыжеволосый молодой человек, франтовски одетый.

Пепси не могла оторвать глаз от дома, так страстно ей хотелось посмотреть еще раз на девочку. Она была уверена, что все трое осмотрят дом и выйдут оттуда. Однако молодой человек распахнул настежь все двери и окна с таким видом, будто он распоряжается здесь, как у себя. Женщина в черном сняла шляпу с вуалью, повесила ее и широкополую детскую шляпу на крюк, вбитый в стену у ближайшего окна. Девочка же минут пять спустя вышла на боковую галерею, неся что-то в руках. Как Пепси ни вытягивала шею, как она ни приподымалась с кресла, забывая о своих больных ногах и спине, ей никак не удалось рассмотреть, что держит ребенок на руках.

— Это котенок,— говорила про себя Пепси.— Нет! Собачка? Нет, и не собачка! Должно быть, птица: я вижу, как она трепещет крыльями. Птица, птица и большая! Престранной породы птица! Что это значит? — продолжала рассуждать про себя убогонькая, вся красная от волнения и сильного любопытства.

Незнакомая девочка села на ступеньки лестницы галереи, нежно прижимая к себе птицу и поглаживая ее перышки.

— Ну, значит,— думала Пепси,— дом за ними, иначе они не стали бы открывать окна и развешивать свои вещи. Ах, как я была бы рада...

В эту минуту по мостовой загромыхали колеса и к дверям нанятого дома подкатил громадный перевозочный фургон, сверху донизу набитый сундуками, мебелью и дорожными мешками.

Пепси с напряженным вниманием следила за разгрузкой фургона. Вдруг в комнату влетела, как вихрь, «Мышка». Короткие ко-

сички ее курчавых волос торчали в разные стороны. Улыбаясь до ушей, она скалила свои зубы, глаза ее так и сверкали от восторга. Она сидела на улице, на скамейке перед домом, увидела приезжих и поторопилась доложить своей маленькой приятельнице о необычайной новости.

— Мисс Пип! Мисс Пип! — затараторила она.— Кто-то нанял дом, что напротив нас, и сейчас туда переезжает. Я видела женщину в черном, мужчину и маленькую девочку. У нее желтые волосы и в руках длинноногий гусь. И как она с ним возится — верно, очень любит!

— Замолчи, «Мышка»! Ступай дело делать! — прикрикнула Пепси, чересчур увлеченная зрелищем на улице, чтобы слушать болтовню маленькой негритянки.— Точно я без тебя ничего не вижу. Поди лучше убери кухню: мама, того и гляди, вернется домой!

— Я убрала уже, все убрала, мисс Пип, и только что вышла отдохнуть на скамеечку перед домом, смотрю — она грязная- прегрязная. Позвольте мне ее теперь же вымыть, мисс Пип, я мигом все это устрою!

— Пожалуй, ступай, мой скамейку,— сказала, снисходительно улыбаясь, Пепси,— но помни, чтобы в кухне было все в порядке, когда вернется мама.

Такое происшествие, как появление новых жильцов, считалось настоящим событием на улице «Добрых детей». Пепси очень хорошо поняла, что выдумка «Мышки» — именно теперь мыть лавочку перед домом — была невинной хитростью: ей просто хотелось поглазеть на новых жильцов.

Наконец мебель и разные другие вещи были внесены в комнаты. Оставались два больших сундука, которые пришлось не без усилия втаскивать во входную дверь.

Как только фургон разгрузили и он уехал, входную дверь дома захлопнули и заперли изнутри. Зрители все разошлись, но Пепси с наблюдательного своего пункта продолжала следить за движения-

ми приезжих. Она видела, как Эдраст вышел со двора, неся в руках корзину, и решила, что он пошел на базар. Она видела, как дама в черном навешивала кружевные занавески на одно окно, и тотчас уверила себя, что приезжие устраивают себе гостиную. Одна штора оставалась поднятой до позднего вечера, а другую так и не поднимали.

Наступил вечер. Пепси забыла о своих конфетах, но мать не побранила ее, и даже «Мышке» ничуть не досталось. Маделон было понятно невольное увлечение девочек новыми соседями. На следующее утро Пепси проснулась ранее обыкновенного и до такой степени торопилась усесться на обычное свое место, что едва дала матери время одеть ее. Выглянув на улицу, она убедилась, что двери и ставни у соседей еще заперты.

Но вот поднялась штора в правом окне; как раз посреди стекла вывесили курьезное объявление. В рамку был вставлен кусок белого картона, на котором было неграмотно написано красными чернилами:

«Тонкое мытье здесь делается,
и заказы всех сортов»

Прочитав это объявление, Пепси успела рассмотреть, что внутри комнаты стояли столы с наваленными на них кусками кружев и кисеи, картонками, грудами детских нарядных платьиц, фартучков, дамских воротничков, манжеток и носовых платков. Ближе к окну был придвинут длинный стол, на котором аккуратно лежали бумажные катушки для швейной машины, пуговицы всевозможных размеров, тесемки, мотки шерсти, свертки лент — словом, хороший запас мелкого товара, необходимого для женского туалета.

Приводя в порядок весь свой товар, дама в черной юбке и свежей белой кофточке самодовольно осматривалась, стараясь при-

дать комнате еще более нарядный вид. Ей оставалось только ждать заказчиков, которые не замедлят явиться.

Теперь только, впервые по смерти молодой вдовы в Грэтне, мадам Жозен вздохнула свободно и почувствовала, что стоит наконец на твердых ногах. Все так именно устроилось, как предсказывал Эдраст: молодая мать покоилась в склепе, а малютка дочь была слишком мала для того, чтобы сообщить какие-нибудь сведения о своей семье; она даже не помнила ни имени, ни фамилии родителей, потому что после тяжелого тифа память сильно ей изменила, и она ничего не могла рассказать о своей прежней жизни. Девочка до того стала слаба и апатична, что ее ничто не интересовало, кроме голубой цапли, с которой она никогда не расставалась. Сознавала ли она свою страшную потерю, горевала ли о матери – мадам Жозен не могла решить. В первые дни по выздоровлении она беспрестанно звала мать и плакала. Боясь, чтобы ребенок вторично не занемог, Жозен, нежно лаская малютку, принималась уверять ее, что мама уехала куда-то ненадолго и оставила ее с тетей Полиной, велела быть ей умницей, слушаться и любить тетю, пока мама не вернется.

«Леди Джэн» слегка отталкивала от себя Жозен, пристально и как будто строго всматривалась в улыбающееся лицо хозяйки, но никогда ей ничего не отвечала. Девочка совсем не забыла прошлого, как это воображала Жозен, и не верила ни одному ее слову, но мозг ее еще плохо работал, и она неясно соображала, что такое с ней творится. Сомневалась ли она в выдуманной истории или тосковала – никто этого не мог угадать. Она оставалась невозмутимо спокойной и послушной. Смеяться она как будто отвыкла и редко плакала. Никому в доме она не мешала и, казалось, не замечала всего того, что вокруг нее делалось. Разбитая горем и недавней болезнью, прежняя веселая, остроумная девочка точно совсем переродилась.

ГЛАВА 6

«Леди Джэн» находит друга

В первое время мадам Жозен настаивала, чтобы имущество умершей молодой женщины оставалось неприкосновенным, по крайней мере еще несколько недель.

— Мы должны выждать немного,— уговаривала она чересчур торопливого и горячего Эдраста.— Кто знает, а вдруг ее хватятся и начнут разыскивать? Мы можем быть привлечены к ответственности, если откроется, что она остановилась у нас и умерла в нашем доме. Нас, пожалуй, заподозрят в грабеже. Если же мы сундуков не вскроем, никто не будет иметь права обвинять нас в присвоении ее багажа. Доктор Дебро свидетель, что она занемогла горячкой, и всякий скажет, что я поступила хорошо, приняв участие в судьбе приезжей и приютив теперь сиротку-дочь. Когда все это подтвердят, меня, конечно, хорошо вознаградят за все хлопоты и расходы...

Эти доводы матери сильно повлияли на Эдраста, не отличавшегося добросовестностью. Он смертельно боялся попасться в когти закона, помня о судьбе отца.

Если бы мать или сын обратили внимание на странное объявление в местной газете за подписью «Голубая цапля», они не были бы так спокойны. Но они редко заглядывали в газеты.

Прошло шесть недель. Жозены решили, что опасность миновала. Они начали с того, что переселились в самую отдаленную

часть города и там, на улице «Добрых детей», сняли удобную квартиру. Мадам Жозен очень соблазняла мысль отдохнуть от всякой работы и пожить барыней. Но осторожность напомнила ей, что, устроившись так, она возбудит подозрение. Каждый невольно спросит себя: откуда она так разбогатела? И потому она решила продолжать заниматься чисткой кружев по-прежнему и завести также небольшой магазин галантерейных товаров. Все-таки кое-что перепадет в карман, а в то же время такое скромное заведение придаст приличный характер ее новому положению.

Между вещами, принадлежавшими покойной матери Джэн, находился бумажник с двумястами долларов, скрытый мадам Жозен от своего сына. Из денег, оставленных ею в дорожном мешке, о которых знал Эдраст, она покрыла все расходы на скромные похороны, отдала доктору, что следовало, и оставила немного на всякий случай. В мешке оказались различные вещи, кружева, вышивки и, наконец, хорошее белье, платья и разные другие предметы женского туалета. В одном из чемоданов была шкатулка, туго набитая письмами на английском языке. Из этих писем мадам Жозен, конечно, могла бы узнать все нужное об умершей леди и ее дочери, но беда была в том, что она плохо читала писаное, особенно на чужом языке. Показать кому-нибудь их она боялась, а потому все откладывала свое намерение рассмотреть эти письма. Раз как-то вечером она ушла со двора. Милый ее сынок, не говоря ни слова, сжег всю пачку писем в кухонной печке. Он в этом не сознался матери, когда та нашла кучу сожженных бумаг, превратившихся в пепел. Но сомневаться в этом не приходилось.

— Что же мне теперь делать? — рассуждала про себя Жозен.— Может быть, он к счастью все это сделал, а может быть и наоборот.

Она успокаивала себя следующими рассуждениями:

— Если у меня на плечах осталась девочка-сирота, не отсылать же мне ее в воспитательный дом, как другие бы это сделали! Нет, я

ее буду беречь, лелеять, воспитывать, как родную дочь, буду заботиться о ней, как о собственном ребенке.

На этом-то основании мадам Жозен и делала все возможное для того, чтобы незаметно и поскорее забрать в свои руки имущество девочки-сироты и ее матери. А главное, плутоватая женщина палец о палец не ударила, чтобы разыскать родных или знакомых покойной и удостовериться в ее личности. Из детского гардероба она выбрала для «леди Джэн» все то, что было попроще и попрочнее для ежедневной носки. Платьица же с кружевами, вышивками и лентами она отложила в сторону, рассчитывая продать их как можно выгоднее, если представится случай. Из гардероба матери мадам Жозен сделала также строгий выбор. Для себя она отобрала те платья и вещи, которые при всей своей прочности и элегантности не бросались бы очень в глаза, хорошее же белье, дорогие кружева и другие предметы туалета послужили ей отличным материалом для выставки в своем магазине.

Несмотря на свою дерзость, Жозен не была спокойна, когда начала развешивать и раскладывать в своем магазине все те хорошенькие вещи, которые она вырыла из чужих сундуков. Притом ее не столько пугал суд публики, сколько сама девочка-сирота. Что, если «леди Джэн» узнает платья и вещи своей матери и спросит ее об этом? Мадам Жозен бросало в жар и холод при мысли, что завтра утром девочка в первый раз увидит убранную как следует модную лавочку.

Это утро наступило наконец. «Леди Джэн» встала с постели и вышла бледная, с припухшими глазами, небрежно одетая, кое-как причесанная – это было живое олицетворение печального заброшенного ребенка. Неся по обыкновению на руках любимицу свою – цаплю, девочка прямо повернула в боковую дверь, ведущую в палисадник, не заглянув даже в соседнюю комнату. А между тем Жозен давно поджидала ее, стоя на пороге. Видя, что ошиблась в расчетах, она вспылила и нетерпеливо крикнула:

— Да иди же ко мне, дитя! Дай застегнуть сзади твое платье. Ты сегодня и волос даже себе не причесала. Так не годится делать! Ты уже большая девочка, можешь сама одеваться и причесываться, и ты должна это делать. Не смотреть же мне за тобой ежеминутно. У меня и без тебя хлопот много.— Затем, смягчив тон, Жозен начала нежно приглаживать золотистые волосы малютки.

«Леди Джэн» мельком взглянула на столы с бельем, кружевами и разными дамскими уборами и вдруг вскрикнула:

— Это мамина шкатулочка! Как вы смели взять ее себе?

Девочка схватила со стола старинной работы ящичек и бегом направилась в спальню.

Жозен сделала вид, что не обращает внимания на выходку малютки, и не отняла у нее этой вещи. «Леди Джэн» не расставалась со шкатулочкой в продолжение целого дня, и только ночью, когда сон одолел ребенка, Жозен разжала пальчики ее рук и, высвободив из них шкатулочку, спрятала ее подальше.

— Я долго не покажу ей этой вещицы,— рассуждала сама с собой Жозен.— Ей это вредно. Она чересчур волнуется. Я не буду спокойна ни одной минуты, пока не спущу с рук всех вещей, принадлежащих ее матери.

* * *

— Сегодня в магазин мадам Жозен входит уже пятый покупатель,— говорила Пепси «Мышке» несколько дней спустя после переезда незнакомой семьи в пустой дом.— Она, видно, хорошо расторговалась, никто от нее не выходит без покупки.

— А ребятишки-то, посмотрите, так и толпятся перед их крыльцом,— с досадой заметила «Мышка».— Гм! Только это не по-

купатели... их тянет поглазеть на маленькую девочку с гусенком на руках. Вон бедняжка на галерее сидит и все ласкает свою птицу. Милая крошечка! Скучно ей, верно, целый день одной сидеть!..— заключила со вздохом негритянка, сметая ореховую скорлупу со стола.

— «Мышка»! «Мышка»! Можно ли при открытом окне так громко сплетничать? — прикрикнула Пепси на болтливую «Мышку».— Мне так хочется поближе посмотреть на девочку, а главное, узнать, что за птицу она все с собою таскает! Сходи сейчас к забору соседей и попроси девочку прийти ко мне. Скажи, что я ей за это дам орехов в сахаре.

«Мышка» побежала на улицу и так долго глазела на «леди Джэн», что Пепси пришлось крикнуть ей, чтобы она вернулась домой. «Мышка» явилась одна.

— Не беспокойтесь,— кричала она еще издали,— не придет! Гладит свою длинноногую птицу и молчит, выпучив глаза, как сова. Говорю вам: не беспокойтесь, не придет!.. Она, видно, упрямая, мисс Пип. «Орехов в сахаре,— говорит,— мне не нужно». Подумайте! Орехов в сахаре ей не нужно!! Ох, уж эти белые дети! Причудницы, нечего сказать! — И «Мышка», все время бормоча что-то себе под нос о капризных белых девочках, убралась в кухню.

Весь этот день Пепси сидела настороже, надеясь, что малютка изменит свои мысли и завяжет с нею знакомство. Но, к великому ее огорчению, надежда эта не оправдалась.

Под вечер, когда было уже поздно рассчитывать на свидание и покупатели почти перестали заходить в модный магазин мадам Жозен, Пепси, чтобы утешиться и развлечься немного, принялась раскладывать свой любимый гранпасьянс. Но в ту самую минуту, когда дело шло у нее к развязке, на улице, у самого ее окна, послышался какой-то шорох. Пепси подняла глаза и увидела перед собой девочку с золотистыми длинными волосами, в беспорядке падавшими ей на плечи, и в каком-то старом грубом платке, наброшенном на голо-

ву и прикрывавшем ее лоб почти до бровей. Лицо ребенка было очень бледное и грустное, но кроткая улыбка на губах образовала две ямочки около рта, а серьезные глазки так и светились.

«Леди Джэн», став на фундамент дома, приподняла обеими руками голубую цаплю и силилась поставить ее на решетку окна. Заметив удивленный взгляд Пепси, она вежливо и кротко сказала:

— Вам хотелось взглянуть на Тони? Вот он, я принесла его.

Так познакомились «леди Джэн» и Пепси.

ГЛАВА 7

Первый визит к Пепси

Я боялась, что вы не придете! — сказала Пепси.— «Мышка» уверяла меня, что вы не хотите прийти. Я сторожила вас целый день.

— А я пришла показать вам Тони прежде, чем мне велят ложиться спать,— отвечала «леди Джэн», улыбаясь.— Я его подержу, а вы посмотрите,— продолжала малютка, становясь на носки и силясь усадить цаплю на столбик решетки.

— Погодите, погодите! — радостно крикнула Пепси.— Я прикажу «Мышке» отпереть входную дверь! Разве вы ко мне не зайдете?

«Мышка», подслушавшая весь разговор, высунула голову из-за кухонной двери. Она в одну секунду отодвинула задвижку, и «леди Джэн» очутилась в маленькой комнате, где сидела Пепси.

— Ах! Как у вас мило! — воскликнула девочка, слегка вздохнув.— Я так рада, что пришла! А у вас есть киска?

— Киска? Вы хотите сказать, маленькая кошечка? — спросила Пепси, невольно любуясь ребенком и птицей.— Нет, кошечки у меня нет, к сожалению.

«Леди Джэн» опустила цаплю на пол и, не выпуская из рук бечевки, привязанной к кожаному ремешку на ноге птицы, пристально, с очевидным состраданием рассматривала уродливую спину и плечи больной девочки.

В это время Пепси и «Мышка» не могли оторвать глаз от голу-

бой цапли, которая, неуклюже прискакивая, клевала что-то на полу. Маленькая негритянка не сумела сдержать своего восхищения.

— Мисс Пип! — кричала она, всплескивая руками.— Поглядите вы на эту диковинную птицу!.. Ведь это не гусенок! Вон какие хорошие перышки на хвосте: точно перья на шляпе мисс Мари!

— Знаете, ведь Тони понимает, когда я с ним разговариваю,— сказала «леди Джэн», поднимая свои большие глаза на Пепси.— Хотите, я его позову, он сейчас прибежит.

Говоря это, малютка тихо чирикнула по-птичьи и громко позвала:

— Тони! Тони!

Птица повернула свои круглые глаза в сторону хозяйки и, хлопая крыльями, подбежала к ней.

— Смотрите, смотрите! — неистово кричала Пепси, оскаливая свои белые зубы.— Услыхала, бежит! Сроду не видывала таких птиц! Да она дикая, что ли?

— Нет, совсем ручная! А то бы она от меня улетела,— возразила «леди Джэн», нежно глядя на своего любимца.— Это голубая цапля; здесь ни у кого нет такой.

— Голубая цапля! — повторила Пепси.— Никогда не слыхала такого названия.

— Я очень рада, что вам так понравилась моя цапля! — сказала «леди Джэн».

— Как я счастлива, что познакомилась с вами!— воскликнула Пепси.— Я очень хотела, чтобы вы ко мне пришли. Скажите мне, пожалуйста, что мадам Жозен: тетка вам или бабушка?

— Да она просто тетя Полина, вот и все! — очень равнодушно отвечала малютка.

— А вы очень ее любите? — дипломатично спросила Пепси.

— Я ее совсем не люблю! — решительно отвечала «леди Джэн».

— Неужели? А почему? Разве она дурно с вами обращается?

Малютка ничего не ответила, но выразительно посмотрела на Пепси, как будто давая понять, что ей не хочется распространяться об этом.

— Лучше не будем говорить о ней. А вы, видно, скучаете без мамы? Она от вас уехала? — Пепси понизила голос и старалась говорить как можно ласковее, чувствуя, что касается деликатного вопроса. Она это делала не из любопытства, а из живейшего участия к девочке.

«Леди Джэн» упорно молчала.

— Ваша мама уехала? — спросила опять Пепси.

— Тетя Полина уверяет, что мама уехала и скоро приедет назад, но я ей не верю! — возразила малютка, причем лицо ее приняло обычное грустное выражение.— Ах! Зачем она не взяла меня с собою?

— А вас зовут «леди Джэн»? Какое прелестное имя! — заметила Пепси, стараясь удержаться от слез.— Пташечка вы моя милая, не надо тосковать! Почему вы сидите по целым дням в галерее вдвоем с птицей? Когда вы увидите, что ваша тетя занята с покупателями, приходите посидеть со мною и Тони с собой приносите. Я вам покажу, как я чищу орехи и варю их в сахаре; буду читать вам интересные книжки. А теперь расскажите мне, откуда вы достали цаплю? Кто вам ее дал?

— Мне ее подарил один большой мальчик, хороший такой. Это было в вагоне. Мама позволила ему подарить мне птичку. У нее тогда еще не так сильно болела головка, она могла говорить. А потом она уж ничего не говорила...

— А кукол у вас нет? — прервала Пепси, видя, что малютка опять возвращается к грустному воспоминанию.

— Дома, в прериях, у меня много кукол; но сюда мы ни одной не привезли. Тетя Полина обещала мне купить, но до сих пор не купила.

— Не горюйте, я вам прекрасную куклу сделаю! У меня есть маленькие кузены и кузины, фамилия их — Пэшу. Я им в течение этого года передарила целый десяток кукол. А вы знаете, кто такие Пэшу? Это мой дядя, а его жена — тетя моя, я ее зову тетя Модя, детей у них куча. Дядя Пэшу работает на ферме и торгует молоком. Живут они на улице Французов, за городом. Дом у них большой, просторный. Таких домов нет на всей нашей улице. При доме фруктовый сад, где растут смоквы, персики, гранаты. В цветнике, за которым смотрит Мари, пропасть роз, цветущих мирт, жасминов... У них там прелесть, прелесть как хорошо! Я у них была много лет тому назад. У меня тогда еще не так болела спина.

— А теперь у вас разве очень болит спина? — прервала говорившую «леди Джэн», и кроткое личико ее вдруг омрачилось.

— Да, по временам болит. Посмотрите, какой у меня горб сзади. Он недавно вырос, и мне очень больно, если меня трясут или толкают. Вот отчего я никуда не выезжаю! К тому же у меня ноги не действуют,— сказала Пепси, как будто с особенным удовольствием перечисляя свои недуги.— Но больше всего у меня болит спина.

— Отчего она у вас заболела? — спросила малютка Джэн, и в голосе ее слышалось глубокое сострадание.

— У меня спинной хребет поврежден, и доктора уверяют, будто я никогда не поправлюсь. Тому, кто не привык к болезни, тяжело жить, а я к своей давно привыкла,— с покорной улыбкой проговорила убогонькая.— Когда папа был жив, мне очень хорошо жилось. Вы знаете, папа был пожарный и однажды на пожаре убился насмерть. Я была тогда крошечная, но очень хорошо помню, как отец носил меня на руках и как мы вместе с ним ездили к тете Моде в ее повозочке. Такая хорошенькая повозочка! Выкрашена она красной краской, на двух высоких колесах; на том месте, где должны быть козлы, стоят два больших жестяных кувшина, с вас ростом. Если бы вы знали, как весело сидеть в такой повозке и скоро-скоро ехать! Прохладный ветер дует прямо в лицо!.. Мне кажется, я и теперь его чув-

ствую! – Убогонькая откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза от восторга.– А молоко-то, молоко какое вкусное! Бывало, пить захочется, тетя Модя сейчас нальет мне кружку из кувшина: такое душистое, холодное!..

Восторженные описания Пепси вызывали в воображении малютки Джэн свежее воспоминание о жизни ее в родном доме, в прериях. Лицо ее вдруг оживилось, глаза заблестели.

– Знаете ли что,– начала она,– а я ездила дома не в повозке, а верхом на маленьком моем пони, звали его Подсолнечник: он был золотистой масти. Папа, бывало, посадит меня на лошадку, а мама все кричит, что я упаду.

Вдруг девочка побледнела: послышался громкий голос мадам Жозен:

– Леди! Леди! – кричала она.– Иди домой, дитя! Совсем темно, пора тебе ложиться!

«Леди Джэн» молча взяла на руки цаплю, которая стояла на одной ноге под креслом, подставила свою щечку Пепси, чтобы та ее поцеловала, и вполголоса проговорила:

– Прощайте!

– А вы завтра утром опять придете ко мне? – спросила Пепси, нежно лаская ребенка.– Скажите: наверное, придете завтра утром?

– Приду! – тихо ответила «леди Джэн».

ГЛАВА 8

Новые друзья

Новая жизнь малютки сироты в тихой, отдаленной улице «Добрых детей» началась при довольно благоприятных условиях.

С той минуты, когда убогонькая Пепси молча, но бесповоротно заявила себя защитницей ребенка, у «леди Джэн» вдруг оказалось несколько друзей, которые поочередно старались так или иначе выказать ей свою привязанность.

Добрая Маделон привязалась к ней. Ни разу не уходила она из дому без того, чтобы не оставить на долю сироты сладких пирожков, пралинок или смешную какую-нибудь игрушку, отысканную ею в соседних лавках.

Со времени появления «леди Джэн» разговор между матерью и дочерью постоянно вертелся около сиротки-девочки. В те дни, когда Маделон удавалось быстро сбыть свой товар и прийти домой раньше обыкновенного, она всегда находила свою дочь вдвоем с «леди Джэн» и по той радостной улыбке, с которой малютка бежала к ней навстречу, добрая женщина ясно могла видеть, как живо девочка чувствует материнское внимание к ней совершенно чужой женщины.

Близкое знакомство «леди Джэн» с соседками не пришлось по сердцу мадам Жозен, и раз даже она заявила, что ей не совсем-то нравится эта дружба «племянницы» с хромой девочкой-сосед-

кой, мать которой уличные ребятишки прозвали «Вкусной миндалинкой».

— Может быть, они и честные люди, и ребенка не испортят, но женщина, которую никто не называет «мадам», которая целые дни проводит за прилавком конфетной лавочки на улице Бурбонов, не может иметь благородных манер! — торжественно заявила Жозен, старавшаяся всеми силами придать себе вид знатной особы.

Все же «леди Джэн», несмотря на воркотню тети Поли, продолжала просиживать у соседок с раннего утра до позднего вечера. Она обедала вместе с Пепси, выучилась щелкать щипчиками и чистить миндаль и орехи до того проворно, что Пепси с ее помощью оканчивала свою работу в какие-нибудь полтора часа и, таким образом, весь остальной день убогонькая могла посвятить своей маленькой приятельнице. Трогательно было видеть, какими чисто материнскими заботами Пепси окружала сиротку-девочку. Она умывала ей лицо, расчесывала шелковистые ее волосы, красиво расправляла складки платья, непременно сама завязывала широкий бант ее шелкового пояса, которому умела придать с искусством настоящей французской модистки особенно изящный вид. Каждый день она внимательно осматривала, хорошо ли вычищены розовые ноготки «леди Джэн» и ее белые, как жемчуг, зубы.

Пепси раз в неделю с образцовым терпением чинила чулки ребенка и пришивала пуговицы и тесемки к ее белью.

Как-то раз Жозен разворчалась не на шутку на привычку «леди Джэн» надевать ежедневно свежие белые платья и заявила, что она намерена заменить их цветными во избежание лишней возни и расходов. Негритянка «Мышка», славившаяся как искусная прачка, пришла в сильное негодование от такого намерения Жозен и, коверкая на свой лад французский язык, упросила разрешить ей стирать, крахмалить и гладить белые платьица сиротки-девочки.

Таким образом, «леди Джэн» была каждый день красиво одета. Постепенно грустное выражение ее личика совсем измени-

лось: она пополнела, щеки ее порозовели, и, глядя на этого милого ребенка, появлявшегося постоянно с голубой цаплей на руках, все жители улицы «Добрых детей» ласково улыбались, приветливо кланялись сиротке и принимали живейшее участие во всем, что ее касалось.

Худенький, сморщенный старичок француз по фамилии Жерар, который содержал овощную лавочку рядом с квартирой Маделон, говорил, что для него день не день, когда прелестное личико

«леди Джэн» не появится в их тихом переулке. Старичок весь сиял при звуке приятного детского голоска, раздававшегося по утрам перед его прилавком.

— Доброго утра, мосье Жерар! Тетя Полина просит вас отпустить луку.

Овощи тотчас выдавались, а обычная маленькая прибавка в виде горсти орехов, спелого апельсина или карамелей принималась с обворожительной улыбкой.

Мосье Жерар, необыкновенно кроткий, вежливый старик, редко вступал в разговоры с покупателями. Детей он положительно терпеть не мог, потому что некоторые шалуны из соседних домов постоянно насмехались над ним. По наружности старичок был действительно смешон. Его сморщенное безбородое личико напоминало печеное яблоко. Он выходил на улицу не иначе, как повязав свою лысую голову красным носовым платком, концы которого болтались у него под подбородком. Необычайно широкие панталоны, плисовая куртка и белый фартук чуть не до пола составляли обычный его наряд.

Весь день напролет старичок сидел на своем деревянном стуле перед прилавком, на котором были разложены апельсины, яблоки, сладкий картофель, лук, кочаны капусты и даже пахучий чеснок. В свободные минуты мосье Жерар не сидел сложа руки: вечно он что-нибудь чинил, клеил, штопал. Не тратясь на прачку, он сам стирал свое белье, клал заплаты на платье и штопал свои чулки. Нимало не конфузясь, если его заставали за таким занятием, он при входе каждого покупателя прехладнокровно откладывал в сторону чулок, иголку с ниткой и отбирал требуемый товар.

Однажды утром нелюдимый лавочник удивил «леди Джэн» приглашением посидеть у него в лавке и скушать апельсин, пока он починит свою куртку. Съесть апельсин девочка отказалась, говоря, что она привыкла делиться всем с Пепси, а посидеть охотно согласилась. Поставив цаплю перед корзиной с обрезками овощей, малень-

кая гостья вскарабкалась на стул, оперлась ножками о ближайшую кадочку с морковью, оправила коротенькую свою юбочку и, подперев обеими руками свое личико, принялась внимательно изучать лицо работающего старичка. Наконец любопытство победило ее сдержанность, и она очень вежливо, но слегка запинаясь спросила:

— Мосье Жерар, скажите, вы мужчина или женщина?

Старик в первую минуту положительно оторопел. Откинув назад голову, он вдруг громко расхохотался. Этого с ним не случалось уже несколько лет.

— Это хорошо! Очень хорошо! — воскликнул он.— Да я, маленькая моя леди, сам этого не знаю, потому что мне приходится работать и за мужчину, и за женщину. Но почему это вы ко мне обратились с таким странным вопросом?

— Потому, мосье Жерар,— отвечала девочка пресерьезным тоном,— что я сама об этом часто думаю. Мужчины никогда не шьют и не надевают фартуков, а женщины не носят таких широких панталон. Вот я и не знала, кто вы такой?

— Превосходно! — воскликнул опять старик, покатываясь со смеху.

— Чему же вы смеетесь? Я не понимаю,— возразила «леди Джэн», выпрямляясь на стуле и как будто обидясь на то, что мосье Жерар над ней смеется.— Я нахожу, что если вы мужчина, то вам, должно быть, очень трудно чинить себе платье и штопать чулки, как это делают женщины.

— Ах вы, моя дорогая малютка! Ведь вы знаете, я совсем одинокий, обо мне заботиться некому.

— А я позабочусь! — возразила «леди Джэн», весело улыбаясь.— Теперь, когда я узнала, что вы мужчина, и когда Пепси научит меня шить, я буду сама чинить ваше платье.

— Крошка моя! — воскликнул старик, пораженный таким великодушием.— Вот примите от меня еще апельсин.

— О нет-нет, благодарю! — сказала «леди Джэн», отводя его руку.— Я у вас сделала только одну покупку, и мне следует только одна прибавка; больше — будет несправедливо! Теперь пора мне уйти! И, спрыгнув со стула, она взяла на руки цаплю, которой, очевидно, очень понравилось угощение капустными обрезками, и, вежливо простившись со старичком лавочником, выпорхнула на улицу.

В глубоком раздумье сидел старик за своим чулком по уходе ребенка; наконец он тяжело вздохнул, сложил работу и произнес вслух:

— О если бы Мари была жива! Все шло бы иначе!

ГЛАВА 9

Поездка на дачу

Это было в октябре месяце, в ясное, прохладное утро. Пепси и «леди Джэн» проворно чистили миндаль и орехи. Вдруг на улице застучали колеса и послышалось звяканье жестяной посуды. Это ехала тетя Модя на своей повозке, заново выкрашенной в красную краску, с ярко вычищенными кувшинами для молока. Маленький бойкий мул в красивой сбруе бежал рысцой и остановился как вкопанный у крыльца дома, где жила Маделон. Тетя Модя проворно выскочила из экипажа, обмотала вожжи о столб забора и влетела в комнату свежая, радостная, как весна.

Тетя Модя и Маделон были сестры-близнецы, поразительно похожие одна на другую: то же румяное широкое лицо, те же блестящие черные волосы, гладко зачесанные спереди и свитые в крупный узел на затылке. Тетя Модя явилась в туго накрахмаленном ситцевом платье светлого цвета. На шее у нее был надет белый кисейный шарф, завязанный большим бантом.

Когда Пепси увидала гостью, она раскрыла объятия, вся раскраснелась от радости и весело крикнула:

— Тетя Модя, как я тебе рада! Вероятно, мама передала тебе, чтобы ты приехала за «леди Джэн»?

Тетя Модя горячо расцеловала племянницу и ласково обняла «леди Джэн», точь-в-точь как это делала каждый день Маделон.

— Маделон мне рассказала о девочке с голубой цаплей,— сказала тетя Модя,— и я сейчас же поспешила к ней, чтобы расцеловать малютку и забрать ее к нам в гости. Я, правда, немного задержалась, но что поделаешь? Дела одолели!

— А какие такие дела, тетя? — спросила с живостью Пепси.

— Да ты, милая, не можешь себе представить, что у нас в доме творится с тех пор, как твоя кузина Мари вздумала играть роль леди.— Тетя Модя сделала при этом презрительную гримасу.— Она у нас поставила весь дом вверх дном, и отец не смеет отказать ей ни в чем. Мне, например, очень нравилась наша прежняя обстановка, нет! — подай ей обои да ковры! Это у нас-то ковры! «Устройте мне, говорит,— салон!»

— О, какая прелесть,— воскликнула Пепси, всплескивая руками от восторга,— как мне хочется посмотреть ее салон!

— Увидишь, увидишь его, душа моя! Хоть бы пришлось тебя доставить лежа. Когда у нас будет свадьба,— и тетя Модя при этом выразительно подмигнула, как бы говоря: «А ее ждать недолго!» — то я так или иначе, а перевезу уж тебя к нам; устрою тебе самое спокойное сиденье! Потерпи, милочка; увезем, увезем тебя непременно!

— Ах, тетя Модя, какая вы добрая! — воскликнула Пепси, вся взволнованная от предстоящего удовольствия.

— А тебя, милушка,— сказала добрая женщина, обращаясь к «леди Джэн», личико которой все сияло при виде радости Пепси,— тебя я увезу сейчас же с собою! Тебе необходимо прокатиться.

— Но ведь тетя Полина не знает об этом. Мне надо зайти домой и попросить у нее позволения уехать,— скромно заметила «леди Джэн».

— Я пошлю сейчас к ней «Мышку»,— засуетилась Пепси, очень довольная тем, что ее любимицу ожидает большое удовольствие.— Слушай, «Мышка»,— сказала она, обращаясь к черномазой девочке,

высунувшей свою рожицу из-за двери кухни,— беги к мадам Жозен и спроси, может ли мисс прокатиться в повозочке с мадам Пэшу. Принеси мне ее чистенькое платье, шляпу и пояс!

«Мышка» стремглав понеслась через улицу, сверкая пятками. В это время Пепси принялась тщательно расчесывать кудрявые белокурые волосы девочки-сиротки и так это добросовестно делала, что волосы заблестели, как золото.

Мадам Жозен не противоречила, хотя не преминула заметить, что повозка не карета, но так как «леди Джэн» еще маленькая, то неприличного она тут ничего не находит.

Пока Пепси с любовью занималась туалетом девочки, тетя Модя и «Мышка» проворно перенесли из повозки в комнату припасы, привезенные с фермы. Тут были: свежесбитое сливочное масло, домашний сыр, большая колбаса, кусок свинины и жирная откормленная индейка. Тетя Модя никогда не приезжала без деревенских гостинцев.

Все было готово к отъезду, но «леди Джэн» почему-то ужасно взволновалась: она не знала, брать или не брать с собою цаплю?

— Возьмем, ее, пожалуй,— добродушно сказала тетя Модя,— но не забудь, что у меня целый дом ребятишек. Они затаскают бедную птицу до смерти.

— Я знаю, что мне ее брать с собою нельзя,— печально отвечала «леди Джэн»,— пусть она дома останется! Смотри, милая, будь без меня умницей,— сказала она, обращаясь к птице,— я тебе завтра дам много капустных червей.

Началось прощание. Пепси и «Мышка» нежно расцеловали «леди Джэн», а тетя Модя торопила их, чтобы не опоздать на ферму. Она выбежала на улицу, подняла верх повозки, сама усадила девочку на подушку высокого сиденья, ловко вскочила за нею в экипаж, взяла вожжи в руки, щелкнула ими, и толстенький мул побежал рысью под гору, гремя бубенчиками на потеху уличным детям и собачонкам, которые помчались вслед за повозкой.

Огромное наслаждение испытывала малютка Джэн от быстрой езды по гладкой, ровной дороге. Через полчаса они повернули на улицу Французов – великолепную тенистую аллею вдоль берега реки. Повозка остановилась перед двухэтажным домиком, тонувшим в зелени деревьев и цветов.

Навстречу им выбежал четырнадцатилетий мальчик-подросток с румяным добродушным лицом. Он растворил ворота, и повозка, стуча колесами по мощеному двору, подкатила к подъезду.

– Тибурций! Проворнее распряги мула и уведи его! – крикнула мать, весело здороваясь с сыном. Мул как будто понимал ее слова и, помахивая длинными ушами, утвердительно кивал головой.

Папа Пэшу собственными руками снял дорогую гостью с высокого сиденья и крепко расцеловал ее. Через пять минут на «леди Джэн» налетела целая стая ребятишек. Она сначала струсила: так их было много и так они шумели,– но их искренние ласки и дружественный прием скоро ободрили и развеселили ее.

Славный выдался денек для «леди Джэн»! Сначала маленькую гостью повели в курятник, затем на скотный двор, где познакомили со щенятами, котятами, телятами и жеребятами. Повели ее в коровник, где в чистых стойлах стояли красавицы коровы в ожидании, чтобы их пришли доить.

Завтрак подали в саду на траве, после чего дети наполнили корзину розами в подарок Пепси, а для Маделон послали ящик домашнего печенья.

Вплоть до вечера дети играли и бегали на лугу перед домом. Когда наступил вечер и громадные жестяные кувшины наполнились опять свежим вечерним молоком, мула снова запрягли в повозку, «леди Джэн» посадили рядом с тетей Модей, наградив ее целым запасом лакомств, поцелуев и добрых пожеланий. Девочка устала донельзя, но чувствовала себя необыкновенно хорошо.

Подъезжая к городу, «леди Джэн» вдруг притихла. Тетя Модя заглянула под широкие поля ее шляпы, думая, что она заснула, но

большие голубые глаза ребенка были раскрыты, веселое личико как-то побледнело и осунулось.

— Милочка! Ты как будто устала? — ласково спросила тетя Модя.

— Нет, ничего,— отвечала «леди Джэн», слегка вздохнув.— Я все думала о своем пони, о прериях, о папе и о маме...

Тетя Модя ничего не отвечала, но также задумалась: в судьбе девочки-сироты было что-то непонятное и странное.

Слухи, распускаемые мадам Жозен об умершей молодой матери и сироте-девочке, совсем не соответствовали друг другу: тут, очевидно, крылась тайна, и тетя Модя дала себе слово так или иначе добраться до сути дела. А когда эта энергичная добрая женщина решалась распутать какой-нибудь узел, она всегда добивалась успеха.

ГЛАВА 10

Подозрения тети Моди

Пэшу! — сказала однажды тетя Модя своему мужу, когда тот, очень усталый от дневных работ, собирался лечь спать.— Угадай, о чем я думала целый вечер сегодня?

— Трудное дело! — возразил с улыбкой Пэшу.— Я никогда не воображал, чтобы ты на размышление теряла напрасно время!

— Но ведь это редко со мной случается,— заметила тетя Модя, которой показалось, что муж делает ей упрек,— но, право, мысль эта гвоздем засела у меня в голове. Меня ужасно интересует приемыш мадам Жозен. В судьбе ее есть что-то подозрительное. Что ребенок не из семьи Жозенов, за это я поручусь головой! На днях как-то я зашла в магазин к Жозен купить для Мари ленту. Спрашиваю, откуда у нее появилась хорошенькая малютка? «Это наша родственница по Жозенам»,— сухо отвечала она мне и сейчас же переменила разговор. А сегодня я своими глазами видела, когда Пепси надевала на девочку свежее платьице, что на ее рубашечке и юбочке вышиты две буквы «J и C». Помни: «J и C». Не далее как в конце прошедшей недели я опять была в магазине Жозен. Смотрю: старуха что-то юлит около меня; расспрашивает, когда назначена свадьба Мари, затем сообщает, что у нее есть кое-какие вещи превосходной работы, которые ей очень хочется мне показать. Затем она вынимает из шкафа большую картонку и из нее вытаскивает целую кучу дамского бе-

лья. «Ваша барышня,– говорит она,– выходит замуж, вам необходимо дать ей отличное приданое; не хотите ли у меня купить это белье? Я дешево отдам».

«Моей дочери батисты не по плечу»,– возразила я, перебрав превосходное белье. На каждой самой маленькой вещи был вышит вензель «J.C.» – понимаешь, те же самые буквы, что на белье ребенка. С плутовками церемониться нечего! Я прямо так и брякнула: «Откуда, скажите на милость, могли попасть в ваши руки эти вещи?»

«Это все принадлежало покойной матери Джэн»,– проговорила Жозен, лицемерно вздыхая. «Мне хочется продать лишнее. Девочка еще маленькая: когда она вырастет, белье от времени истлеет; гораздо будет полезнее вырученные за него деньги употребить на ее воспитание».

«А что же вы сделаете с вензелем? Придется спарывать с каждой вещи «J и C»,– сказала я, напирая с умыслом на обе буквы и выжидая, что старуха мне на это ответит. Ты ведь знаешь, какая она увертливая.

«О, мадам Пэшу! – воскликнула она.– Как вы не поняли: ведь «J.C.» обозначают «Жозен Камилла» – инициалы нашей родственницы. Вензель вышит так кудревато, что не разберешь. Право, купите рубашки, я вам большую уступку сделаю!»

«Нет,– возразила я,– не куплю! Это белье слишком тонко для нашей девочки». А про себя подумала: неужели бы я позволила нашей Мари носить ворованные вещи?

– Тише, тише, Модя! – остановил ее муж.– Ты можешь попасть под суд за клевету.

– Нет, я ее упрячу под суд! Это будет справедливо! Пусть-ка она докажет, когда и как умерла мать малютки? Кто был свидетелем ее смерти? Послушай только, что девочка рассказывает,– поневоле призадумаешься. На днях, возвращаясь со мной домой с фермы, она все вспоминала, как они жили в прериях, рассказывала про отца,

про мать... Мне все сдается, что Жозены просто украли ребенка...

— Полно, Модя, не увлекайся! Старуха Жозен совсем не такая дурная женщина,— заметил миролюбивый Пэшу.— У нее негодяй-сын — это правда! Эдраст — вылитый отец! Я даже слышал, что он и теперь посажен под арест за какое-то нехорошее дело. Но мать тут ни при чем.

— Хорошо! Посмотрим, посмотрим! — продолжала горячиться тетя Модя.— Одна улика у меня уж есть верная: это — вензель на белье. Что оно помечено буквами «J.C.», а не «C.J.» — за это головой отвечаю.

— Знаешь, что мы сделаем? — сказал Пэшу после нескольких минут размышления.— Будем зорко следить за девочкой, и если что-нибудь обнаружится, я тотчас объявлю себя ее адвокатом. Ты скажи своей сестре Маделон, чтоб она немедленно дала мне знать, если заметит что-нибудь подозрительное. Я сам буду знать, что тогда делать.

— Ну, теперь я спокойна относительно ребенка,— сказала тетя Модя, с гордостью любуясь своим мужем.— Каждый в городе знает, что если Пэшу взялся хлопотать о каком-нибудь деле, то, значит, дело правое.

Жутко стало бы на душе у мадам Жозен, если бы она слышала эти неблагоприятные о ней отзывы. По правде сказать, она и без того постоянно мучилась угрызениями совести. Ей все чудилось, что за нею следят и в чем-то ее подозревают. Несмотря на все свое старание быть как можно любезнее и предупредительнее со своими покупателями и соседями, ей в этом отношении как-то не везло. Народу ходило к ней много, торговля шла бойко, но все покупатели были с ней холодны, неохотно вступали в разговор и никогда не засиживались в ее магазине. А ей так страстно хотелось внимания и почета!

Главным предметом ее гордости был сын. Всегда щегольски одетый, изящно причесанный, с драгоценными перстнями на руках,

он целый день шатался по кофейням, трактирам, общественным садам или по тем улицам, где было больше народу, обращая на себя внимание своим платьем и ослепительной белизны батистовым бельем, а главное — изящными часиками с вензелем «J.C.», объясняя, по примеру матери, что это фамильная их драгоценность.

Кроме Эдраста, мадам Жозен гордилась и малюткой — «леди Джэн», для которой двери всех соседей были открыты настежь. Покупатели магазина Жозен нередко шли туда единственно с тем, чтобы полюбоваться прелестным ребенком. Все это удовлетворяло тщеславие Жозен, но не ее самолюбие. Она ясно видела, что «леди Джэн» гораздо больше привязана к Пепси, к Маделон и даже к старичку Жерару, чем к ней, своей тетке Полине. Девочка была всегда покорна и почтительна, но никогда к ней не ласкалась.

— Змееныша я себе выкормила! — говорила мадам Жозен, следя из окна, как малютка направлялась к своей приятельнице Пепси.— Чего-чего только я не делала для этой девчонки: недосыпала, недоедала, ухаживала за ней во время болезни! А чем она мне заплатила за это? Чем вознаградила мои заботы и хлопоты?.. Гордячка этакая! Найдись только случай — в грязь втопчет! Вот так-то вам всегда отплачивают за добро! Вытолкай я ее в тот вечер вместе с матерью на улицу, они больше бы меня ценили, чем теперь. Кто знает, может быть, для меня и лучше было бы не связываться с ними...

ГЛАВА 11

Таинственный дом

Рядом с овощной лавочкой Жерара, на углу переулка находился небольшой домик с двумя окнами на улицу, которые всегда бывали плотно прикрыты ставнями. Никто не помнил, чтобы они когда-нибудь отворялись. Домик был обнесен высоким зеленым забором. Из-за забора была видна масса зелени и цветов.

Каждый день, какая бы ни была погода, «леди Джэн» заходила навестить своего друга мосье Жерара и затем продолжала свою прогулку до зеленого забора, где она непременно останавливалась, любуясь на разноцветные палевые, красные и белые розы, живописно окаймлявшие верх забора. Девочке очень хотелось, чтобы чья-нибудь невидимая рука сорвала несколько этих прекрасных цветов и бросила ей или чтобы невидимые жильцы домика отворили калитку и позволили ей заглянуть к ним в сад.

Не одна «леди Джэн» – все, живущие на улице «Добрых детей», мечтали об этом. Каждому хотелось проникнуть в таинственный уголок. Мало кому из детей удавалось уловить ту минуту, когда молочник или булочник приходили со своим товаром к хорошенькому домику. На стук отворялась калитка, какая-то дама под вуалью принимала хлеб или кувшин с молоком, и любопытные ребятишки в несколько минут успевали разглядеть, что за зеленым забором раскинуты прелестный цветник и небольшой фруктовый сад. Днем, гу-

ляя около этого домика, «леди Джэн» могла ясно слышать доносившиеся из комнат веселое пение канарейки и мягкие мелодические звуки старинных клавикордов, под аккомпанемент которых чей-то женский голос, негромкий, но чрезвычайно выразительный, пел романсы и арии из старинных опер. Девочка, одаренная от природы необыкновенным слухом и замечательным голосом, простаивала иногда по целому часу, наслаждаясь пением неизвестной певицы.

До сих пор никто не подозревал, что «леди Джэн» недурно поет. Только Пепси пользовалась правом слышать, как малютка, сидя с ней вдвоем, вполголоса пела колыбельные песни, заученные ею от покойной матери. Трогательно было видеть, с каким умилением убогонькая закрывала глаза от восторга, слушая, как ее маленький друг нежно распевал:

Спи, дитя мое, усни!
Месяц в облачной дали
Мирный сон малютке шлет,
Звезд-ягняток стережет!

«Леди Джэн» не позволяла другим присутствовать при ее пении, и если «Мышка», по свойственному ей любопытству, прокрадывалась в комнату, девочка тотчас умолкала.

Каково же было удивление старичка Жерара, когда, выйдя раз утром из своей лавки, чтобы посидеть на скамейке у крыльца и подышать свежим воздухом, он увидел «леди Джэн» перед запертыми ставнями таинственного домика с цаплей на руках. Девочка до того небрежно держала птицу, что длинные ноги цапли волочились по песку. Оказалось, что чей-то старческий, дребезжащий, но все еще приятный голос пел арию из старинной французской оперы, часто слышанной в молодости стариком Жераром. «Леди Джэн», точно в забытьи, приподняла немного головку, раскрыла ротик и принялась вторить этой же арии, но так правильно и чисто, что старик оторо-

пел. Он незаметно подвинулся вперед, чтобы яснее слышать. Девочка поразительно верно исполняла все рулады, повышала и понижала голос, строго следя за аккомпанементом клавикордов. Жерар

вне себя от волнения быстро скрылся в своей лавочке и там разрыдался: так сильно эта странная музыка пробудила в нем воспоминания прошлого.

— Такому прелестному голосу нельзя пропадать! Как жаль, что мисс д'Отрев такая неприступная; я поговорил бы с ней, и она, конечно, стала бы учить малютку,— рассуждал старичок сам с собою.

Вслед затем в лавочку вошла «леди Джэн» со своей цаплей на руках.

Вежливо поздоровавшись со старичком, она с утомленным видом села на скамеечку. Лицо ее было необыкновенно серьезно и озабоченно.

— Знаете ли, мосье Жерар, что я вам скажу? — тихо проговорила она.— Мне хочется попасть в запертый домик, хочется узнать, кто там поет?

— Я вам сейчас скажу, моя маленькая леди. Вы спрашиваете, кто там поет? Это мисс Диана!

— Кто такая эта Диана?

— Диана — дочь мадам д'Отрев! Живут они вдвоем в этом маленьком домике. Чем они занимаются, я не знаю.

— Они, вероятно, богаты? — сказала «леди Джэн».

— Нет, нет, нет, они очень-очень бедны! — ответил Жерар.— Дедушка и отец ее умерли давным-давно, и теперь она живет вдвоем с матерью в этом домике, который всегда заперт. Никто не помнит, когда эти дамы сюда приехали. Вот уже десять лет, как я живу на улице «Добрых детей», и ни разу не помню, чтобы кто-нибудь из посторонних входил в эти ворота или выходил оттуда. Мисс Диана, вероятно, ночью, когда совсем уже темно, чистит скамейки перед домом; иначе нельзя объяснить, когда она это делает. Как я ни караулил, никогда не заставал ее за этим занятием. Изредка, рано утром, она заходит ко мне, чтобы купить пару апельсинов для матери.

— А если я рано-рано встану и буду ждать целый день,— как вы думаете, я увижу Диану?

— Может быть, увидите, а может быть, и нет. Я знаю, маленькая леди, что раз в месяц мисс Диана вся в черном, под густой вуалью, с черной картонкой в руках отправляется прямо в город. Когда она выходит из дому, видно, что картонка полна, а когда возвращается домой, то картонка бывает пуста.

— А что же она носит в картонке, мосье Жерар? — спросила «леди Джэн», сильно заинтересованная таинственной историей.

— Не знаю, маленькая леди, это ее секрет! — торжественно отвечал старичок.— Мисс Диана такая скрытная, что никто этого не уз-

нает. Когда она ходит на базар? Из чего готовит себе кушанье? – не знаю, не понимаю! Я видал только, что им на дом приносят хлеб и молоко.

– Но ведь у нее так много цветов, птиц! Она каждый день играет на фортепиано, поет! – рассуждала вслух «леди Джэн».– Может быть, она совсем не голодна и не хочет много кушать?

– Очень может быть, моя маленькая леди,– улыбнулся Жерар.– Мне это никогда в голову не приходило, очень может быть!

– Ах, мосье Жерар! А я совсем забыла, Пепси-то просила меня принести кочан капусты! – сказала «леди Джэн», спускаясь с облаков на землю.

Старичок выбрал ей самый свежий кочан, предложил ей самой в виде подарка сочный апельсин, и девочка ушла домой.

ГЛАВА 12

Новое знакомство

Однажды утром «леди Джэн» была вознаграждена за свое терпеливое ожидание. Гуляя, по обыкновению, по тротуару улицы, вдоль зеленого забора, она вдруг услыхала, что замок калитки изнутри щелкнул, калитка отворилась, и пожилая женщина высокого роста, сухощавая, с бледным лицом, остановилась у порога и сделала девочке знак, чтобы та подошла к ней.

В первую минуту «леди Джэн» сконфузилась и отступила несколько шагов назад, думая, что незнакомая дама хочет ее побранить, зачем она так упорно прогуливается мимо их дома. Тем не менее «леди Джэн» поборола свою робость и с улыбкой подошла к калитке.

— Не хотите ли, милочка, войти к нам в сад и посмотреть на цветы? — проговорила женщина, открывая калитку, чтобы дать девочке пройти.

— Если можно, позвольте,— едва слышно сказала «леди Джэн», вся вспыхнув от радости.— А Тони я могу взять с собой?

— Конечно! Мне очень любопытно посмотреть на эту птицу поближе. Я очень рада! — прибавила дама, ласково опуская руку на плечо ребенка.— Я уж давно следила за вами.

— Следили? Как? Откуда? — спросила девочка и весело улыбнулась.

— Да сквозь отверстия нашего забора; оттуда мне многое видно, даже больше, чем вы воображаете,— заключила дама также с улыбкой.

— Значит, вы видели, как я хожу здесь и жду, жду.... Ах, зачем вы раньше меня не позвали? — жаловалась «леди Джэн».— Мне так хотелось к вам заглянуть. Вы разве не слышали, как я вместе с вами пела?

— Нет, не слыхала.

— Это вас зовут мисс Диана?

— Да, меня. А как ваше имя?

— Мое? Леди Джэн.

— «Леди Джэн»? «Леди»? Да ведь так титулуют только людей знатного происхождения!

— Не знаю! Но меня папа всегда звал «леди Джэн».

«Леди Джэн» пошла вслед за Дианой в дом. Небольшая стеклянная галерея вела в спальню поразительной чистоты. Там, рядом с высокой постелью, полуприкрытой шелковым занавесом, стояло покойное, мягкое кресло, где сидела дряхлая женщина, до того старенькая, что «леди Джэн» отроду не видывала людей такого возраста. У нее были белые как снег, точно напудренные, волосы и морщинистое, худощавое лицо.

— Мама! Вот та малютка с цаплей, о которой я вам часто говорю,—сказала Диана, выдвигая вперед девочку.— «Леди Джэн», это моя мама.

Старушка подала руку малютке, ласково погладила ее по волосам и спросила тихим, дрожащим голосом:

— Дитя мое, вы такая крошка, вам не тяжело носить на руках такую большую птицу?

— У Тони только ноги длинные, а она нетяжелая. Хотите попробовать? — весело проговорила «леди Джэн», протягивая старушке птицу.

— Нет, нет! Не надо, не надо! Я не хочу до нее дотрагиваться, хочу только посмотреть, как она ходит. Ведь это журавль, неправда ли?

— Это — голубая цапля. Редкость, говорят! — заметила «леди Джэн», опуская своего друга на пол.

— Да, в самом деле, это не журавль,— сказала Диана, критически осматривая птицу.

Цапля, по своему обыкновению, поджала одну ногу и неуклюже прыгала на другой, что вовсе не придавало ей особой красоты.

— Вот она у меня какая! Как только я хочу, чтобы она показала крылья,— сейчас ножку подожмет и стоит как каменная.

— А все-таки она прехорошенькая и престранная! — сказала Диана.— Мне так бы хотелось вылепить такую птичку.

Она при этом вопросительно взглянула на свою старушку мать.

— Не думаю, душа моя,— возразила дрожащим голосом старуха,— чтобы тебе удалось сделать с нее слепок. Посмотри, какие у нее тонкие ноги: никакой сургуч не выдержит — непременно будет колоться.

— Я попробую сделать ноги из проволоки и облить их сургучом,— рассуждала Диана, пристально рассматривая единственную ногу Тони.— Посмотрите, мама: проволоки понадобится немного, и то в один ряд.

— Знаю, знаю, душа моя, но ты забыла о шерсти: ведь надо шерсть подобрать под цвет перьев.

— Мадам Журдан обещала прислать мне шерсти в кредит.

— Диана, Диана, какой риск! Представь себе, что работа не удастся, а ты потратишь всю шерсть. Советую тебе остаться

при своих утятах и канарейках, они у тебя выходят так натурально!

— Но, мама, мне уже надоели мои утята и канарейки. Нужно придумать что-нибудь новое, оригинальное!

— Прекрасно, я тебе не противоречу, особенно, если ты уверена в успехе. Но, повторяю, большой риск браться за новую модель и тратить шерсть, назначенную для утят, на не известную никому работу. Обдумай это хорошенько, чтобы шерсть даром у тебя не пропала.

Пока этот разговор тянулся между матерью и дочерью, быстрые глаза малютки так и обежали всю комнату.

Спальня была крошечная. Пол простой, крашеный, без ковра. На стенах не было никаких украшений. На каминном выступе стояли образцы рукоделия мисс Дианы. Это были искусственные деревца, сделанные из проволоки и обмотанные зеленой шерстью разных оттенков. На ветках этих игрушечных деревьев довольно ловко были прицеплены птички белого и желтого цвета из шерсти. Желтенькие канарейки с носиками и лапками из сургуча, круглыми черными глазками из бисера более или менее походили на живых птиц. «Леди Джэн» ждала с нетерпением минуты, когда ей разрешат дотронуться до этих сокровищ.

— Ах, какая прелесть! — вздыхала она вполголоса.— Какие они мякие, пушистые? Неужели это настоящие птички? Они гораздо красивее моей Тони. Ну, правда, Тони умеет прыгать и бежит ко мне, когда я его зову, а эти птички мертвые.

Мадам д'Отрев и ее дочь с удовольствием следили за радостью ребенка.

— Ты видишь, душа моя,— задребезжал старческий голос мадам д'Отрев,— ты видишь, что даже ребенок сумел оценить твои гениальные способности подражать природе. Я всегда говорила, что твои птички удивительно натуральны! Дети не лгут, они искренни в своих похвалах, и если вещь хорошо сработана, они сейчас это сме-

кнут. Покажи ей утят, душа моя, непременно покажи! По-моему, они еще натуральнее, чем канарейки!

Грустное, всегда почти серьезное лицо Дианы так и просияло, когда «леди Джэн» вне себя от восторга запрыгала и захлопала в ладоши при виде целой кучки желтеньких, покрытых пухом утят-игрушек, расставленных на столе у окна, среди лоскутков яркой фланели, палочек сургуча и целой груды нащипанной шерсти желтого цвета.

— Хочется вам их подержать? — спросила Диана, выбирая из группы пару утят.

Девочка молча протянула свои розовые ладони и, зажав в пальчиках утят, принялась их гладить и целовать.

— Какие хорошенькие! — проговорила она.

— Да, они недурны,— скромно заметила Диана.— Вы угадали, для чего я их делаю?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Для письменного стола. Я буду пришивать к коврикам из разноцветного сукна для того, чтобы вытирать о них перья.

Диана, которую соседи считали «аристократкой», заготовляла для игрушечной лавки мадам Журдан канареек и утят из шерсти, чтобы заработком от этих безделушек кормить свою старую мать и себя.

В этот день совершенно неожиданно «леди Джэн» приобрела новых добрых друзей...

ГЛАВА 13

Уроки музыки и танцев

В первый визит «леди Джэн» к д'Отревам она до того заинтересовалась изящными работами Дианы, что не обратила никакого внимания на фортепиано и цветы, украшавшие вторую комнату хорошенького домика.

Но, придя к своим новым друзьям во второй раз вместе со своей любимицей – голубой цаплей, у которой внезапно открылась удивительная способность служить моделью, «леди Джэн» очень критически отнеслась к старинному инструменту. Осмотрев его со всех сторон, она робко спросила у Дианы.

– Скажите, пожалуйста, это фортепиано?

Диана, занимавшаяся в эту минуту лепкой из сургуча длинной ноги цапли, не поворачивая головы к девочке, ответила:

– Да, душа моя, это – фортепиано. Ты когда-нибудь видала такие?

– Как же! Я даже играла дома. Мама меня учила. Но наш инструмент гораздо больше вашего, его называли роялем, и он не похож на ваше фортепиано.

Диана обменялась взглядом с матерью.

– А где вы, милочка, жили? – спросила она.

– В прериях.

– Да в каком месте? Где эти прерии?

— Не знаю, — отвечала девочка. — Далеко-далеко отсюда есть такое место; там все поля и луга, поля и луга, и много-много лошадей, овец. У меня там были свои маленькие барашки.

— Значит, та дама, с которой вы живете, не мама ваша? — спросила Диана.

— Она просто тетя Полина. Моя мама уехала и должна вернуться. Я думаю, что теперь уже недолго ждать.

Лицо маленькой девочки при этом все вспыхнуло от радости.

— А вы любите музыку? — спросила ее Диана, чувствуя, что надо поскорей отвлечь девочку от этого разговора.

— А разве вы не слыхали, как я пела, стоя у самых ваших окон? — спросила Джэн, с лукавой усмешкой глядя на нее.— Я нарочно пела как можно громче, чтобы вы меня услыхали и позвали к себе в гости.

— Крошка моя милая! — сказала Диана, лаская девочку. Затем она, обернувшись к матери, сказала ей по-французски: — Мне хотелось бы учить ее музыке, если найдется время.

«Леди Джэн» внимательно смотрела то на мать, то на дочь.

— Я ведь учусь по-французски,— сказала она.— Пепси дает мне уроки. Скоро вам можно будет говорить со мной всегда по-французски: я уже знаю много фраз.

Диана рассмеялась.

— Значит, ты поняла, как я сказала маме, что хочу тебя учить музыке? Ты согласна?

— Как! Вы хотите учить меня играть на фортепиано? — воскликнула девочка.

— Играть и петь. Всему научу.

— Хотите, я вам сейчас спою? — спросила, раскрасневшись от волнения, «леди Джэн».

— Хорошо, пой! А я пока докончу ногу Тони. А потом я сама тебе спою.

«Леди Джэн» закинула назад голову, подняла выразительные глаза свои немного кверху, и из груди ее полилась мелодия, до того музыкальная, что Диана всплеснула руками от восторга. Она забыла и шерсть, и ногу цапли, и крошившийся беспрестанно сургуч, забыла все – сидела молча и слушала как очарованная. Старушка мать ее, закрыв глаза, покачивалась в такт нежной колыбельной песни.

– У тебя прекрасный голосок! – воскликнула Диана, когда «леди Джэн» замолчала.– Ты обязана учиться! Я должна давать тебе уроки! Это преступление не развивать такого чудного голоса!

Мать и дочь начали обсуждать вопрос о том, как приступить к обучению девочки пению. А тем временем «леди Джэн» ушла в сад и с наслаждением разгуливала там среди душистых цветов.

Диана двольно долго не выходила в сад. У нее завязался с матерью очень щекотливый разговор о том, сколько раз в месяц давать «леди Джэн» уроки музыки. Наконец было решено, что два часа в неделю будут посвящены музыке.

Диана поспешила в сад сообщить «леди Джэн», что если ее тетка одобряет их план, то она может приходить каждую субботу от часа до трех.

– Вы будете у меня брать уроки музыки и пения, а после урока, если вам захочется, вы можете посидеть в саду.

«Леди Джэн» бросилась сообщить Пепси эту радостную для нее новость. К великому ее удивлению, всегда веселая и благоразумная, Пепси залилась слезами и припала лицом к столу, усеянному ореховой скорлупой:

– Пепси! Милая, милая Пепси! Что с вами? – закричала девочка, не на шутку перепуганная нервным припадком убогонькой.–Скажите, в чем дело? – И, оттолкнув от себя цаплю, она также расплакалась.

– Я... я... ревную тебя! – проговорила, всхлипывая, Пепси, усердно вытирая глаза платком.– Это очень глупо, я знаю, но что же мне делать!.. Мне не хочется, чтобы ты ходила к ним...

– Перестаньте, Пепси! Перестаньте! – уговаривала ее «леди

Джэн».– Я люблю вас гораздо больше, чем Диану. Мне только хочется учиться музыке и пению. Пепси, миленькая моя! Позвольте мне учиться музыке! Я буду стараться хорошо играть, но вас никогда, никогда не разлюблю!

– Я не хочу, чтобы ты меня разлюбила! Не хочу, чтобы кто-нибудь был тебе ближе, чем я! – кричала Пепси, вся красная, двигаясь на своем стуле в страшном возбуждении.

– Пепси, неужели вы на меня сердитесь? О, не сердитесь, прошу вас! Я не буду учиться музыке! Пепси, дорогая моя, хотите, я подарю вам цаплю! – и, говоря это, малютка старалась обхватить шею своего друга.

Это последнее доказательство самоотвержения «леди Джэн» так тронуло убогонькую, что горе ее точно рукой сняло.

– Крошка моя бесценная! – восклицала она, обнимая девочку и осыпая ее лицо поцелуями.– Какая ты добрая, кроткая! А я-то злая эгоистка! Диана хочет тебе принести пользу, а я отговариваю! Не стою я твоей любви, моя душечка! С моей стороны, это низость – лишать тебя счастья!

В эту минуту влетела в комнату «Мышка». Увидав Пепси всю в слезах, она вспыхнула, и лицо ее приняло озлобленное выражение.

– Мисс леди! Что вы такое с моей барышней проделали? Отчего она так горько плачет? Она у нас, того и гляди, занеможет. Ее мама приказала мне приглядывать за вами, чтобы с вами чего-нибудь не случилось, а вы разобидели до того нашу убогонькую девочку, что она вон как заливается! Да что это в самом деле!

– Тсс, «Мышка»,– остановила ее Пепси,– ты не должна осуждать Джэн: виновата во всем одна я! Я ее приревновала к Диане и не хотела, чтобы она шла к ней учиться музыке.

«Леди Джэн», неясно понимая причину такого внезапного гнева «Мышки», начала горячо оправдываться по-своему:

– Я ее не обидела, «Мышка»! Она плачет потому, что думает, что я ее разлюбила. Видишь, в чем дело: Диана и ее мать – гордые

француженки. Пепси думает, что если я буду к ним ходить, то сделаюсь также гордою. Вот почему она плачет.

— Слышите, люди добрые! — кипятилась «Мышка».— Диана — гордая француженка! Скажите, пожалуйста! Худая, бледная, точно из могилы встала,— это гордая француженка!.. Встанет ни свет ни заря, выйдет на улицу, и ну тереть скамеечку перед крыльцом! Уж она трет, трет ее кирпичом, точно наемная работница.

— Если она сама чистит свою скамеечку — значит, они очень бедные,— рассудила благоразумная Пепси.— А если бедные, то, значит, не гордые.

Когда «леди Джэн» попросила у мадам Жозен позволения учиться музыке у Дианы, та с радостью согласилась. Это был для нее неожиданный приятный сюрприз. Шутка ли, мадемуазель д'Отрев берет к себе в ученицы ее племянницу! Это очень поднимет ее репутацию в глазах соседей. Нет сомнения, что и она рано или поздно будет иметь доступ в этот замкнутый дом.

Но никто из друзей «леди Джэн» так восторженно не радовался ее успехам, как старичок Жерар.

— Отлично, отлично, маленькая леди! — говорил он, потирая с улыбкой свои крошечные худые руки.— Вам везет, везет! Нечего сказать! Попасть в ученицы к такой высокообразованной учительнице, как Диана д'Отрев,— большое счастье! Она отлично поставит ваш голос. Люди думают, что старик Жерар ничего не понимает, но ошибаются! Им и в голову не приходит догадаться, чем я был смолоду. Нет такого музыкального произведения, которого бы Жерар не слыхал в своей жизни. Когда я состоял при Французской опере, я насмотрелся и наслушался таких прелестей, каких иному и в жизни не достанется!

— А разве вы состояли при Французской опере? — перебила «леди Джэн», причем глаза ее так и засверкали от радости.— Пепси говорит, что я буду там петь со временем, мне будут подносить цве-

ты... я буду ходить в белом атласном платье, поеду в коляске на белых лошадях...

— Очень может быть! Я ничему не удивлюсь! — сказал старик Жерар, с гордостью поглядывая на малютку, причем лысая голова его наклонилась набок, точно у внимательно слушающей птицы.— У вас такой голос, я вам скажу, от которого камни заплачут.

— О, мосье Жерар, да когда же вы слышали мое пение? — с удивлением спросила девочка.— Я пела только при Пепси и при Диане, где же вы были тогда?

— Я вас слышал, слышал, маленькая леди,— настаивал старичок, лукаво подмигивая глазом.— Это было утром. Диана пела в доме, а вы ей вторили на улице у ворот. Пели вы, как птичка, но не замечали, что я вас слушаю.

— Неужели? — сказала, смеясь, девочка.— Как я рада, что вы слышали, как я пою. Хотите, я вам когда-нибудь спою «Спи дитя мое, усни»?

— С величайшим удовольствием! — сказал старик.— Я обожаю музыку. А я так давно не слыхал хорошей музыки,— прибавил он со вздохом,— так давно! Вы даже не поверите, маленькая леди, какой я был в те времена.

— Вы тогда не повязывали себе уши платком, мосье Жерар?

— Как это можно? Ведь я теперь оттого их повязываю, что у меня стрельба в ушах.

— А вы не носили фартука? Не штопали чулок? — допрашивала «леди Джэн», которой очень хотелось знать, в каком отношении старик переменился.

— Носил ли я фартук? — расхохотался старик Жерар, поднимая руки кверху.— Конечно, нет! Я был, что называется, красивый молодой человек: черные волосы мои слегка кудрявились, и — хотите верьте, хотите нет — я щеголял в черных шелковых панталонах, носил лакированные башмаки с бантами.

— Неужели, мосье Жерар, неужели? — спрашивала «леди

Джэн», причем маленькое личико ее так и сияло от радости.– Воображаю, какой вы были хорошенький! Но у вас тогда не было овощной лавочки?

– Конечно, нет; я тогда совсем другим занимался. Я же вам сказал: я был, что называется, красивый, изящный джентльмен!

– Чем же вы занимались, мосье Жерар?

– Я жил профессурой, моя маленькая леди, я был профессором.

– Профессором! Что это за слово? Я никогда его не слыхала!

– Профессором называется джентльмен, который дает уроки.

– Значит, вы давали уроки музыки? О, я это давно угадала! – сказала «леди Джэн».

Мосье Жерар лукаво улыбнулся и покачал головой:

– Нет-нет, вы не отгадали, дорогая леди, я не был учителем пения!

– Ах, как жаль! – разочарованно воскликнула «леди Джэн».

– Но я был учителем танцев! – гордо сказал мосье Жерар, выпячивая свою худеньку фигурку.– Да, я был известным балетмейстером Парижской оперы!

У «леди Джэн» широко раскрылись глаза от изумления.

– Неужели? – спросила она, оглядывая старичка со всех сторон.

– Да, милая леди, это так! И я с завтрашнего дня начну учить вас грациознейшим танцам. Вы научитесь превосходно танцевать!

«Леди Джэн» в восторге захлопала в ладоши.

– Ах, как это будет интересно! – воскликнула она.– Я обязательно хочу начать учиться сейчас же!

– Но только тсс!..– произнес старик, прикладывая пальцем к губам.– Это должно быть тайной, маленькая «леди Джэн»!

«Леди Джэн» обещала старику хранить строжайший секрет о своих уроках танцев, но взяла у него разрешение сообщить об этом своему другу Пепси.

ГЛАВА 14

Приключения «леди Джэн»

Наступили праздники. Какие бы желания, надежды, расчеты ни таились в душе маленькой «леди Джэн», она совершенно не по-детски сумела скрыть их и до последнего дня праздника была весела, мила и внимательна ко всем. Но Пепси, зорко следившая за своей любимицей, не раз замечала, что девочка ни с того ни с сего вдруг глубоко задумается и в глазах ее выразится жгучая тоска. Что касается праздничных подарков, которые более или менее служат доказательствами нежности и внимания посторонних лиц, то в них у «леди Джэн» не было недостатка.

Первое, что бросилось ей в глаза при пробуждении в день праздника, был один из ее черных чулок, который висел туго набитым в камине спальни мадам Жозен. «Леди Джэн» бросилась рассматривать, что находилось в чулке. Эдраст, этот мот, всегда нуждавшийся в деньгах, и тот вспомнил малютку: он поднес ей богато разодетую куколку, пояс которой был украшен дорогой пряжкой. Пряжка предназначалась, конечно, не кукле, а самой «леди Джэн». За поясом куклы торчала изящная визитная карточка с надписью крупными буквами: «Эдраст Жозен поздравляет с праздниками». Затем на столе оказалась корзина с фруктами от мосье Жерара; тут же «леди Джэн» отыскала точно притаившегося в зелени прелестного желтого утенка и сейчас же догадалась, что он прислан от Дианы.

Это были первые домашние сюрпризы. Новые удовольствия ожидали ее у Пепси; та непременно требовала, чтобы ее сделали свидетельницей радости своего маленького друга, и распорядилась так, чтобы в ее комнате, рядом с рабочим столом, был поставлен столик пониже. На нем расставили все подарки, присланные от семьи Пэшу. Маделон и Пепси присоединили к ним свои сюрпризы и стол покрыли сверху скатертью. Как только «леди Джэн» вбежала в комнату, скатерть сняли – и ее глазам представилась целая груда игрушек, кукол, книг с картинками и прочее.

Из всех подарков «леди Джэн» больше всего дорожила серебряным наперстком – от Пепси, уточкой – от Дианы и тетрадкой с музыкальными пьесами – от Маделон.

Когда первый пыл восторга миновал, «леди Джэн» пообедала со своими друзьями и осталась у них, по обыкновению, на весь день.

– Мне очень нравятся праздники,– говорила Пепси, когда они остались вдвоем с «леди Джэн»,– приезжает тетя Модя со всеми своими детьми, привозит нам конфет, кучу гостинцев из деревни, мальчики затевают фейерверк. На улице с утра до вечера езда, нарядные толпы людей гуляют, а вечером пускают ракеты, римские свечи. Все такие веселые, поздравляют друг друга с Новым годом! Так хорошо!

В эту минуту в комнату вошла «Мышка»; зубы ее так и сверкали, и широкая улыбка освещала ее смуглую физиономию. Она подошла к Пепси и «леди Джэн» с каким-то таинственным видом.

– Я вас, барышни, не поздравила с праздником,– сказала она на своем ломаном английском языке,– мне и в голову не приходило, что в этот день раздают подарки. Денег у меня нет на покупку кукол или игрушек – я вам принесла в подарок коврижку; говорят, она вкусная. Кушайте на здоровье! – и, говоря это, маленькая негритянка развернула большой лист желтой бумаги и вывалила на стол толстую коврижку из самой черной грубой муки.

Пепси сказала правду: праздник прошел очень весело. Приеха-

ли дети Пэшу, как было обещано, и навезли кучу гостинцев и сладостей. Какой был обед! «Леди Джэн» долго его вспоминала. Тетя Модя, не желая оставлять мужа одного в праздничный день, утром же вернулась к себе на ферму, а детям разрешила остаться до вечера.

Когда гости уехали и в скромной комнатке Пепси водворилась обычная тишина, «леди Джэн» заметила, что праздник прошел очень весело.

— А вот погоди! — говорила Пепси, таинственно улыбаясь.— Наступит день карнавала, и тогда ты увидишь, как у нас веселятся!

Любопытство «леди Джэн» было сильно задето словами Пепси, и она с нетерпением стала ждать указанного дня. Время летело для нее незаметно среди ежедневных уроков и репетиций. Пепси учила ее читать, писать и шить; Диана заставляла ежедневно повторять гаммы, к немалой досаде старушки, которая настаивала, что девочка слишком еще мала, чтобы ей ломали руки бесконечными упражнениями.

За уроком музыки и пения следовала репетиция танцев, что всегда было огромным развлечением для Пепси и «Мышки». Пепси играла роль очарованного зрителя, а «Мышка» всячески старалась заменить мосье Жерара, становясь против танцующей девочки и хлопая в ладоши. Но что было всего уморительнее, это — живое участие голубой цапли, силившейся подражать своей юной хозяйке. Она то величаво выступала длинными ногами, то неуклюже прыгала на одном месте, то порхала из угла в угол, взмахивая тяжелыми крыльями и далеко уступая в грации старичку Жерару.

Раз как-то «Мышке» пришлось проходить мимо овощной лавки старичка Жерара, и ей удалось быть свидетельницей урока танцев, который «леди Джэн» брала у бывшего балетмейстера. С этой минуты черномазая плутовка не могла без хохота смотреть на маленького профессора танцев.

— О, мисс Пип! — говорила она, прибежав в первый раз к своей барышне и задыхаясь от смеха.— Кабы вы поглядели на мистера

Жерара, как он стоит, вывернув носки обеих ног, приподняв складки своих широких панталон, и затем начинает танцевать. Умора да и только!

«Мышка» тотчас стала в позу мистера Жерара и силилась изобразить его грациозные движения.

Пепси, глядя на нее, хохотала до слез.

— А наша мисс леди,— продолжала, не унимаясь, маленькая негритянка,— стоит против учителя и точь-в-точь повторяет каждое движение. Только у нее все так выходит, что глаз не отведешь, все смотреть хочется. Держит обеими ручками свою юбочку и кругом старика так и носится, так и носится! Ну, точно бабочка!

— Замолчи, трещотка! — остановила «Мышку» Пепси, вытирая слезы, вызванные судорожным смехом.— Вот ты сто́ишь, чтоб тебя хорошенько потрепать за то, что ты позволяешь себе насмехаться над таким почтенным старичком, как мосье Жерар.

Видя, что мисс Пепси не на шутку рассердилась, маленькая негритянка обиделась и, уходя к себе в кухню, ворчала:

— Разве я насмехаюсь? Я только рассказала, что видела! Кто же виноват, что старик так уморительно скачет, точно стрекоза!

Накануне ожидаемого карнавала «леди Джэн», входя утром к Пепси, была очень удивлена: ни орехов, ни миндаля, ни горячего сиропа не было; весь рабочий стол ее друга исчезал под обрезками розовой материи, над которою Пепси усердно трудилась, сметывая какие-то полотнища и пришивая банты и оборочки.

— Пепси, что это такое вы делаете? — спросила, подбегая, девочка.

— Шью домино! — отрывисто сказала Пепси, у которой весь рот набит был булавками.

— Домино? — повторила девочка.— Это что за слово? Я о нем никогда не слышала.

— Ничего нет мудреного; ведь ты никогда не бывала на праздничном маскараде,— сказала Пепси, выкидывая булавки и расправляя с довольной улыбкой совсем уже сметанное детское домино.

— Для маскарада? Я ничего не понимаю! — сказала «леди Джэн», немного обиженная таинственным видом Пепси.

— Ну да, я готовлю это домино кое для кого ко вторнику! — говорила Пепси, продолжая секретничать.

— Пепси, милая, скажите, для кого? Если это секрет, я никому не расскажу!

— Я шью домино для одной моей знакомой девочки! — протянула Пепси, выразительно щелкая ножницами и таинственно улыбаясь.

«Леди Джэн», охватившая было ручонками шею своего друга, вдруг задумалась, как будто огорчилась, отошла от Пепси, вскарабкалась на стул и стала пристально следить за быстрыми, ловкими движениями рук убогонькой.

А та посмеивалась и продолжала резать материю, пришивать оборочки и насаживать банты.

— Неужели, леди, ты не догадываешься, для кого я это делаю? — спросила она, не отрывая глаз от работы.

— Верно, для Софи Пэшу? — робко заметила «леди Джэн».

— Совсем нет: та девочка мне вовсе не родня!

— Других я не знаю!.. Пепси, да помогите мне угадать.

— Ах ты, глупенький, глупенький мой цыпленочек! — засмеялась Пепси.

«Леди Джен» широко раскрыла глаза и, подумав с минуту, вдруг вся вспыхнула от радости.

— Это мне? Мне! Неужели мне? — вскричала она, соскакивая со стула и бросаясь целовать своего друга.— Милая, хорошая вы моя Пепси! Отчего вы мне сразу не сказали?

Пепси рассказала «леди Джэн», что тетя Модя приезжала спозаранку и приглашала «леди Джэн» ехать со всеми ее детьми в мо-

лочной повозке на улицу Канала, чтобы посмотреть на карнавальное шествие. Жестяные кувшины будут вынуты, на их место поставят отдельную скамеечку, чтобы можно было усадить младших детей.

Пока Пепси угощала свою любимицу завтраком, она сообщила ей подробно все планы тети Моди относительно завтрашнего дня. Ребятишки горячо упрашивала мать устроить это так, чтобы «леди Джэн» вместе с ними приняла участие также и в уличном маскараде. Баловница-мать с этой целью и прикатила к Пепси спозаранку.

— Что станешь делать? — говорила, смеясь, тетя Модя, входя в комнату Пепси ни свет ни заря.— Ты уж, милая, не пеняй на меня! У моих детей правило — коли веселиться, так уж веселиться. Для них немыслимо, сидя в повозке, любоваться на народный праздник или забиться на какой-нибудь скамейке в галерее; им надо тут же, среди толпы, наслаждаться зрелищем. Как я ни ломала себе голову, а придумала только одно: нарядить их в домино да и пустить в толпу!

— Боюсь за нашу малютку леди,— возразила Пепси,— она не привыкла к толпе: боюсь, не потерялась бы она.

— Не бойся! Я приказала своему старшему сыну Тибурцию, строго приглядывать за меньшими и все время держать за ручку «леди Джэн». А ты, кроме того, и «Мышку» отпусти с ней; у меня есть ее старое домино: оно будет этому черномазому чертенку как раз впору. Ты прикажи, чтобы она держала «леди Джэн» за другую ручку; вот тогда за девочку и бояться нечего будет!..

Таким образом, было решено участие «леди Джэн» в праздничном гулянье.

На следующее утро к крыльцу квартиры Маделон подкатила знакомая повозка. «Леди Джэн», всю закутанную в розовое домино, с розовой маской на личике, вынесли на руках из дома и усадили среди стайки цыплят тети Моди. Пепси, вся в слезах, следила из окна за своей любимицей и с улыбкой кивала ей головой. Голубая цапля,

стоя на одной ноге, как будто с презрением посматривала на суету, происходившую около нее. Голубые глаза «леди Джэн» так и сверкали в прорезях маски, а маленькие Пэшу чуть не задушили ее поцелуями, стараясь усадить как можно удобнее.

Для «Мышки» не оказалось места в повозке, и черномазая девочка в красном домино с черными крыльями летучей мыши понеслась во всю прыть к пункту, назначенному тетей Модей для общего сбора.

Когда повозка проезжала Садовую улицу, дети не могли удержаться от хохота, видя, как «Мышка», хлопая черными крыльями, мчалась по тротуару, боясь опоздать к началу шествия.

Наконец повозка остановилась. Дети высыпали из экипажа; «Мышка», вся в поту, запыхавшаяся, подоспела вовремя. Тетя Модя сделала строгий смотр своему маленькому отряду.

— Тибурций, слушай, что я буду говорить! — сказала она повелительным тоном.— Ты здесь старший, потому я тебе поручаю всю мелюзгу, в особенности «леди Джэн»: не выпускай ее ручку из своей! Помни мои слова: не потеряй ребенка! Ты, «Мышка», держи девочку за другую ручку, да как можно крепче, смотри. Ты, Софи, ступай впереди брата с двумя меньшими; двое средних пусть следуют за ним. Не ходите взразброд, держитесь прилично, не перебегайте на другие улицы. Как только процессия пройдет мимо вас, сейчас же возвращайтесь домой! Вы, верно, устанете, проголодаетесь,— повозка будет готова: тотчас уезжайте на ферму! Ты, «Мышка», заруби себе на носу, что барышня тебе приказывала: если с мисс леди что-нибудь случится — и на глаза ей не смей показываться!

«Мышка» растопырила свои черные крылья и начала уверять, что исполнит все приказания и даже скорее бросится в воду, только бы сохранить «леди Джэн».

Не успела тетя Модя вскочить в свою тележку, как все ее цыплята упорхнули от нее и весело побежали по улице на главную площадь.

Малютка «леди Джэн», оглушенная шумом и гамом пестрой толпы ряженых, сначала было струсила; но затем, схватив за руку Тибурция и «Мышку», весело побежала вместе с ними.

Пестрый поток ряженых уносил их с собою.

«Мышка» сначала вела себя безупречно: солидно выступала она подле «леди Джэн», не выпуская ее руки и только изредка помахивая свободным крылом, как бы порываясь на волю, что всякий раз вызывало взрыв смеха со стороны всего выводка Пэшу. И в самом деле, «Мышка» очень напоминала какую-то фантастическую птицу с перебитым крылом. Однако, роль попечительницы начала не на шутку тяготить «Мышку», и наконец она не выдержала. Позабыв все свои клятвы, даже вероятные последствия своего ослушания, она бросила руку «леди Джэн» и, высоко взмахнув своими крыльями, нырнула в толпу. Только ее и видели.

Между тем процессия приближалась. Толпа становилась все гуще и гуще. Детей толкали и теснили со всех сторон. Тибурций не потерялся: храбро пустив в ход кулаки и локти, он со всей командой пробился сквозь толпу на тротуар и, выбрав удобный широкий подоконник, поставил на него «леди Джэн», чтобы она могла лучше видеть все происходившее. Остальная мелюзга под предводительством Софи разместилась на тротуаре. Таким образом, «леди Джэн» могла отлично видеть все шествие.

Когда процессия прошла, толпа начала редеть. Казалось, все идет отлично. Тибурций с честью удерживал свой ответственный пост. Но, увы! Бывают минуты, когда и сильный не устоит перед соблазном. Подошла такая минута и для Тибурция.

В полном восторге от всего виденного, дети возвращались к тете Моде, как вдруг наткнулись на толпу, собравшуюся у подъезда одного из клубов. С верхнего балкона клуба подгулявшая компания молодых франтов со смехом кидала в толпу мелкие деньги. Старый и малый наперебой бросились ловить их. Десятки рук мелькали в воздухе, шум стоял невообразимый.

Первым побуждением Тибурция было обойти толпу, но вдруг, как на грех, ему блеснула в глаза новенькая серебряная монета, лежавшая на краю тротуара: стоило сделать несколько шагов в сторону, чтобы достать ее. Не будучи в силах противиться искушению, мальчик выпустил руку «леди Джэн» и побежал за монетой.

«Леди Джэн» не могла дать себе отчета, как это случилось, но в одно мгновение она очутилась одна: бегущая толпа оттеснила ее от детей Пэшу и увлекла за собою.

Долго девочка бежала, сама не зная куда. Когда она поняла, наконец, что одна среди чужих, то в страхе стала метаться во все стороны, цепляясь за каждое домино, которое напоминало ей кого-нибудь из ее товарищей, и выкрикивала отчаянным голосом:

— Тибурций! Софи! Нинетта!

Наконец она почувствовала, что не может бежать дальше. Измученная, вся в поту, она проскользнула на тротуар и в изнеможении опустилась у ближайшего подъезда.

ГЛАВА 15

Неожиданный спаситель

Девочка сидела неподвижно, глядя на мелькавшую мимо толпу. Она решительно недоумевала, что ей делать. Сначала она не особенно боялась: она все надеялась, что если посидит здесь немного, то Тибурций скоро найдет ее. Только ноги у нее болели от усталости и хотелось спать. Но когда она увидела, что время идет, а за ней никто не приходит, ей захотелось плакать. Однако, рассудив, что слезы не помогут, она удержалась. Голова болела, во рту пересохло от жажды и очень хотелось есть, а Тибурций все не приходил. Что, если о ней совсем забыли?

Эта мысль была так ужасна, что девочка не могла усидеть на месте. Забыв усталость, она бросилась отыскивать своих друзей. Дороги она не знала; да если б и знала, то вряд ли нашла бы тех, кто ей был нужен: топот и говор оглушали ее и сбивали с толку. А тут начались новые неприятности: видя, что девочка одна, какой-то бесенок в маске пребольно толкнул ее в бок, другой дернул ее за капюшон. «Леди Джэн», точно перепуганный зайчик, вбежала в ближайший подъезд и, притаившись, ожидала, чтобы мучители ее прошли.

После получасового скитания «леди Джэн» снова очутилась возле того подъезда, у которого она приютилась после того, как ее так легкомысленно бросили одну. Обрадовавшись знакомому месту, она поспешила сесть на ступеньку. Ноги ее отказывались идти,

лицо горело, ей очень хотелось снять маску, но она не смела: почему-то ей казалось, что под маской безопаснее.

Пока она сидела таким образом, размышляя, как ей быть, она увидала, что к соседнему дому подъехала коляска и из нее вышли трое мужчин – двое постарше, а один совсем молодой. Когда юноша повернулся лицом к «леди Джэн», она вся встрепенулась от радости, вскочила на ноги и, протянув к нему руки, крикнула:

– Это я! это – «леди Джэн»!

Юноша с удивлением обернулся на ее крик. Слов он не расслышал, но голосок был такой жалобный, что у него сердце сжалось. Он пристально посмотрел на маленькую фигурку в перепачканном домино. «Должно быть, это уличный мальчишка»,– подумал он и, не обращая больше внимания на девочку, прошел к подъезду за своими спутниками.

Конечно, он не мог узнать «леди Джэн» под маской, но она его узнала. Это был тот самый молодой человек, который подарил ей цаплю. Он прошел мимо нее – и не видал ее, она ему кричала – и он не слыхал этого! Это было уже слишком: чаша горестей бедного ребенка переполнилась. Забыв свою минутную твердость, «леди Джэн» упала на ступеньки и залилась горькими слезами.

Наплакавшись вволю, она заснула и на время забыла все свои беды. Проснулась она оттого, что ее тянули за платье и чей-то громкий голос говорил ей, чтобы она встала и шла домой. Она открыла глаза: перед ней стоял высокий человек. Лица его она не рассмотрела, а заметила только, что в руках у него палка и блестящие пуговицы на пальто. Когда она поднялась на ноги, человек ушел, бормоча что-то про «маленьких детей, которые так устают, что засыпают на улицах». Тогда «леди Джэн» подумала, что, пожалуй, место, которое она выбрала своим убежищем, не совсем безопасно. Человек с палкой вернется и прибьет ее за то, что она тут сидит! И, не теряя времени, она пустилась в путь, стараясь держаться ближе к домам.

– Должно быть, скоро ночь. Что я буду делать, когда стем-

неет? – думала бедняжка.– Ах, если б встретить кого-нибудь из своих: тетю Модю, Тибурция, или Маделон, или хоть тетю Полину – даже ей она бы обрадовалась! Да что тетя Полина: явись перед нею в эту минуту даже Раст, которого она так ненавидит за то, что он вечно ее дразнит, дергает за волосы и называет миледи, она и за того уцепилась бы как за своего спасителя!

На этом месте размышления «леди Джэн» были прерваны. Кто-то сильно дернул ее сзади за домино. Она обернулась с испугом: перед ней стоял мальчишка в желтом домино и дерзко смотрел на нее. Прядь светлых волос выбилась у нее из-под капюшона – мальчишка поймал эту прядь и принялся погонять «леди Джэн».

– Ну! Ну! Лошадка, вперед! Что стоишь! Живей!

Испуганная девочка пыталась было вырваться, но маленький бесенок крепко держал ее за волосы и хохотал над ее тщетными усилиями. Едва удерживаясь от слез, бедняжка стала просить, чтобы он отпустил ее.

– Погоди, я вот прежде сниму с тебя маску; я хочу посмотреть на твою рожицу,– и мальчишка протянул уже руку, чтобы сорвать маску с «леди Джэн».

Но ей удалось увернуться. Она вся дрожала от гнева. Обыкновенно кроткий ребенок – она превратилась в дикого зверька.

– Не трогай меня! Не смей трогать! – кричала «леди Джэн» и вдруг, ловко размахнувшись, изо всей силы ударила своего оскорбителя по лицу.

Нетрудно догадаться, что битва, так храбро начатая нашей героиней, кончилась не в ее пользу. Мальчик был старше и сильнее; не прошло и минуты, как все домино «леди Джэн» было в клочках, маска сорвана, и прелестные локоны золотой волной рассыпались по плечам. Она стояла, едва переводя дух, со сверкающими глазами и горящими щеками, точно загнанный зверек перед своим преследователем.

В эту-то критическую минуту у «леди Джэн» явился неожидан-

ный союзник: какой-то человек подскочил к ее врагу и, прежде чем тот успел опомниться, сбил его с ног ловким ударом при громком хохоте зрителей.

Это был мосье Жерар, старый друг «леди Джэн». В первую минуту она не могла выговорить ни слова. Она бросилась к своему избавителю и, уцепившись обеими руками за его мозолистую руку, крепко прижалась к нему; только ее большие ясные глазки, с восторгом устремленные на старика, красноречиво говорили о том, как она счастлива и как благодарна ему. Но мосье Жерару и не нужно было слов, он сразу понял, в чем дело. Со своей обычной вежливостью он свел девочку в ближайшую аптеку, усадил в кресло, пригладил ей волосы и приказал подать стакан воды. Первыми словами «леди Джэн», когда она немного пришла в себя, были:

— Мосье Жерар, как вы узнали, что со мной делается?

— Я ничего не знал; это была, что называется, чистая случайность,— отвечал старик.— Я возвращался домой... я, знаете, отгулял свои праздники — долго праздновать я не люблю. Так вот, иду я домой по улице и только повернул за угол, слышу: кто-то плачет. Смотрю, а это моя маленькая леди плачет, а какой-то желтый чертенок дергает ее за волосы!.. Ну уж и задал же я ему трепку, будет меня помнить! — и мосье Жерар залился веселым смехом, самодовольно потирая руки.— Счастье еще, что я вовремя подоспел на выручку моей леди,— заключил он.

Когда они вышли на улицу, девочка, забыв все свои беды и весело подпрыгивая подле своего друга, рассказала ему со всеми подробностями о том, как она неожиданно очутилась одна среди незнакомой толпы, и о дальнейших своих приключениях. Но вот старик остановился перед чистеньким рестораном, окна которого представляли самую соблазнительную выставку вкусных вещей, и сказал, обращаясь к своей спутнице с добродушно-лукавой улыбкой:

— Я сильно подозреваю, что моя маленькая леди голодна. Теперь уже пятый час, и я хотел бы угостить барышню обедом.

— Ах, как это чудесно вы придумали, мосье Жерар! — вскрикнула в восторге девочка, глазки которой разгорелись при виде расставленных на окнах лакомств.— Я очень голодна!

— Вот и прекрасно! Мы с вами зайдем в этот ресторанчик; видите, какой он чистенький и, главное, вполне приличный для такой славной маленькой леди... И вы увидите, что старик Жерар умеет не только учить танцам, но и заказывать обеды.

Он торжественно ввел ее в ресторан, пододвинул стул ближе к столу и усадил маленькую леди, потом достал очки, с достоинством принял от официанта карточку блюд; наконец, вынул карандаш и с любезным поклоном обратился к своей спутнице:

— Теперь, маленькая леди, будьте добры сказать, чего бы вы хотели скушать.

«Леди Джэн» задумалась, даже лоб наморщила и закусила нижнюю губку: заказать обед — дело нешуточное! Но вот глазки ее заискрились радостью и личико осветилось прелестной улыбкой: она придумала обед!

— Мне бы хотелось мороженого, мосье Жерар,— объявила она.

— Конечно, это очень хорошо — мороженое,— заметил серьезно мосье Жерар,— но прежде надо скушать чего-нибудь, так сказать, существенного: тарелочку супа, рыбки какой-нибудь под соусом и... и птичку, маленькую птичку с горошком, и салатца немножко, не правда ли?

— А мороженого? — спросила разочарованно «леди Джэн» и даже подалась вперед от волнения.

— А потом и мороженого скушаем — это само собой, и торту спросим, и маленькую веточку винограда,— успокоительно пересчитывал мосье Жерар, старательно выписывая заказ своими дрожащими старческими пальцами.— Ну, вот и готов наш обед,— сказал он, с сияющей улыбкой передавая заказ официанту.

«Леди Джэн» кивнула одобрительно головой. Пока они ждали

обеда, ее быстрые глазки с любопытством перебегали с предмета на предмет, потом остановились на мосье Жераре, и в них выразилось безграничное восхищение. Девочка неожиданно нагнулась к старику и шепнула:

— Какой вы сегодня миленький, мосье Жерар, просто прелесть! Знаете, что я вам скажу: пожалуйста, пожалуйста, никогда не надевайте фартука!..

В это время Пепси одиноко сидела у окошка. День показался ей необыкновенно длинным. Она с возрастающей тревогой поглядывала на улицу в ожидании возвращения веселой компании. Она знала, что к вечеру они должны возвратиться домой. Уезжая, тетя Модя говорила, что не станет дожидаться вечерней процессии, и Пепси недоумевала, что могло их задержать. А тут, как нарочно, и «Мышка» не возвращается — этакая ветреница! Ведь сказано ей, чтобы шла домой, как только пройдет процессия. И знает ведь, негодная, что без нее и обеда-то некому состряпать. Пепси ничего не ела с самого утра; утром за хлопотами да за сборами она забыла поесть; теперь же она сильно проголодалась; да и ждать уж очень скучно. Цапле и той надоело ждать. Она то и дело хлопала крыльями, подпрыгивала, натягивая свой шнурок, и сердито долбила пол клювом.

Мадам Жозен недавно вернулась и с комфортом расположилась обедать в своей комнате. Пепси окликнула ее через дверь, спрашивая, не видала ли она тетю Модю с детьми и «леди Джэн»,— на что Жозен сухо ответила, что она сидела в галерее со своими друзьями: я, дескать, была в слишком хорошем обществе, чтобы обращать внимание на какие-то там повозки с их седоками.

— Должно быть, мадам Пэшу решила остаться до вечера смотреть вечернюю процессию,— прибавила она равнодушным тоном.

Пепси попробовала было успокоиться на этом, но скоро у нее явилась новая тревога: ей пришло в голову, что «леди Джэн» должна быть голодна. Тетя Модя не взяла с собой никакой еды. Пепси

это знала, а при таком стечении народа, как сегодня, попасть в ресторан было довольно трудно, да тетя Модя, наверное, и не станет пытаться делать это с такой оравой. Пепси вспомнила о непозволительно долгом отсутствии «Мышки». Это окончательно испортило ей настроение. «Надо будет хорошенько ее разбранить»,– подумала Пепси и вдруг увидала, что «Мышка» бежит через улицу. Пепси еще издали заметила, что она находится в сильном волнении: бренные остатки ее домино развевались по ветру, а комическая рожица выражала полную растерянность.

– О, мисс Пип! – завопила «Мышка», ураганом влетая в комнату.– Мадам Пэшу послала меня вперед сказать вам, что наша мисс леди пропала.

– Как пропала?! – вскрикнула Пепси, всплеснув руками и разражаясь потоком слез.– Как могла она пропасть и где?

– Да там, на улице Канала. Мы нигде не могли ее найти.

Глаза Пепси сверкнули гневом.

– Значит, вы бросили ее одну!

– Мисс Пип, ничего нельзя было поделать в этой давке... Народ так и валил... нас как-то оттерли друг от друга, а мисс леди такая маленькая, ручка ее и выскользнула из моей... Уж я так старалась держать ее, так старалась, да ничего не поделаешь...

– А где был Тибурций? Неужели и он ее бросил?

– Все мы были вместе, и он с нами, да ничего не помогло: народу уж очень много – так и валит, говорю вам!

– «Мышка»! Ты меня в могилу сведешь. Слушай: если ты не найдешь мне Джэн сейчас же, я тебя возненавижу, так и знай! – и Пепси даже зубы стиснула от злости.

– Ах, что же мне делать! Да ведь там все ее ищут!.. Не убивайтесь же вы так: цела будет, что ей сделается?

– Ступай ищи ее, слышишь? Чтоб ты сейчас же привела мне ее, или...– Не находя слов от волнения, Пепси откинулась на спинку стула и заломила руки.– Одна на улице!.. Ночь на дворе... Бедняжеч-

ка ты моя!.. А я сижу тут и ничем не могу помочь!.. Чего ты тут стоишь и таращишь на меня глаза? – накинулась она опять на «Мышку».– Ступай! Ищи ее! Ведь я сказала! – и Пепси замахнулась на «Мышку» щипчиками.

– Не сердитесь, мисс Пип, я сейчас... я духом слетаю и приведу ее! – крикнула «Мышка», отмахиваясь от воображаемого удара, и, как бомба, вылетела из комнаты.

Когда Пепси осталась одна, ей стало еще тяжелее. Она напряженно всматривалась в сгущающийся сумрак и плакала.

Из комнаты мадам Жозен виднелся свет, но дверь была заперта. Вечер был холодный, и улица опустела. Бедной Пепси не с кем было отвести душу. Одинокая сидела она в темной комнате; только цапля шевелилась в углу, точно призрак, да жалобно тянула свое вечное «тонь! тонь!».

Вдруг Пепси услыхала стук колес и, торопливо взглянув в окно, увидела знакомую повозку. Сердце у нее так и застучало.

– Наконец-то! – проговорила она.– Это наши. Как было глупо так пугаться!.. Ее нашли и везут целой и невредимой.

Но вместо нежного голоска своей любимицы Пепси услыхала голос дяди Пэшу, и в следующую минуту в комнату вошла тетя Модя с очень встревоженным лицом.

– Вернулась она? – были ее первые слова.

– Как! Значит, она не с вами? – и Пепси разрыдалась пуще прежнего.

– Полно, дитя, не плачь – мы ее найдем... Пэшу найдет. Да успокойся же... Видишь: когда я заметила, что становится поздно, а ее все нет, я поскорей отвезла домой ребятишек, а Пэшу захватила с собой. Мы сейчас едем в полицию. Вернее всего, что она уже нашлась и ждет нас там. Во всяком случае, там должно быть известно, где она...

– У меня было точно предчувствие. Помните, я говорила вам... Я так боялась за нее...– стонала Пепси.

— Помню, помню, но я думала, что на Тибурция можно положиться. Бедный мальчик и сам страшно огорчен. Он рассказал мне, как было дело: он все время был с нею и выпустил ее руку только на одну минуту... ну, разумеется, толпа страшная, ее и оттерли. Не убеги от них эта ветрогонка «Мышка», ничего бы не случилось, но она удрала, как только они отошли от повозки.

— Так я и знала! — сказала Пепси, сверкая глазами.— Погоди же ты, негодная девчонка! Достанется тебе на орехи!

— Едем, жена! — послышался из-за двери голос Пэшу.

— Дядя, голубчик, найдите мне мою девочку! — крикнула ему Пепси умоляющим голосом.

— Будь покойна, дитя: через час, самое большее, она будет здесь. Не плачь. В этот сумасшедший день дети часто теряются. Я уверен, что в полиции их сидит теперь целое множество в ожидании возвращения домой.

В эту минуту на улице послышались голоса, и Пепси закричала:

— Это «леди Джэн»! Ее голос!

В самом деле, за дверью отчетливо зазвенел веселый детский голосок. Через секунду на пороге предстала «Мышка» и торжественно возгласила:

— Вот она, мисс Пип! Я нашла ее! — и вслед затем мосье Жерар ввел за руку «леди Джэн».

Девочка с веселым смехом бросилась в объятия своего друга.

— Пепси, душечка! Ведь я потерялась! — кричала она.— Совсем потерялась, а мосье Жерар меня нашел! Чужой мальчик сорвал с меня маску и домино, а я ударила его по лицу... а потом не знала, что еще сделать, и вдруг мосье Жерар пришел да как толкнет его, он так и отлетел. Правда, мосье Жерар?

— Ну, хорошо, хорошо,— говорила тетя Модя, целуя девочку и чуть не плача, пока Пэшу выслушивал скромное повествование бывшего танцмейстера о том, как он спасал свою маленькую даму.

— А потом я обедала с мосье Жераром,— тараторила «леди Джэн».— И какой был вкусный обед! Мороженое, виноград и торт.

— А птичку-то, маленькая леди, вы и забыли, птичку с салатом,— перебил ее мосье Жерар, которому не понравилось, что о его элегантном угощении говорили так небрежно.

— Ну да, и птичка, и еще рыба, и суп, и горошек... знаете, Пепси, сладкий горошек,— заботливо перечисляла «леди Джэн».

— Ах, нет-нет, моя маленькая леди! Вы немножко... как бы это сказать... немножко спутали,— снова вмешался Жерар и даже руками всплеснул от волнения.— Сперва был суп, потом рыба, а потом уже птичка. Изволите ли видеть, мосье Пэшу, маленькая леди немножко спутала, но вы не должны думать обо мне так дурно, что я не сумел заказать настоящего элегантного обеда.

— Я и не думаю, мосье Жерар,— сказал Пэшу с улыбкой,— напротив, я совершенно уверен, что вы сумели бы заказать обед и для самого мэра.

— Очень-очень вам благодарен,— пробормотал обрадованный старик и, вежливо расшаркавшись перед всей компанией, отправился восвояси мечтать на свободе о своем торжестве.

ГЛАВА 16

Пэшу делает покупку

Странная вещь,— говорила Пепси матери на другое утро,— вчера, когда «леди Джэн» пропала, мадам Жозен хоть бы крошечку встревожилась! Мне кажется, она нисколько не заботится о ребенке. Лишь бы девочка не торчала у нее на глазах — вот все, что ей надо. А посмотри, как она волнуется всякий раз, когда исчезает ее балбес-сын!

— И неудивительно,— заметила Маделон.— Бедная женщина! Много ей хлопот с этим сокровищем. Послушать ее, так она им гордится, ну а мне-то кое-что известно. Я часто слышу о нем на улице Бурбонов: франтит напропалую, а ведь палец о палец не ударит! А где же он деньги берет? По-моему, раз человек беден и не работает, значит — ворует. Другие, может быть, иначе думают, а я всегда скажу: ворует. Ну посуди: разве может мадам Жозен на свои жалкие заработки содержать себя и этого лентяя? Мне от души ее жаль, хоть и злюка она. Посмотри ты, на кого она стала похожа! Лицо измученное, глаза ввалились,— видно, что ее грызет что-то. А что касается девочки, то о ней есть кому позаботиться: мы с тобой ее не бросим. Это такой милый, такой добрый ребенок! Я жалею только об одном, что не могу сделать для нее больше. Я душу готова отдать за вас обеих.

Маделон и Пепси были не единственными существами, полю-

бившими девочку почти материнской любовью. С первого же дня, как «леди Джэн» со своей светлой улыбкой заглянула в грустное, изнуренное лицо Дианы д'Отрев, новая жизнь открылась для этой одинокой женщины, новая надежда озарила ее унылые дни. Присутствие ребенка внесло свет и молодость в это печальное существование. Лучшим временем за многие тяжелые годы были для нее те часы, которые она проводила со своей маленькой ученицей. Сидеть рядом с девочкой у фортепиано и смотреть, как ее тонкие пальчики бегают по клавишам, или петь вместе с ней старинные баллады было для Дианы большим удовольствием. Девочка никогда не огорчала ее, всегда была кротка, понятлива и так мила, что даже мать Дианы, при всей своей старческой сварливости, ничего не могла ей возразить.

Жозен всячески старалась втереться в семью д'Отрев, и, чтобы удержать ее на приличном расстоянии, мать и дочь вынуждены были дать ей по возможности деликатный, но решительный отпор. В вежливой форме они дали ей понять, что, если они принимают племянницу, это еще не значит, что они будут рады и тетке.

Жозен молча проглотила обиду, но в душе поклялась, что так этого не оставит. «Я покажу им, как пренебрегать мною! Нищие, а туда же – важничают! Погодите, «мамзель» Диана: «Мышка» порассказала мне о вас кое-что... Дайте срок – все об этом узнают! Воображает, что я позволю оскорблять себя безнаказанно!»

Пока Жозен раздувала таким образом свою обиду и строила планы мести, мадам д'Отрев и Диана обсуждали между собой, как бы вырвать ребенка из когтей старой ведьмы.

– Страшно подумать, что девочка во власти этой женщины, что та имеет на нее права,– говорила Диана.– Тут какая-то тайна, и мы должны ее раскрыть. Будь у нас лишние деньги, я бы непременно поручила это дело адвокату... Конечно, если она действительно ближайшая родственница ребенка, она имеет на него законные права, которых никто не смеет оспаривать, но я думаю, что девочку

можно было бы купить у нее. Мне кажется, Жозен такого сорта женщина, которая за деньги на все готова.

— Все это одни фантазии, мой друг. Денег у нас нет и никогда не будет. Но будь мы даже богаты, то и тогда был бы страшный риск брать чужого ребенка. Я сама думаю, что тут есть тайна, и ради малютки была бы рада, если бы она разъяснилась. Но это не наша забота, у нас и своих довольно.

— Ах, мама, что вы говорите! Неужели, если человек беден, он должен быть эгоистом? — проговорила Диана с легким упреком.

— Что делать, мой друг! Так всегда бывает. Бедному впору думать только о себе. Правда, ты составляешь в этом случае исключение: ты больше думаешь о других, чем о себе. У тебя это выражается в каждой мелочи. Ну хоть бы с этой птицей: по-настоящему мадам Журдан была обязана заплатить тебе за нее, а не навязывать ее тебе на шею.

— Но, мама, чем же она виновата? Она не могла ее продать. С моей стороны, было бы несправедливо вводить ее в убытки. Не ее вина, что птица не пошла в ход. Она ведь не просила меня делать опыты над новой моделью. Что же делать, если мне не удалось!

— Тебе удалось, Диана, в том-то и дело. Работа превосходная, птица, как живая.

— Мадам Журдан говорит, что ее покупателям не нравится клюв. Шею тоже находят слишком длинной,— робко заметила Диана.

— Это доказывает только, как мало они смыслят. Это — порода журавля, и шея вовсе не длинна,— отозвалась мать сердито.— Вот уж правда, на всех не угодишь!

— Я решила не браться больше за новые модели. Буду мастерить своих уток да канареек, и довольно с меня.

— Я говорила это тебе с самого начала. Я всегда находила, что ты слишком честолюбива, Диана,— не унималась старуха.

— Ваша правда, мама: я была слишком честолюбива,— поспешила согласиться та.

* * *

Прошло около года с того дня, как мадам Жозен перебралась на улицу «Добрых детей». В одно августовское утро, когда тетя Модя сидела в своей молочной, погруженная в тайну изготовления сливочного сыра и масла, к ней вошел Пэшу и, положив маленький бумажный сверток, сказал, чтобы она его открыла.

— Сию минуту,— отвечала тетя Модя, приветливо улыбаясь мужу.— Дай мне только налить форму и вымыть руки.

Пэшу молча кивнул головой и принялся расхаживать по комнате, заглядывая в кринки с молоком и тихонько насвистывая. Потом ему надоело ждать, он развернул сверток и подал жене прелестные дамские часики с изящной золотой цепочкой. Тетя Модя так и ахнула от удивления.

— Где ты достал такую прелесть? — воскликнула она и, обтерев руки, взяла часы и принялась их рассматривать.

Часы были синие, эмалевые. Одна сторона их была украшена гирляндой с бриллиантовой веткой посредине, а на другой были вырезаны инициалы «J. C.» в виде изящной монограммы.

— «J. C.»! Да ведь этими самыми буквами помечено белье маленькой «леди Джэн»? — воскликнула тетя Модя.— Где ты добыл эти часы? Чьи они?

— Мои,— отвечал муж, посмеиваясь. Он стоял перед женой, заложив большие пальцы в проймы жилета и продолжая насвистывать. На недоверчивый взгляд тети Моди он хладнокровно повторил: — Говорят тебе, мои: я их купил.

— Странно! Такие изящные часики и без футляра, в какой-то старой газете...— недоумевала тетя Модя.

— Где мог ты их купить?

— Я купил их в полицейском суде.

— В полицейском суде! — повторила тетя Модя, окончательно сбитая с толку.— У кого же?

— У Раста Жозена.

Несколько секунд тетя Модя пристально смотрела на мужа и наконец торжественно произнесла:

— Я говорила тебе!

— Что ты мне говорила? — переспросил тот с задорной улыбкой.

— Как что? Что все эти вещи — конечно, в том числе и эти часы — словом, все вещи, помеченные буквами «J. C.»,— краденые. Все они принадлежат этой девочке, и она вовсе не родня Жозенам.

— Потише, жена, потише.

— Почему Раст очутился в полицейском суде?

— Он был арестован по подозрению, но вина его не доказана.

— По подозрению в краже этих часов?

— Нет, по другому делу. Но то, что при нем были найдены часы, послужило уликой против него. Странно, что именно я купил эти часы. Право, точно судьба! Я случайно проходил мимо суда, заглянул во двор и увидел Раста в числе арестантов. Меня это заинтересовало, и я зашел узнать, в чем дело. Оказывается, что его арестовали по подозрению в принадлежности к шайке воров, обокравшей несколько ювелирных магазинов. Прямых улик против него не оказалось, но часы показались судье подозрительными. Он спросил Раста, откуда тот их взял, и негодяй сказал, что это часы его покойной кузины, которая, умирая, оставила их его матери, а та подарила ему. «А как звали вашу кузину?»— спросил судья. Вот тут-то и вышла заковычка. Раст сказал, что ее звали Клара Жозен, а судья посмотрел на часы и говорит: «Мне кажется, что тут буква «J» стоит первою; не угодно ли взглянуть?»— и передал часы клерку и другим. Те подтвердили, что действительно порядок букв «J.C.», а не «C.J.». А этот

бездельник стоит и улыбается, точно не о нем речь! Одет франтом, рожа нахальная – вылитый отец! Как теперь помню я Андрея Жозена: большой руки негодяй был покойник...

– Что же, так и не добились, где он взял часы? – спросила тетя Модя.

– Нет, но все-таки судья приговорил Раста к тридцатидневному заключению в приходской тюрьме как подозрительную личность.

– Возмутительно мягкий приговор! – произнесла с негодованием тетя Модя.

– Да ведь говорят тебе, прямых улик не было,– продолжал Пэшу.– Спасибо и за то, что хоть месяц отсидит. Ну так слушай же, как это вышло, что я купил часы. Стоит он и болтает с другими арестантами. Слышу – торгуются, один дает ему пятьдесят долларов. «За кого ты меня принимаешь? – говорит Раст.– Положим, деньги мне нужны, но я не так глуп, чтобы отдать дорогую вещь за такую цену», и спрятал часы в карман. Тогда другой предлагает шестьдесят долларов. Раст не берет. Вот тут-то я и подошел. «Позвольте,– говорю,– взглянуть на ваши часы; если они мне понравятся, я, может быть, и куплю», а сам стараюсь говорить как можно спокойнее, потому боюсь, как бы он не заметил, что мне очень хочется приобрести вещь. Он подал мне часы, и, хотя притворился равнодушным, я отлично видел, что ему не терпится сбыть их. Я посмотрел и говорю: «Часы недурны; пожалуй, я дам за них семьдесят пять долларов».– «Ишь ты, сенная труха!» («Это он за мою блузу обозвал меня сенной трухой»,– заметил Пэшу и улыбнулся виноватой улыбкой.)

– И сколько раз я тебе говорила, Пэшу, не надевай блузу, когда едешь в город! – не утерпела тетя Модя.– Ведь есть у тебя пиджак... Посмотри, Гюйо и другие – все ходят в пиджаках...

– Не все ли равно, блуза ли, пиджак ли? А за прозвищами я не гонюсь. Я честный работник и не стыжусь своей блузы. И, пропу-

стив его слова мимо ушей, предложил ему девяносто долларов. Деньги со мной были. Я достал бумажник и стал отсчитывать билеты. Должно быть, это на него подействовало, потому что он тут же согласился отдать часы за эту цену. Конечно, я никогда бы не позволил себе купить заведомо краденную вещь, но сделал это ради девочки. Я подумал, что когда-нибудь эти часы помогут раскрыть окружающую ее тайну, да и деньги, которые можно за них выручить, всегда ей пригодятся.

— Твоя правда, Пэшу. Конечно, девяносто долларов для нас большие деньги, особенно теперь, когда приходится заботиться о Мари, но если нам удастся что-нибудь сделать для этого милого ребенка, я не стану жалеть о них.

С минуту тетя Модя просидела молча, внимательно рассматривая часы, потом задумчиво сказала:

— Если бы они могли говорить!

— Погоди; может быть, мы и заставим их говорить,— отозвался Пэшу.

— Да, многое могли бы они порассказать,— продолжала тетя Модя и прибавила: — Во всяком случае, я рада, что мы вырвали их из лап этого мошенника.

Пэшу взял у нее из рук часы и, открыв верхнюю крышку, показал ей что-то на внутренней стороне.

— Если я не ошибаюсь, то вот это должно навести нас на след,— сказал он.— А пока спрячь часы в мою шкатулку и никому не говори, что я их купил. Я не хочу, чтоб даже Маделон знала об этом. И еще вот что, жена: хорошо было бы, если бы ты проследила за этой Жозен — не заметишь ли чего...

— Ах, Пэшу, ты ее не знаешь: она так хитра, что ни за что не выдаст себя. Я давно за ней слежу, да толку мало.

— Вот что, жена,— сказал, помолчав, Пэшу,— у меня есть один план, но только я прошу тебя быть терпеливой и дать мне время привести его в исполнение.

И тетя Модя обещала терпеливо ждать.

ГЛАВА 17

Неприятности мадам Жозен

Не прошло и трех дней после того, как папа Пэшу купил часики, как вдруг в одно прекрасное утро в садик мисс Дианы совершенно неожиданно явилась с визитом мадам Жозен. Лицо у нее было дерзко-надменное. Отворив садовую калитку, она остановилась на пороге: очевидно, она пришла по делу.

После нескольких общих фраз она вытащила из бокового кармана туго набитый сверток и, обратясь к Диане, высокомерно проговорила:

— Позвольте получить счет.

— Какой счет, мадам Жозен? — холодно спросила Диана.— Сколько мне известно, у нас с вами никаких счетов нет.

— Я вам должна за уроки музыки «леди Джэн». Вы занимались с нею в продолжение нескольких месяцев и имеете полное право требовать причитающиеся вам за труд деньги.

— Позвольте, мадам Жозен! Тут, верно, какое-нибудь недоразумение,— дрожащим от волнения голосом возразила мисс Диана.— Мне никогда и в голову не приходило брать деньги за обучение девочки, с которой я занималась с истинным удовольствием. Если я давала ей уроки, то делала это по собственному желанию. Надеюсь, что и вы не воображали, будто я жду за это платы.

— Напротив, я была вполне уверена, что вы ждете за это денег.

С какой стати, стали бы вы учить даром «леди Джэн», когда я в состоянии платить за уроки.

Жозен вытащила из свертка пачку банковых билетов и дерзко подала их Диане.

— Вы в таком затруднительном положении, что вам нельзя отказываться от денег, и я очень довольна, что могу сейчас же расплатиться с вами. Вы, действительно, хорошая учительница музыки. Успехами моей девочки я вполне довольна.

В первую минуту Диана была точно ошеломлена наглостью и дерзостью торговки, но затем она сказала:

— Очень сожалею, что вы приняли меня за платную учительницу «леди Джэн». Благодарю вас, но повторяю — я не возьму денег.

— А я все-таки настаиваю, чтобы вы приняли от меня деньги,— и Жозен вторично подала, к великому удивлению мисс Дианы, толстую пачку банковых билетов.

— Уверяю вас, что это невозможно,— сказала Диана,— нечего нам об этом и толковать. Позвольте отворить вам калитку.

— Хорошо, хорошо,— надменно ответила Жозен,— но знайте, что с этих пор я не позволю своей племяннице ходить к вам. Я не привыкла получать что-нибудь даром от других. Если ей нужно брать уроки, я добуду учительницу, но не такую гордую, которая считает унизительным брать деньги за труды.

— Неужели у вас хватит духа лишить нас радости видеть по временам «леди Джэн»? Мы так привыкли к девочке,— проговорила Диана, едва сдерживая слезы.— Впрочем, это ваше дело.

— Я не хочу более позволять моей племяннице бегать целые дни взад и вперед по улице,— резко возразила Жозен.— Я нахожу, что у нее и манеры даже стали хуже. Пусть сидит дома.

Сказав это, Жозен сухо кивнула головой и захлопнула за собой калитку.

С этого дня «леди Джэн» перестала появляться в домике мисс Дианы. Диана часто плакала, тоскуя по девочке. Любимое свое раз-

влечение – музыку она совсем забросила. У нее не хватало духа открыть фортепиано.

Но вот как-то раз Диана совершенно машинально подняла крышку инструмента и, присев на табурет, вполголоса запела любимую арию «леди Джэн». В ту же самую минуту за окном, обыкновенно закрытым ставнями, раздался знакомый детский голосок, совершенно правильно вторивший певице.

– Это она! Это «леди Джэн»! – крикнула Диана, быстро вскакивая с места; она на ходу опрокинула табурет и бросилась к окну, чтобы сразу распахнуть его.

Как раз перед окном появилась девочка с хорошо знакомой всем им голубой цаплей под рукой, бледная, худенькая, с блестящими глазками и с кроткой, ясной улыбкой на губах.

Диана выбежала на улицу и бросилась обнимать «леди Джэн».

– Диана! Диана, что это ты выдумала растворять настежь окно и ставни? – сердито крикнула старушка.

Но Диане было не до нее.

– Мисс Диана,– шепотом проговорила девочка, обнимая своего друга,– тетя Полина не позволяет мне ходить к вам. Я должна была поневоле ее слушаться, не правда ли?

– Конечно, дитя мое, конечно! – говорила Диана, лаская девочку.

– А знаете ли, что я к вам приходила каждый день в это время: все хотелось послушать, не поете ли вы? Но у вас всегда было так тихо, ничего нельзя было расслышать.

– Дорогая ты моя, до музыки ли мне было...– сказала мисс Диана.– Вспомни, как я давно тебя не видала.

– Ну, не огорчайтесь, милая! Я ведь вас по-старому люблю. Я буду приходить к вашему окну каждый день по утрам. Не может же тетя Полина сердиться за это на меня!

– Не знаю, дитя мое. А все-таки я боюсь, не рассердилась бы она.

— Диана! Диана! Да запрешь ли ты, наконец, окно? — продолжала ворчать старуха, очевидно, сильно раздраженная.

— Прощай, душечка моя! — торопливо проговорила Диана.— Мама не любит, чтобы я отворяла окно и ставни наших комнат. В следующий раз я буду отпирать калитку сада, и там нам можно будет свободно разговаривать. Прощай!

С этими словами Диана вернулась в комнату и принялась плотно закрывать окно и ставни.

В это самое время мадам Жозен сидела в табачной лавке Фернандсу и жаловалась на соседей.

— Вечно суют нос куда не надо и вмешиваются в мои дела. Что за народ такой стал! — говорила она своей единственной приятельнице, испанке Фернандсу, которой доверяла большинство своих секретов.

Но Жозен только слегка намекнула испанке, что над нею недавно стряслась беда. Какая именно — она не высказывала, но до соседей долетел слух, что с Эдрастом случилась большая неприятность.

«Впрочем,— думала старуха,— очень-очень может быть, что все они давным-давно пронюхали через газеты, что моего бедного сына засадили под арест на тридцать дней по подозрению. Слушал бы он побольше мать, продал бы подальше роковые часы — и не попал бы в беду! Десять раз я ему твердила, чтобы он был осторожнее. Нет, все делает очертя голову, на авось! А теперь, кто знает, чем еще вся эта история кончится! Она, конечно, может кончиться и благополучно, но ведь горе в том, что об этих противных часах заговорили уже в газетах. Кто знает, может быть, покупателем оказался какой-нибудь сыщик. Раст даже не позаботился справиться, кто именно купил у него часы. До тех пор не буду спокойна, пока эта история совсем не кончится. Мне ужасно досадно, что он так меня компрометирует: это вредит моему кредиту. Не хочется, право, чтобы он вернулся ко мне. При теперешних обстоятельствах у меня едва ли

хватит средств, чтобы содержать себя и девочку. Я еще умно распорядилась, что запрятала в потайное место накопленные деньги, иначе мой сынок сумел бы и их у меня забрать. Счастье еще, что он ничего не знает о скрытом капитале и о том, что я успела сбыть с рук все дорогие вещи, белье и платье, а то мне было бы опасно держать все это дома при Расте. Теперь у меня не осталось ничего особенно важного, кроме старинной шкатулочки. Надо постараться спустить с рук и эту последнюю вещицу».

Волновала еще мадам Жозен мысль о «леди Джэн».

«Ну а что, если ее кто-нибудь из старых знакомых узнает в городе?» – размышляла старуха и вся так и вздрагивала.

В последнее время она стала чрезвычайно труслива. Каждый намек, каждый пристальный взгляд пугал Жозен. Мадам Пэшу, например, часто задавала ей самые подозрительные вопросы, да и «леди Джэн» в последнее время очень развилась, сделалась очень сметливой, а такого рода личности, как д'Отрев, могут выпытать у ребенка все, что угодно. «Хорошо еще,– думала мадам Жозен,– что мне удалось отстранить девочку от мисс Дианы и от семьи Пэшу; надо бы поскорее оттереть ее от горбушки Пепси и от старикашки Жерара. Эта хитрая лиса – большой мой враг, хотя на вид приветлив и вежлив. Так или иначе, а надо похлопотать, чтобы отдалить девочку от всех ее теперешних знакомых».

В иные дни Жозен думала, не удобнее ли будет перебраться из этого квартала подальше. Но тут же на нее нападал страх: а что, если этим она возбудит подозрение у соседей? Нет, уж лучше остаться на месте и ждать, чем кончится дело ее сына.

Наконец прошли тридцать дней ареста Эдраста. Сынок явился к маменьке, скромно опустив голову, и, по-видимому, искренне раскаивался. На гневные упреки матери негодяй смело принялся уверять мать, что тут нет ничего особенно дурного, а главное – преступного, если он взял на время чужие часы, чтобы немного пофрантить.

— Ведь мы, мамаша, с вами не воры,— сказал Эдраст,— мы не затем пригласили в дом больную даму, чтобы ее обобрать. Вы ходили за нею и за ее ребенком как истинная мать. Когда она умерла, вы спрятали эти часы, чтоб передать их девочке, когда та вырастет или встретит кого-нибудь из своих родных. Правда, я поносил несколько дней эти часы у себя в кармане; но я ни за что в жизни не продал бы их, если бы на беду не очутился в затруднительном положении; волей-неволей мне пришлось для своего спасения поскорее сбыть с рук эту вещь.

Жозен внимательно слушала оправдания своего любимца и мало-помалу успокаивалась мыслью, что им не грозит теперь никакая опасность. А если Эдраст и отсидел тридцать дней под арестом, то об этом и толковать нечего. О таком неприятном недоразумении едва ли кто и знает среди знакомых.

— Порядочные люди,— заключил Эдраст,— никогда и не читают в газетах о таких пустяках, как арест по подозрению. Повторяю, вам нечего об этом беспокоиться. Даю вам слово, что такого рода истории никогда больше со мной не случится. Я намерен совершенно изменить свой образ жизни.

Жозен пришла в восторг: ей никогда и не думалось, чтобы ее милый Раст так благоразумно и серьезно рассуждал.

«Пожалуй, перенесенное наказание принесло ему пользу,— размышляла она,— просидев столько дней в одиночестве, он имел время одуматься».

После этой истории сын провел несколько дней дома, вдвоем с матерью, помогал ей вести счета, приводить в порядок разные заказы и вообще так ухаживал за матерью, что старуха не помнила себя от радости. Дошло до того, что она стала уговаривать Раста вступить с нею в компанию и расширить дело.

— У меня кредит отличный,— говорила с гордостью мадам Жозен,— нам можно было бы открыть магазин побольше. Я охотно найму угловую лавку и прикажу отделать ее под магазин.

— А на какие же деньги, мамаша? — спросил Эдраст.— У нас капитала нет.

— О, я достану! — возразила Жозен таким тоном, будто она миллионерша.

— В таком случае не теряйте времени,— сказал Эдраст,— обойдите сегодня же всех знакомых купцов и справьтесь, кто может войти с вами в соглашение. А я покамест посижу дома и полюбезничаю с покупателями. Вы знаете, как они любят, чтобы за ними ухаживали. Об одном прошу, отправьте куда-нибудь вашу девочку; пусть она идет к каким-нибудь своим приятельницам. Терпеть не могу сидеть с нею с глазу на глаз и слушать, как она все расспрашивает. Прескучная вещь, когда эта девочка, ни на минуту не разлучаясь с длинноногой своей цаплей, усядется на стул и начнет выпытывать то или другое, точь-в-точь, как старый аббат.

Жозен надела шляпу и сейчас же отправилась по делам, говоря, что ей необходимо повидаться кое с кем.

Когда она вернулась домой, Раста уже не было.

«Леди Джэн» увидала Жозен из окна дома Пепси и выбежала к ней навстречу.

— Тетя Полина! — закричала она, неся в руках ключ от входных дверей.— Мосье Раст принес мне этот ключ и велел передать, что он очень устал от приема посетителей и теперь пошел погулять.

Жозен приветливо улыбнулась, принимая ключ.

— Я так и думала,— сказала она,— я была уверена, что он на первых порах очень устанет, возясь с покупателями.

Отпустив «леди Джэн» назад к Пепси, Жозен вошла к себе в комнату, сняла шляпу и принялась приводить в порядок разбросанные вещи. Время от времени она выразительно улыбалась: расхаживая по магазинам, она неожиданно встретила мадам Пэшу с дочерью. Мадам Пэшу пригласила ее к себе на обед в день венчания племянницы.

«Догадалась-таки, наконец, переменить свое обращение со

мною; видит, что я заслуживаю все-таки внимания, давно бы так! — рассуждала старуха.— Теперь нужно только Расту хорошенько подзаняться делом, тогда у нас все пойдет отлично. Имея под рукой припрятанный мною хороший капиталец, да в придачу еще прочный кредит, я могу разом накупить немало товаров».

Старуха замечталась. Ей уже заранее рисовались блестящий магазин с роскошными витринами для всевозможных дамских нарядов, изящная вывеска и, наконец, на углу магазина отделение колониальных товаров, где Эдраст будет полным хозяином.

В это мгновение Жозен вспомнила, что ей давно пора сходить к владельцу их дома и внести за квартиру. Она вынула из кармана бумажник и стала пересчитывать находящиеся там деньги. Оказалось, что, желая прихвастнуть перед мадам Пэшу, она растратила в этот день гораздо более, чем следовало. Ей недоставало нескольких долларов для уплаты за квартиру.

— Приходится занять в запасном банке,— сказала она, смеясь и отпирая ящик конторки у себя в спальне.

Хитрая старуха затискала все деньги умершей матери «леди Джэн», равно как и свои собственные сбережения, в старые, немного даже порванные перчатки, спрятав их на дне конторки. Она держала ящик взаперти, ключ носила у себя в кармане и к тому же очень редко выходила из дому. Если бы даже замок конторки тайком взломали, никому в голову не пришло бы рыться в пачке старых перчаток.

Открыв верхний ящик, Жозен вдруг заметила какой-то беспорядок.

«Тут положительно кто-то рылся без меня»,— подумала она в волнении.

Перчатки находились на том же месте. Сердце старухи сильно билось, руки так и дрожали. Она быстро вывернула перчатки — и, к ужасу своему, увидала, что банковых билетов нет, а лежит только какая-то скомканная бумага... Перчатки упали на пол, а Жозен почти

без чувств опустилась на кровать и начала разбирать крупный, хорошо знакомый ей почерк. У нее в глазах так и рябило.

«Милая мамаша,— писал ей Раст,— я решил не входить с вами в компанию, а захватить весь капитал, предоставив вам кредит. На будущий раз, если вы вздумаете скрывать от почтительного вашего сына деньги, одинаково принадлежащие и ему, и вам, то не прячьте их в перчатки: это не безопасно. Я уезжаю путешествовать: мне необходимо развлечение после такого продолжительного и скучного ведения дел. Надеюсь, что ваши сплетники-соседи не посетуют на то, что я пользуюсь такими длинными каникулами. Вам всего удобнее будет заявить им, что я отправился в прерии Техаса к дяде».

Любящий вас и преданный вам сын

Эдраст Жозен

ГЛАВА 18

Бегство

После того как Эдраст бесследно исчез, Жозен вышла на следующий день утром на крыльцо своей квартиры, чтобы посидеть на чистом воздухе. Лицо у нее было мертвенно-бледное, глаза потухли. Ежеминутно она прикладывала к вискам руки и шепотом говорила: «Кто мог это предвидеть?.. Так поступить со своей матерью, со своей родной матерью!.. А я еще так ласково с ним обращалась!..»

Жозен до того глубоко задумалась, что забыла совершенно и о делах, и о покупателях, и даже о домашнем хозяйстве. Одна из проходивших мимо знакомых с участием спросила, не больна ли она?

— Да, немножко! — мрачно отвечала Жозен.— Боюсь, не расхвораться бы мне. Дело в том, что мой сын сильно меня расстроил. Он вбил себе в голову мысль немедленно отправиться в прерии, к своему дяде в Техас, и укатил вчера. Без него я справиться не могу с торговлей — так он к ней способен! Неудивительно, если я скоро отправлюсь вслед за ним.

Когда в это же утро Пепси спросила у «леди Джэн», что это такое приключилось с тетей Полиной, девочка, заранее уже предупрежденная, отвечала, что у тети сильно болит голова; она расстроена потому, что Раст уехал из дому и долго-долго не вернется.

— Слышал ты,— говорила испанка Фернандсу мужу, который уселся у окна своей квартиры, чтобы поглазеть на улицу,— слышал ты, что мадам Жозен очень расстроена по случаю отъезда сына. Она с раннего утра сидела все на крыльце, вздыхая и утирая слезы. Мне ее, право, так жаль!.. Гляди-ка, гляди: сюда подходит какая-то дама. Кто бы это мог быть?

В это время к крыльцу Жозен подошла дама, совершенно незнакомая мадам Фернандсу, а Жозен так и бросилась к гостье с радостной улыбкой, поздоровалась с нею, разом оживилась и горячо начала пожимать ей руки.

— Мадам Журдан, какими судьбами попали вы в наш уголок? — воскликнула она.

— Для вас это большое счастье! — отвечала, смеясь, мадам Журдан.— Я принесла вам деньги. Вы поручили мне продать старинный ящичек, и мне удалось сбыть его очень выгодно.

— Неужели? Ах, какая вы добрая? Я так рада за свою девочку!

— Поверите ли, ведь я за ящичек получила 25 долларов. Помните, вы соглашались отдать мне его за 10 долларов, а мне дали 25. Я считала себя вправе продать вещь за такую выгодную цену. Правда, ящичек чрезвычайно изящной работы.

— Да, это была прекрасная вещь,— сказала с притворным вздохом Жозен.

— Надо вам прежде рассказать, каким образом мне удалось заполучить такую хорошую цену. Престранная история, я вам скажу! Когда вы ее выслушаете, то, может быть, сами разрешите эту загадку. Вчера вечером ко мне заехала одна из моих покупательниц, мадам Ланье, та, что живет на улице Джексон. Она пришла посмотреть, нет ли чего нового у меня. Вдруг, смотрю, она побледнела и, указывая рукой на ваш ящичек, в волнении спросила: «Мадам Журдан, откуда у вас эта вещь?» Я сейчас же сообщила ей, кто мне передал ее для продажи. Мадам Ланье начала допрашивать, кто вы такая, как ко мне попал ящичек, от кого я его приобрела, и, рассматри-

вая вещь, несколько раз повторяла, что она понять не может, каким образом попал сюда знакомый ей ящичек. Я твердила одно и то же, что ящичек достался мне из ваших рук. Она засыпала меня вопросами о вас. Вы понимаете, что я не была в состоянии ответить на все вопросы. Она внимательно записала ваш адрес и фамилию. Я же посоветовала ей съездить самой к вам и лично узнать от вас всю историю этого таинственного ящичка.

Пока модистка бегло и торопливо передавала все это своей приятельнице, мадам Жозен постепенно бледнела, как полотно. Глаза ее испуганно бегали, притворная улыбка перекосила рот. Но она внимательно вслушивалась в каждое слово гостьи и, наконец, собравшись с духом, сказала:

— Ничего нет удивительного, что вас так поразили вопросы этой дамы. Не сообщила ли она вам, почему ей так настоятельно хотелось повидаться со мною?

— Мне показалось, что мадам Ланье заметила, что и я также очень взволнована. «Это для меня просто тайна,— говорила она,— каким образом мог попасть в ваши руки этот ящичек. Десять лет тому назад, учась в школе в Нью-Йорке, я нарочно заказала одной любимой моей подруге именно такой ящичек и велела вырезать на нем вензель «J. C.».

— Скажите, пожалуйста, и точно такой ящичек? — воскликнула Жозен, сама не понимая, к чему это она говорит.

— Тут мадам Ланье,— продолжала модистка,— спросила у меня, не продам ли я ей эту вещь. «Конечно,— говорю,— продам: мне для этого и передали ее». Видя, что мадам Ланье сильно хочется приобрести ящичек, я подумала: не запросить ли за него двадцать пять долларов? К великому удивлению моему, она слова не сказала, выдала мне сполна все деньги, спрятала ящичек, вторично переспросила ваш адрес и уехала. Полагаю, что она приедет к вам, если не сегодня, то завтра непременно. Вот почему я так поторопилась прибежать к вам: хотелось предупредить об этом.

— Что вам следует за комиссию? — вдруг спросила Жозен, стараясь спокойно ответить приятельнице и кладя деньги на стол.

— Что вы, что вы, мадам Жозен! Я ничего от вас не приму. Помилуйте! С моей стороны тут не было никакого особенного одолжения. Что за счеты между друзьями! Уверяю вас, я очень радуюсь, что могла оказать вашей милой девочке хотя небольшую услугу. Она вам, верно, немало стоит?

— Да, недешево! — тяжело вздыхая, проговорила Жозен.— Впрочем, у нее после матери осталось небольшое наследство в прериях. Мой сын именно в ту местность уехал вчера, и я собираюсь отправиться вслед за ним.

— Что вы, что вы,— изумилась модистка,— вы так хорошо здесь устроились и вдруг собираетесь уехать! А скажите, скоро?

— На днях,— ответила Жозен, не считая уже более нужным держать предстоящий отъезд в секрете.

— Придите же, пожалуйста, проститься со мной. Мне очень жаль, что я не могу подольше остаться, чтобы поболтать с вами,—заключила Журдан,— я очень-очень занята. Дайте мне слово, что вы не уедете, не простясь.

Говоря это, модистка приветливо пожала руку приятельнице, почти сбежала с крыльца магазина и через пять минут скрылась за углом ближайшей улицы.

Проводив глазами мадам Журдан, Жозен глубоко задумалась.

— Она собирается ко мне приехать! — вслух проговорила она.— Это невозможно! Я не могу ее видеть, не могу признаться, откуда я добыла этот ящичек. Мне необходимо бежать отсюда. Я должна скрыться куда-нибудь подальше.

Жозен торопливо надела лучшее свое платье, мантилью, шляпку и, уходя из дома, крикнула через окно «леди Джэн», сидевшей по обыкновению у Пепси в гостях, что она идет по делам и, может быть, долго не вернется.

День клонился к вечеру, когда Жозен, изнемогая от усталос-

ти, шла по узенькому переулку на окраине города, чуть ли не в нескольких милях от улицы «Добрых детей». Вдруг она увидела, что перед нею останавливается фура, запряженная двумя мулами. Фурой правил старый негр.

— Это ты, Пит? — воскликнула мадам Жозен, останавливаясь перед фургонщиком.

— Кому и быть, как не мне, миссис Паулина. Не могу и сказать, как я вам рад! — сказал, осклабившись, негр.

— И я, Пит, также очень довольна, что встретила тебя,— сказала, слегка улыбнувшись, Жозен.— Ты, как видно, обзавелся уже фурой? Она твоя?

— Положим, не совсем моя, миссис Паулина. Я беру ее напрокат, а сам езжу погонщиком.

— Именно погонщика-то я и ищу, чтоб перевезти свой багаж и сундуки сегодня ночью,— напирая на последние слова, сказала Жозен.

— Сегодня ночью, миссис Паулина? У нас не принято работать по субботам, да еще когда темно.

— Да ты мне скажи прежде, что ты берешь за каждую фуру с полным багажом?

— Я обыкновенно беру по два доллара с фуры, и то с условием, чтобы не слишком далеко ехать,— проговорил, подумав немного, старый негр.

— Правду сказать, ехать тебе придется далеко. Я живу теперь на улице «Добрых детей».

— О, миссис Паулина! Сегодня ночью мне невозможно приехать к вам за вещами. Мои мулы и без того слишком устали.

Мадам Жозен замолчала и с минуту подумала.

— Видишь ли, Пит,— сказала она решительным тоном.— В память прошлого выслушай меня и исполни мою просьбу. Не расспрашивай ни о чем, а только слушайся. Помни еще одно — держи язык за зубами. Отведи сейчас своих мулов в конюшню, на-

корми их досыта и дай им хорошенько отдохнуть. Ко мне на квартиру приезжай вечером, в десять часов. Если ты сумеешь устроить все спокойно, без суеты, я тебе заплачу за фуру десять долларов.

— Десять долларов, миссис Паулина? — Старик негр лакомо облизнулся.— Деньги хорошие, но ведь и дорога-то, дорога какая длинная!

— Времени тебе на это вполне достаточно, нечего торопиться. Привези на помощь работника и поставь фуру на боковой улице. Я хочу, чтобы ты уложил весь багаж и сундуки вдали, а главное, чтобы все это тихо делалось. Помни, Пит, чтобы никакого шума не было.

— Слушаю, миссис Паулина; явлюсь к вам ровно в десять. Вы, значит, исполните слово: заплатите мне десять долларов?

— Как сказала, так и сделаю. А теперь прощай,— проговорила старуха, заковыляв опять по направлению к своему магазину.

Впоследствии соседи мадам Жозен нередко вспоминали, как в упомянутую ночь они все предурно спали. Им все мерещились какие-то тяжелые сны, слышали необыкновенный, таинственный шепот и ходьбу. А так как на заре этого дня разразилась сильная гроза, то женщины решили, что всему слышанному ими причиной было электричество.

Пепси, впрочем, уверяла, что она не бредила, а ясно слышала крики «леди Джэн», звавшей ее на помощь, а потом будто раздавался шепот мужских голосов, осторожный стук колес и другие какие-то странные звуки. Мать Пепси насилу уговорила ее успокоиться и заснуть.

Бедную Пепси до такой степени расстроила бурная ночь, что она на другой день проснулась совсем больная. Грустная, бледная сидела она на обычном своем кресле и не сводила глаз с окон мадам Жозен, с нетерпением ожидая, чтоб та открыла ставни и отперла входную дверь.

Но — странное дело! — пробило уже восемь часов, а у соседей

не было видно признака жизни. Молочник чуть не оборвал звонок главной двери; булочник, мясник и все остальные торговцы надрывались, вызывая из-за запертых дверей хозяйку. Пробило уже десять часов, а окна квартиры мадам Жозен все оставались упорно запертыми.

Наконец Пепси не выдержала.

— Ступай сейчас и разузнай, отчего там все молчат,— сказала она своей верной «Мышке».

Та давно уже сгорала от любопытства и поэтому стремглав бросилась во внутренний двор соседей. Постучав несколько раз в кухонную дверь и не получив ответа, она, недолго думая, вскарабкалась по плинтусу к ближайшему окну, заглянула в задние комнаты, как кошка соскочила назад на землю, а затем бросилась к своей барышне — бледная, с выражением дикого испуга в глазах.

— Ах, что случилось, мисс Пепси! — залепетала она.— Ведь соседки-то наши уехали; клочка бумажки не осталось в комнатах. «Леди Джэн» исчезла и старая дама также!

Сначала Пепси не сразу поняла, что ей толкует «Мышка», но когда она убедилась, что Жозен действительно бежала в прошедшую ночь и утащила с собой «леди Джэн», бедная девочка горько зарыдала и никому не позволяла, чтобы ее утешали.

За Пэшу и за тетей Модей послали немедленно рассыльного. Милейший дядя сейчас же пустился разыскивать беглянку. Единственно, чего он мог добиться от жены хозяина дома, это то, что мадам Жозен аккуратно заплатила за свою квартиру и вручила даже ключ от нее, говоря, что она получила неожиданное известие, что ей необходимо следовать за сыном. Пэшу вернулся к своим очень грустным.

— У меня был сначала приготовлен план, как ее накрыть,— говорил он,— но с той минуты, как девочка пропала, я ничего не могу сделать.

На следующий день Пепси не могла заняться ничем серьезным

и, полулежа в кресле, старалась себя развлечь игрой в солитер. Вдруг она увидала, что к закрытым окнам квартиры пропавшей Жозен подъехала коляска, где сидела молодая женщина. Она позвонила, но, видя, что никто не отворяет, подбежала к дверям соседней лавки и спросила, тут ли живет мадам Жозен.

— Мадам Жозен прежде жила здесь,— заявил испанец Фернандсу вежливо кланяясь даме,— но два дня тому назад она выехала, и мы не можем сказать куда. С нею произошло что-то странное, иначе она не уехала бы, не простясь со всеми своими приятельницами и не дав им нового своего адреса.

Дама, выслушав эти слова, посмотрела на закрытые ставни и уехала.

Приезд незнакомой дамы вслед за исчезновением Жозен послужил предметом нескончаемых толков о происшествии.

— Я уверена,— говорила Пепси,— что эта дама — мама «леди Джэн», которая после долгого ожидания вернулась к ней! Ах, какое несчастье, что она вовремя не приехала!..

ГЛАВА 19

Маленькая уличная певица

Это было в самый канун праздника. Начинало уже сильно темнеть, когда мадам Ланье проезжала по бульвару. В коляске лежали различные подарки для детей, друзей и знакомых. Вдруг, при повороте на следующую улицу, на тротуаре ей бросилась в глаза маленькая детская фигурка. Мадам Ланье успела рассмотреть в полусвете девочку лет шести, в белом платьице, грязном, измятом; длинные черные чулки и полустоптанные башмаки были в дырах. Она куталась в тонкую полинялую шаль, прикрывая ею озябшие плечи. Золотистые волосы, заплетенные в косу, небрежно были собраны на затылке. На худеньком, бледном личике выражалось такое горе, что на девочку нельзя было равнодушно смотреть. Симпатичная наружность ее невольно привлекла к себе внимание мадам Ланье.

Когда коляска стала поворачивать за угол, она пристально посмотрела на девочку. «Бедная малютка! – подумала она.– Напрасно я не велела извозчику остановиться и спросить, кто она такая».

Это была «леди Джэн». Но кто бы мог подумать, что это она!

После той мучительной ночи, когда Жозен грубо разбудила спящую малютку и приказала ей немедленно встать и одеться, потому что им нужно сейчас же ехать, «леди Джэн» совсем растерялась. Сначала она не хотела повиноваться, начала звать к себе на помощь

Пепси, Диану, Жерара,– но все напрасно. Жозен разбранила ее, прибила и до того запугала, что бедняжка покорилась.

Страшная гроза в эту ночь, физиономии двух черномазых извозчиков, толчки и брань Жозен – все это до того ошеломило девочку, что она помертвела от ужаса и не могла вымолвить ни слова.

Вот как горько изменилась в четыре месяца судьба бедной «леди Джэн»! Изнеженная вниманием, ласками и заботами своих друзей, она стала теперь беспомощной круглой сиротой.

В ночь своего бегства Жозен схватила сильную простуду. Ревматизм сковал ноги, ей приходилось лежать в постели почти по целым дням. Деньги – а их было у нее теперь очень мало – так и таяли. Голод стоял у двери. Больная старуха дрожала от холода, не имея возможности купить себе топлива. Она должна была скрывать от всех место своего жительства. Больная и измученная, она очутилась совершенно одинокой.

С помощью негра Пита ей удалось распродать все уцелевшие у нее пожитки. Старуха, отправив раз «леди Джэн» собирать милостыню, во время ее отсутствия продала какому-то итальянцу за два доллара и голубую цаплю.

Цапля была единственной отрадой девочки, единственным живым воспоминанием о ее недавнем счастье. Когда «леди Джэн» под вечер вернулась в свою конуру и увидела, что Тони нет, она пришла в такое неистовое отчаяние, что даже Жозен перепугалась.

С этого дня девочка утром и вечером начала бродить по соседним улицам, отыскивая свою милую цаплю. Когда Жозен в первый раз выслала ее на улицу, чтобы петь и собирать милостыню, «леди Джэн» повиновалась. Она уже привыкла угождать старухе. После бегства с улицы «Добрых детей» Жозен перестала совсем заботиться о девочке. Она возненавидела ее. По мнению старухи, «леди Джэн» была главной причиной всех ее бедствий. Перед тем как отправить ее первый раз на улицу, за милостыней, Жозен дала ей следующую инструкцию:

— Ни под каким видом не смей никому говорить, что мы жили на улице «Добрых детей». Не рассказывай, что ты знакома с Маделон, с Пепси, с семьей Пэшу и со стариком Жераром — вообще с кем бы то ни было из известных тебе лиц. Не смей разговаривать с чужими людьми, а в особенности не сообщай никому своего имени и адреса нашей теперешней квартиры. Пой, пой, пой и протягивай прохожим руку. По временам можешь плакать, если тебе будет грустно. Но смеяться никогда не смей!

Девочка строго исполняла эти приказания, за исключением одного: плакать публично. Как бы тяжело у нее на сердце ни было, она никогда не выдавала своего горя. Удивительно, сколько мелкой монеты сыпалось на руки девочки, когда на улице раздавалось ее пение. Иногда она возвращалась домой с туго набитым кошельком в кармане. Замечательный голос ее, такой кроткий, симпатичный, грустное личико и задумчивые глаза трогали до слез самых грубых людей. Если бы Жозен не была такой скаредной и не продала голубую цаплю, она каждый день могла бы получать хорошие деньги; но когда «леди Джэн» лишилась своей любимицы, она уже не в состоянии была больше петь на улицах; и когда прохожие просили ее, чтобы она побаловала их своим прекрасным голосом, малютка отвечала только рыданиями.

«Леди Джэн» бродила по дворам, отыскивая в каждом углу свою голубую цаплю. Девочка трепетала от ужаса, когда кошелек ее к вечеру оставался пуст. Осторожно пробираясь в квартиру, она пряталась куда-нибудь за дверь, чтобы подольше не попадаться на глаза старухе.

Однажды утром, когда на дворе стояла очень холодная погода, «леди Джэн» велено было, по обыкновению, идти на улицу петь. Девочка чувствовала себя очень нехорошо, и когда Жозен сказала, чтобы она не смела приходить обедать без денег, малютка горько заплакала и в первый раз начала умолять позволить ей остаться дома, потому что она совсем не может петь в такой холод, а главное,

боится злых мальчишек, которые забросали ее грязью накануне и пригрозили, чтобы она не смела показываться у них на улице.

Такое неожиданное неповиновение привело Жозен в бешенство. Она схватила ее и начала трясти изо всех сил, затем размахнулась и так сильно ударила по лицу, что у малютки зазвенело в ушах.

— Убирайся сейчас вон,— крикнула свирепая старуха,— и не смей возвращаться, пока не наберешь побольше денег!

«Леди Джэн» в первый раз в жизни получила пощечину. Она в ту же минуту перестала плакать, отерла слезы и с изумлением, смешанным с негодованием, пристально посмотрела на свою мучительницу, а затем молча вышла из комнаты.

Спустившись с лестницы, оскорбленная девочка приложила холодную, как лед, руку к пылающей щеке, всячески стараясь успокоить свое взволнованное сердце. Отдохнув немного, она с несвойственной ребенку твердостью собралась с духом и побежала без оглядки вперед, ни разу не повернув головы к дому, где жила Жозен.

Очутившись довольно далеко от ненавистного ей переулка и зная, что она теперь в безопасности от преследовавших ее злых мальчиков, «леди Джэн» повернула на противоположную улицу, на которой она до сих пор никогда не бывала.

Дул резкий ветер, но солнце ярко светило. «Леди Джэн» закутала голову в поношенную маленькую шаль и начала бродить по улицам.

«Если я обойду все улицы,— думала девочка,— то непременно попаду на улицу «Добрых детей». Буду там всех спрашивать, где живет Пепси или мисс Диана, побегу к ним и попрошу, чтобы они взяли меня к себе жить, потому что я никогда-никогда больше не вернусь к тете Полине».

Мало-помалу «леди Джэн» начала уставать. Вскоре она очути-

лась на широкой улице, которая до сих пор ей еще не попадалась. Улица эта представляла собой прекрасный бульвар. По обеим сторонам бульвара возвышались большие дома с палисадниками у ворот.

«Леди Джэн» присела на скамейку бульвара, и ей невольно вспомнилась Пепси.

«Вот бы где ей погулять,— подумала девочка,— здесь так хорошо! Как бы она, милая, обрадовалась, если бы вдруг увидела из окна, что к ее крыльцу подъезжает коляска, а в коляске я!..»

Но пока она мечтала, подул такой сильный ветер, что «леди Джэн» задрожала от холода.

Впрочем, до фантазии ли было теперь бедной девочке, когда озноб охватил ее худенькое тело. Она перебежала на солнечную сторону и приютилась у подъезда какого-то дома. Поджав свои холодные ножки, «леди Джэн» старалась прикрыть их юбкой своего плохонького платья.

Ах, если бы кто-нибудь указал ей дорогу к улице «Добрых детей». Страшно только обратиться с вопросом к незнакомым людям. Ведь тетя Полина строго-настрого запретила ей разговаривать с чужими!

«Разве вот что,— утешала себя девочка,— теперь я, к счастью, далеко от той противной улицы, где живут злые мальчики. Их нечего мне бояться; может быть, сейчас даже попадется кто-нибудь из моих прежних друзей и отведет меня к Пепси. Например, хоть мосье Жерар! Он отыскал же меня, когда я пропала на маскараде. А теперь ведь я не в домино, лицо не закрыто — он еще скорей меня отыщет и приведет к своим. Мало того, я уверена, что он тотчас бросится разыскивать Тони и привезет ее завтра же к Пепси. Какая я буду тогда счастливая!..»

Все эти сказочные мечты успокоили бедного ребенка.

Прошло несколько минут. Перед домом остановилась женщина. Она держала на руке корзину с провизией и что-то ела. Заме-

тив, что «леди Джэн», с утра голодная, жадно впилась глазами в ее рот, женщина остановилась и спросила:

— Тебе не хочется ли покушать, милая?

— Очень хочется,— робко ответила «леди Джэн».

Добрая женщина подала ей мягкий продолговатый хлебец и румяное яблоко, улыбнулась и пошла дальше. «Леди Джэн» торопливо вернулась в свой уголок и с аппетитом принялась есть хлеб и яблоко.

Не более как четверть часа спустя мимо нее прокатилась тележка молочницы, которая повернула к соседнему дому. Девочка вся так и затряслась от радости. Уж не тетя Модя ли?.. Увы, нет. «Леди Джэн» знала, что тетя Модя имеет много заказчиков на богатых улицах; значит, нужно только потерпеть — и девочка снова уселась доедать свое яблоко.

Время между тем шло. Утолив свой голод и успокоив себя мыслью, что вот скоро-скоро приедет знакомая молочница, «леди Джэн» продолжала сидеть на прежнем месте, очень довольная тем, что она теперь сыта и, верно, скоро доберется до милой Пепси. Начинало темнеть, солнце скрылось за верхушками домов, серый туман заволакивал улицу. Малютка начала подумывать, как ей теперь быть, и упрекала себя, зачем она оставалась так долго на одном и том же месте. Вернуться домой к Жозен ей в голову не приходило, да притом она бы даже и не нашла туда дороги. Пришлось опять тронуться в путь и продолжать искать улицу «Добрых детей».

Первый раз в жизни «леди Джэн» очутилась ночью одна на улице. Она вся дрожала от страха. Раз на нее зарычала большая собака и хотела на нее броситься. Девочка опрометью вскочила в соседнюю парадную дверь, чтобы спрятаться. Грубый швейцар безжалостно выгнал ее вон. Проходя все дальше и дальше по улицам, она нередко останавливалась перед окнами домов и засматривалась на них. В особенности ей понравился один дом. Комнаты его были ярко освещены. По стенам висели картины, на зеркальных окнах с

приподнятыми занавесями стояли цветы. Слышались голоса взрослых, детский смех, музыка, танцы, и вдруг раздалось женское пение. Это мгновенно напомнило малютке Джэн ее друга – мисс Диану. И она тяжело вздохнула. Потом «леди Джэн» очутилась перед одноэтажным домом. Кружевные занавеси были высоко приподняты, входная комната залита огнем. На рояле играла мадам Ланье, а две прехорошенькие маленькие девочки – ее дочери – в белых платьях, с пунцовыми бантами на поясах, танцевали перед матерью. «Леди Джэн» прижалась к чугунной решетке дома и впилась своими блестящими глазами в детей. В зале раздавались звуки вальса, очень знакомого бедной девочке: мосье Жерар научил ее именно тем же па, которые исполняли в эту минуту хорошенькие дети, а мать наигрывала вальс, тоже знакомый «леди Джэн». Старичок Жерар постоянно насвистывал этот вальс, когда давал урок своей ученице. Забыв обо всем на свете, девочка сбросила с себя старенькую шаль, сделала пируэт, маленький скачок вбок и, придерживая обеими руками плохонькое, поношенное платьице, принялась грациозно танцевать. Кудрявые волосы растрепались, щеки разрумянились, и малютка носилась около фонаря, кружась и порхая.

Вдруг музыка в доме умолкла. Свет в главной комнате погас, занавеси опустились, и «леди Джэн» очутилась совершенно одна. Подняв с земли свою шаль, она закутала ею голову и побрела опять вперед. Снова подул резкий ветер, и, несмотря на то, что ее согрели быстрые движения, ноги стали мерзнуть и ныть от холода. Раза два она даже споткнулась, колени подгибались, сон так сильно ее одолевал, что она готова была тут же упасть на скамейку. Но как только к малышке приближалось постороннее лицо, она старалась подбодрить себя, вставала и шла вперед. Во что бы то ни стало ей нужно было дотащиться до улицы «Добрых детей». Это, вероятно, было теперь недалеко, и «леди Джэн» не смотрела уже по сторонам, будучи в полной уверенности, что ей попадется навстречу Маделон или издали засветится лампочка Пепси...

ГЛАВА 20

«Леди Джэн» находит убежище

Леди Джэн совсем уже истомилась от холода и от желания спать. Она кое-как дотащилась до незнакомой ей местности, где пересекались две улицы. На углу одной из них возвышалось большое здание, окна которого были ярко освещены.

«Леди Джэн» повернула голову к освещенным окнам большого дома, на фронтоне которого светилась мраморная доска с крупными буквами. Разобрать их девочка не могла, но, ухватившись обеими оледеневшими от холода ручонками за чугунную решетку, которая окаймляла весь наружный фасад здания, она приподнялась на цыпочках и прочитала по складам: «Приют для сирот».

— «Для сирот»? Что это значит? А как там тепло, как светло!..

Подумав с минуту, она усиленно дернула за звонок, висевший на дверях, и продолжала смотреть в окно.

В залитой огнями зале весело бегали и прыгали дети.

Позвонив в колокольчик, «леди Джэн» как будто и забыла о нем, увлеченная никогда не виданными ею прелестями. Вся застывшая от холода, она не выпускала из рук решетки и только все смотрела и смотрела.

Вдруг дверь парадной лестницы отворилась. На крыльцо вышла средних лет женщина, которая, увидав перед собою малютку

девочку с обнаженной головой, бедно одетую, нищенски обутую, подхватила ее к себе на руки и унесла в дом.

— Дитя мое, милое дитя, как ты сюда попала? В такой холод, почти неодетая! Отчего ты не идешь к себе домой?

В первую минуту девочка не могла произнести ни слова — до того перезябла и устала. Она чувствовала, что ее охватили нежные, ласковые руки, и ей казалось, что она лежит в объятиях матери. Но последний вопрос: как она сюда попала? — заставил ее вздрогнуть от ужаса.

— О, не отсылайте меня,— закричала несчастная девочка,— не отсылайте, не возвращайте назад к тете Полине! Я ее боюсь: она сегодня меня прибила, дала мне пощечину, и я от нее убежала.

— Где живет твоя тетя Полина? — спросила Маргарита (так звали начальницу приюта для сирот), не спускавшая найденной девочки с рук. Она все время не сводила пристального, испытующего взгляда с ребенка.

— Не знаю где. Кажется, далеко отсюда.

— Ты не можешь вспомнить улицу?

— Это не улица, а кажется, переулок — грязный, в болоте. Там надо все по доскам ходить.

— Можешь ты мне назвать имя твоей тети?

— Могу: ее зовут тетя Полина.

— А настоящее ее имя?

— Не знаю. Я всегда звала ее — тетя Полина. О, прошу вас, не отсылайте меня к ней! Я боюсь туда идти; она приказала мне принести вечером деньги, а без денег не приходить обедать. Она велела мне петь на улице, но я петь не могла, а просить милостыню не смела...

Но тут девочка не выдержала больше и залилась горькими слезами. Начальница приюта привыкла быть свидетельницей самых горьких сцен из жизни детей.

— Где же твой отец и твоя мать? — нежно спросила она у «леди Джэн».

— Папа умер, а про маму тетя Полина говорит, будто она куда-то уехала. Но я думаю, что она также умерла.

Глаза Маргариты наполнились слезами. Она еще крепче прижала к сердцу дрожавшую от холода сиротку и понесла ее во внутренние комнаты.

— Ты не хочешь ли переночевать здесь, душа моя? — спросила она.— У нас живет много-много девочек, и наши воспитательницы очень их любят и берегут.

У «леди Джэн» так и расцвело бледное личико.

— Так мне можно остаться у вас? Вы позволите мне играть с детьми? — улыбаясь, спросила она.

— Конечно, дитя мое! А завтра утром ты получишь свою долю подарков.

Начальница растворила входную дверь приюта и ввела девочку в помещение, где находилось много малюток сирот.

* * *

Прошло несколько дней с тех пор, как «леди Джэн» попала в приют. Так как за ней никто не являлся, то начальство приюта решило принять ее в младшее отделение. Скоро девочка сделалась предметом особого внимания не только Маргариты и других воспитательниц, но и всех детей. Пение ее увлекало всех в доме, голос ее заметно креп и развивался.

Малютку засыпали подарками и лакомствами. Но никто так не баловал ее, как мадам Ланье, которая часто навещала приют. Она иначе не приезжала к маленькой Джэн, как с каким-нибудь полезным подарком. Маргарита нашла более приличным отбросить слово «леди» и ограничиться одним именем девочки, и все прочие воспитательницы вполне одобрили ее предложение

— Мне кажется,— говорила Маргарита своей помощнице Агнессе,— что мадам Ланье намерена удочерить Джэн. Не будь у нее так много своих детей, я уверена, что она сейчас перевезла бы девочку из приюта к себе в дом.

— Мадам Ланье задает мне иногда престранные вопросы насчет ребенка,— ответила Агнесса.— Когда Джэн поет, мадам Ланье глаз с нее не спускает и слушает с большим вниманием.

— Да,— сказала Маргарита,— я уж давно сама замечаю, что мадам Ланье постоянно расспрашивает Джэн. Очевидно, ей очень хочется добиться от самой девочки, откуда та попала к неизвестной родственнице своей — какой-то тете Полине.

Джэн продолжала упорно молчать, ограничиваясь теми немногими словами, которые она высказала в порыве отчаяния в праздничный вечер. Ее пугала мысль, как бы не попасть опять в когти злой Жозен, строго запретившей ей поминать даже об улице «Добрых детей». А между тем как часто хотелось девочке заговорить с воспитательницами о Пепси, Диане, Жераре и о семье Пэшу!.. Как ныло сердце ее при воспоминании об этих добрых людях, верных ее друзьях! Повторяя свои уроки пения, Джэн невольно переносилась мысленно в прекрасный садик, полный цветов, в домик мисс Дианы, и ей казалось, что она поет вместе с нею.

Проходили месяцы, а друзья Джэн все еще находились в неизвестности относительно ее судьбы. Девочке уже шел восьмой год.

Бедная мисс Диана перенесла большое горе. Ее мать опасно занемогла, не подавая уже надежды на выздоровление. В середине августа старушка скончалась.

Таким образом, кроткая, терпеливая Диана осталась сиротою, совсем одна в скромном домике, со своими цветами, деревьями и птичками. Вернувшись с похорон матери, Диана очень загрустила в одиночестве.

— О, если бы при мне была теперь моя бесценная девочка! —

со вздохом сказала она сама себе.– Каким бы утешением, какой отрадой она была бы для меня!..

На следующий день утром, когда семья Пэшу только что уселась завтракать, принесли газеты. Папа Пэшу развернул первый лист и вдруг воскликнул, да так, что жена его чуть не опрокинула кофейник, из которого собиралась наливать кофе.

– Что такое? Что с тобой случилось? – спросила она, вздрогнув.

Вместо ответа муж прочитал следующее объявление:

«Погребена из милосердия скончавшаяся в госпитале для бедных мадам Полина Жозен, рожденная Бержерон».

ГЛАВА 21

Тетя Модя находит «леди Джэн»

Когда Пэшу прочитал известие о смерти мадам Жозен и о том, что она похоронена за счет госпиталя для нищих, он очень взволновался.

— Жена,— сказал он,— старуха никуда не выезжала, в Техас не ездила. Она просто скрывалась от нас в окрестностях города. Как бы то ни было, но я обязан отыскать «леди Джэн».

— Конечно, конечно! — отвечала добросердечная молочница.— Отыщи ее и приведи прямо ко мне. Правда, у нас у самих семеро детей, но места для нее хватит. Я так горячо люблю малютку, как родную!

Пэшу тотчас пустился на поиски пропавшей девочки. К великому огорчению своей семьи, он вернулся в тот же день поздно вечером без всякого успеха.

Он начал с того, что отправился в госпиталь для нищих, где ему сообщили, что умершая Жозен привезена была несколько дней тому назад полумертвою от голода и холода, в фургоне для бедных больных, что ее нашли в какой-то конуре на конце города, совершенно одинокою, без малейших средств к существованию. Ребенка при ней никакого не было. Она лежала одна, и в те немногие часы, когда она приходила в себя перед смертью, у нее не вырвалось ни одного намека на то, что с нею жила девочка. Затем Пэшу стал наводить справки у ближайших соседей, кто такой тот фургонщик, что

привез ее. Соседи отвечали, что они ничего не знают. Умершая появилась в их околотке неизвестно откуда. Имущество привезла она с собою самое ничтожное и с первых же дней слегла в постель. Когда она заболела, соседи, боясь, чтобы она не умерла без всякой помощи, тотчас дали знать куда следует, чтобы за нею приехал фургон для бедных больных. Ее перевезли в госпиталь. Никому не было известно, откуда она появилась. Какой-то старый негр свалил ее скарб и уехал, а соседям не пришло в голову заметить его номер. Хозяин той лачуги, где она жила, заявил, что квартиру эту для нее нанял тот старик негр, который ее привез, но имени его никто не знает. Этим и ограничились все розыски Пэшу. Больше он ничего не мог узнать. К великому его горю, Жозен, видимо, умышленно скрыла от всех, куда она девала «леди Джэн».

— Ну вот видишь: как ушел, так и пришел ни с чем,— говорил Пэшу, возвращаясь к жене усталый, измученный и огорченный.— Впрочем, я дела так не брошу! Я обязан доискаться, каким образом могла пропасть девочка. Чем более я вдумываюсь в этот вопрос, тем более убеждаюсь, что Жозен никогда не ездила в Техас и что девочка наша непременно находится здесь, в городе! Вот что я придумал: завтра с утра я отправлюсь осматривать все приюты.

— Хорошо, и я отправлюсь вместе с тобой! — воскликнула тетя Модя.— Мы вдвоем осмотрим приюты — и тогда только успокоимся. Если Жозен не отправила куда-нибудь «леди Джэн», то нет сомнения, что девочку мы найдем в одном из этих заведений. Я всегда говорила и теперь говорю, что Жозен украла «леди Джэн». Вот почему она так тщательно скрывала ребенка и так внезапно скрылась неизвестно в какую часть города. Помнишь ту даму, которая приезжала на улицу «Добрых детей»? Очевидно, она разыскивала мадам Жозен. О, уверяю тебя, тут кроется какая-то тайна! Распутать этот узел можем только мы с тобой. Завтра встанем пораньше и вместе придумаем, как взяться за дело.

Прошло несколько дней. Джэн сидела в классной комнате и

учила урок. Вдруг в класс вошла Маргарита с какими-то посетителями. Это было очень обыкновенным событием для детей, и потому девочка, прилежно занятая уроком, не подняла даже головы при входе гостей.

— Это отделение для младшего возраста,— громко сказала Маргарита.— Осмотрите детей,— быть может, вы узнаете, которая из них девочка, которую вы разыскиваете.

«Леди Джэн», услыхав эти слова, повернула голову к дверям, куда только что вошли мужчина и женщина. В то же мгновение полное, улыбающееся лицо женщины вспыхнуло от большой радости.

— Да, да! Это она! — крикнула гостья.

Вместе с тем раздался и радостный крик девочки:

— Тетя Модя! Ах, тетя Модя! — и Джэн, прежде чем успела выговорить эти слова, обхватила обеими руками шею мадам Пэшу и принялась ее целовать.

Добрая женщина прижала ее к своему сердцу и едва не задушила поцелуями. Папа Пэшу, чуть не плача от радости, теребил руками свою шляпу и с умилением смотрел на жену и на ребенка.

— Джэн, ты можешь спуститься с нами вниз,— сказала начальница приюта, предложив гостям отправиться в приемную залу.

Тут начался интересный и оживленный разговор между супругами и наставницею. Джэн, усевшись на коленях тети Моди, внимательно вслушивалась в рассказ, касавшийся ее судьбы, но многого не поняла. При ней долго толковали о мадам Жозен, об улице «Добрых детей», о каких-то золотых часах с брильянтами и с чьими-то буквами, о таких же буквах, вышитых на белье, о том, как внезапно мадам Жозен бежала. Толковали что-то о Техасе, о лачуге, где Жозен поселилась с девочкою, о том, как она жестоко обращалась с нею. Всю эту историю Маргарита слушала с изумлением и с большим интересом. Она, со своей стороны, сообщила мужу и жене Пэшу, как наткнулась на «леди Джэн» на крыльце приюта накануне праздника, приняла ее в дом и настаивала, чтобы девочка сказала, откуда она

явилась, у кого жила и кто она родом. Но Джэн никогда на это не отвечала.

— Отчего же ты, милочка, не хотела отвечать на эти вопросы тете Маргарите? — ласково спросила тетя Модя.

Девочка запнулась на минуту, потом вполголоса сказала:

— Оттого, что я боялась...

— Кого же ты боялась, моя крошка? — спросил Пэшу.

— Тетя Полина запретила мне говорить об этом,— робко глядя на Маргариту, продолжала Джэн.— А теперь я могу сказать?

— Конечно, можешь. Ты должна рассказать нам положительно все, что тебя касается и что тебе известно,— серьезно ответила начальница.

— Мне тетя Полина строго приказала никогда никому не говорить, что мы с нею перед этим жили на улице «Добрых детей», а главное — не называть по имени моих знакомых, не говорить, как меня зовут и где я прежде жила.

— Бедняжка! — сказала Маргарита, обращаясь к семье Пэшу.— Тут, верно, кроется какая-нибудь тайна, если старуха Жозен принимала такие строгие меры. Нам хотелось бы подождать несколько дней и тогда уже начать дело. У нашей Джэн есть друг, мадам Ланье, супруга известного доктора. Она на время уехала в Вашингтон: я ожидаю ее со дня на день, а без нее не хочу начинать это дело. Но вы, мосье Пэшу, можете продолжать поиски.

— Не пройдет двух-трех недель,— сказал добрый Пэшу,— и у вас будет одной сироткой меньше.

Пока начальница приюта и папа Пэшу обсуждали все эти важные вопросы, тетя Модя и Джэн болтали без умолку друг с другом. Девочка в первый раз услышала о кончине матери мисс Дианы и заплакала при мысли, как она, бедная, теперь осиротела.

— Вспоминают ли обо мне Пепси, Маделон, мосье Жерар и «Мышка»? Хотят ли меня видеть? — спрашивала девочка.— Ах, как я буду рада, когда мы опять увидимся!

Тетя Модя обливалась слезами, слушая описание той страшной ночи, когда Джэн увезли тайком. Чего она, бедная, натерпелась, живя с Жозен в лачуге, в сырости, голоде и холоде! Ее гоняли по улицам, заставляли просить милостыню; старуха ее колотила, требовала денег и, наконец, дала ей пощечину!

— Но что всего ужаснее,— воскликнула Джэн,— это то, что она продала мою цаплю! Тетя Модя, подумайте! Я боюсь, что ко мне никогда не вернется моя милая цапля Тони! — и слезы градом полились по лицу ребенка.

— Найдешь ее, душа моя, непременно найдешь! — утешала ее тетя Модя.— Сначала мы тебя нашли, а потом найдем и птичку. Не горюй! Не горюй!

Когда Маргарита дала слово «леди Джэн», что на другой же день утром она свезет ее на улицу «Добрых детей», супруги Пэшу простились с девочкой и, очень довольные тем, что сбылось их желание, отправились домой. У тети Моди не хватало духа вернуться к себе, не повидав Пепси, старичка Жерара, мисс Дианы и не сообщив им, что дорогая девочка жива-здорова и находится в приюте. Это был общий восторг! Лица друзей засияли. Больше всех, повидимому, взволновалась мисс Диана. Она долго не могла заснуть в эту ночь и просидела несколько часов в цветочной галерее, мечтая о завтрашнем свидании с «леди Джэн».

На другой день экипаж, в котором находилась «леди Джэн», остановился у знакомого дома на улице «Добрых детей». Джэн влетела в комнату Пепси и кинулась ей на шею.

— Все та же! Все та же! — смеясь и плача, говорила Пепси, всматриваясь в Джэн.— Те же прекрасные глаза, то же милое личико.

Мисс Диана в первую минуту забыла обо всем на свете, любуясь дорогой своей девочкой; но затем она не могла удержаться, чтобы не спросить у начальницы приюта:

— Неужели «леди Джэн» останется в приюте?

— Я надеюсь, что ненадолго: мы все скоро расстанемся с Джэн,— ответила Маргарита.

После этого мисс Диана долго беседовала с Маргаритою о том, как бы лучше устроить будущность «леди Джэн».

— Если родные ее согласятся, то я всю свою жизнь готова посвятить девочке,— говорила Диана.— Я воспитаю ее как следует; серьезно займусь с нею музыкой, для меня это будет большое наслаждение.

— Надо еще об этом подумать,— возразила Маргарита,— а пока я посоветовала бы оставить девочку у нас в приюте. Я охотно позволю ей провести теперь несколько дней у вас, чтобы она еще раз повидалась со всеми своими друзьями, а потом надо ее отвезти обратно в приют.

Между тем Пэшу вел неутомимую переписку с одним из ювелиров Нью-Йорка, разыскивая через него, у кого лет пять тому назад были заказаны дамские часы с вензелем: «J. C.».

ГЛАВА 22

Тайна раскрыта

Мадам Ланье вернулась из Вашингтона за несколько дней до праздника. Усталая от путешествия, она посвятила весь первый день отдыху, а двух своих девочек отправила с отцом в театр. В это время ей подали визитную карточку.

— Артур Менар! — проговорила мадам Ланье.— Проси! Скорее проси!.. Милый мальчик! — воскликнула молодая женщина.— Как я рада, что он приехал к нам на праздник.

Не прошло и минуты, как в кабинет вошел молодой человек. Мадам Ланье дружески протянула ему руку.

— Видите, как я верен! — еще издали кричал он, смеясь, причем его белые, блестящие зубы так и сверкали.

— Вижу, вижу, дорогой мой Арчи! — отвечала, улыбаясь, мадам Ланье.— Ты никогда не изменял нам. Все такой же живой, веселый! Садись поближе и давай разговаривать. Дети уехали в театр с отцом, а я до того устала за весь этот день, что у меня не хватило сил отправиться туда вместе с ними. Представь себе, мы вернулись из Вашингтона только сегодня утром.

— Неужели? Знай я это, ни за что бы не явился к вам в такое время! Воображаю, как вам неприятно принимать гостей, когда вы так утомлены! — и Артур вскочил со стула, готовый уйти.

— Вздор какой, Арчи! Садись. Я всегда так рада тебе!

Пока мадам Ланье передавала своему гостю разные подробности о своем семействе, блестящие глаза юноши успели оглядеть почти всю комнату. Всевозможные фотографические портреты расставлены были на столиках. Вдруг Артуру бросился в глаза портрет в рамке из голубого бархата.

Портрет изображал группу: молодого человека, молодую женщину и ребенка.

— Мадам Ланье, чья эта фотография? И кто эта дама?

— Это одна из моих любимых подруг детства,— ответила мадам Ланье.— Да отчего ты спрашиваешь? Разве ты знаешь ее?

— Конечно, знаю! Мало того, у меня есть даже копия этого портрета!.. Вот странная-то история! Я вам расскажу, в чем дело, но прежде спрошу кой о чем...

— Арчи, ты, как видно, очень заинтересован этой дамой? — улыбаясь, заметила мадам Ланье.— Это моя большая приятельница — Джэн Четуинд. Мы учились вместе с нею в одном пансионе в Нью-Йорке. Отец ее м-р Четуинд. Ты, верно, слыхал о его богатстве?

— Конечно, конечно, слыхал! Но говорите дальше!..

— Значит, тебя интересует история моей дорогой Джэн?

— Да, интересует! Расскажите мне все, все про нее! Мне необходимо это знать.

— Так слушай: красивый молодой человек, это — муж Джэн, фамилия его Черчилль, родом он англичанин. Девочка — их единственная дочь, которую они привыкли называть «леди Джэн». С этой минуты начинается настоящий роман, и я употреблю всевозможные усилия, чтобы раскрыть тайну, касающуюся моего милого друга, Джэн Четуинд.

— Продолжайте, продолжайте! — в волнении говорил Артур.— Быть может, я сам помогу вам раскрыть эту тайну.

— Изволь, я не прочь рассказать тебе все, что касается этой семьи. Джэн Четуинд — единственная дочь старого богача. Мать ее умерла, когда она была еще совсем девочкой. Отец задумал выдать

ее замуж за миллионера Биндервилля, известного строителя железных дорог в Америке. Но вместо этого Джэн без разрешения отца вышла замуж за молодого англичанина, служившего в конторе отца. Это был прекрасно образованный человек, деловой, но небогатый. Старик Четуинд до такой степени был раздражен этим браком, что тотчас же отрекся от дочери, лишил ее наследства, отказал ей от дома и запретил даже напоминать о ней. Муж Джэн взял в аренду имение в Техасе и сделался фермером... В прериях родилась у них девочка, названная в честь матери ее именем, а чтобы не смешивать этих имен, отец прозвал ее «леди Джэн».

Мы с м-с Черчилль переписывались постоянно. Счастливая беззаботная жизнь молодой четы приводила меня в восторг. Муж и

жена передавали мне до мельчайших подробностей все, что касалось их девочки.

Когда малютке дочери минуло три года, мой верный друг Джэн прислала мне в подарок фотографию своей семейной группы. После этого два года кряду я продолжала вести самую дружескую переписку с нею. Вдруг письма ее прекратились. В это время мы с мужем на целый год уехали в Европу. По возвращении домой мне подали несколько моих писем, адресованных Черчиллям, с помет-

ками: «обратно». Муж навел справки на почте, по какой причине возвращены наши письма из Техаса. Ему отвечали, что м-р Черчилль внезапно скончался два года тому назад от эпидемической лихорадки, что сама м-с Черчилль немедленно после кончины мужа выехала из прерий и вместе с маленькой своей дочерью переехала в Нью-Йорк и что после этого в Техасе не имели о них никаких сведений. Начальник местной почты добавил, что его самого удивляет такое обстоятельство, так как м-с Черчилль, уезжая из прерий, заявила на почте, что она просит хранить всю ее мебель на станции до тех пор, пока она не приедет в Нью-Йорк и не уведомит, в какое именно место надо доставить ей весь багаж. «Вот уже два года минуло,— писал начальник почты,— а у нас до сих пор хранятся эти вещи».

Тогда я сама решила хлопотать по этому делу и написала в Нью-Йорк одной хорошей моей знакомой, чтобы она навела справку, где находится старик Четуинд и куда девалась его замужняя дочь. Вот что она мне ответила: «Из местных газет видно, что м-р Четуинд уехал в Европу несколько лет тому назад, а о дочери его Джэн нет ни слуху ни духу».

Почему Джэн до сих пор не пишет мне — этого я не понимаю. Есть еще одно обстоятельство, которое меня сильно волнует, хотя другим оно может показаться пустяком. Дело вот в чем: когда мы были еще девочками в пансионе, я заказала для Джэн ко дню ее рождения хорошенький ящичек с изящным эмалированным букетом цветов из анютиных глазок и незабудок сверху, а на внутренней стороне крышки были написаны поздравительные стихи моего сочинения с вензелем Джэн над ними. В прошлом году я приехала к моей постоянной модистке: выбираю себе разные вещи, и вдруг меня бросило в жар: «Откуда у вас этот ящичек?» — спросила я, указывая ей на изящную вещь.— «Одна моя знакомая принесла его ко мне и просила продать поскорее,— ответила модистка,— фамилия ее Жозен, живет она на улице «Добрых детей»; за этот ящичек я бы взяла 25 долларов». Я сейчас же заплатила эти деньги, спрятала дорогой

ящичек в карман и, записав адрес Жозен, уехала домой. Я поехала на улицу «Добрых детей»; спрашиваю: где такая-то Жозен? «Опоздали, сударыня,– вежливо ответил мне испанец из табачной лавки,– правда, Жозен жила здесь, но вчера ночью выехала со всеми своими пожитками, а куда – неизвестно». И действительно, сколько ее ни разыскивали – она точно в воду канула. Очень может быть, что мой ящичек был украден в Техасе или Нью-Йорке и привезен сюда для продажи. Я была очень счастлива, что мне удалось случайно вернуть вещь, принадлежащую Джэн.

Все время, пока мадам Ланье рассказывала о своей подруге, Артур Менар не спускал с нее глаз и, очевидно, находился в сильном волнении. Мадам Ланье вопросительно взглядывала иногда на своего собеседника, ожидая, что он ее перебьет, но он молчал.

– Я передала тебе, Арчи, все, что знала,– заключила она,– теперь очередь за тобой.

– Как я был глуп! – вскрикнул Артур, вскакивая с места и принимаясь бегать взад и вперед по комнате.– Вы мне рассказали много любопытного, но знайте и то, что в эту тайну посвящены не вы одни. Я узнал чуть ли не больше еще об общем нашем деле.

– Каким образом, Арчи? Что ты узнал? Умоляю тебя, расскажи подробно все. Ты себе представить не можешь, с каким волнением я жду новых вестей о судьбе Джэн Черчилль.

– Не будь я таким болваном, идиотом, ослом, будь у меня хоть капля мозга в голове, я бы давным-давно сам привез к вам в дом м-с Черчилль и ее прелестную девочку! А я-то что сделал? Отправил мать и дочь в Грэтну без провожатого, когда на дворе было уже совсем почти темно, когда я знал, что мать больна! Что я наделал?..

– Арчи, Арчи! – воскликнула мадам Ланье.– Говори скорее, когда именно это случилось? Куда делась Джэн Черчилль со своим ребенком?

– Ничего не могу сказать! Я теперь точно так же растерян, как и вы! Впрочем, надо вам все рассказать по порядку...

И Артур стал подробно описывать свою встречу в вагоне железной дороги с м-с Черчилль и ее дочерью, как он подарил девочке свою голубую цаплю и как простился с ними на станции Грэтна, а сам поехал дальше, в Нью-Йорк.

— О, Арчи! — воскликнула мадам Ланье.— Как это ты не догадался проводить их из Грэтны на паром и привезти прямо к нам? Ведь у Джэн, кроме меня, никаких не было знакомых в Нью-Йорке. Каково было ей, больной, идти ночью по неизвестной дороге! Ну что бы тебе стоило пригласить ее прямо к нам?

— М-с Черчилль ни разу не упомянула о вас. Могло ли мне прийти в голову, что вы с нею так дружны и что она едет именно к вам? А навязываться с услугами незнакомой даме мне показалось просто неловко.

— Но отчего же на другой день она ко мне не приехала?

— Дайте мне договорить до конца, и тогда мы вместе решим этот вопрос. Проводив м-с Черчилль с девочкой, я долго стоял на платформе поезда и следил за ними. Сначала они кланялись мне издали с улыбкой, потом стали спускаться с горы к парому, и в это время наш поезд полетел дальше. Я сел на свое прежнее место в вагоне, задумался. Вдруг на том диване, где сидела девочка, я увидал книгу в переплете из красной русской кожи, с серебряными застежками и с монограммой «J.C.». Это была книга ехавшей со мной больной дамы. Рядом с книжкой я нашел фотографическую фамильную карточку.

— Так и есть! — сказала мадам Ланье.— Это была книга моей дорогой Джэн. Но отчего с тех пор она ни разу не заглянула ко мне? Куда она делась?

— В этом-то и заключается вся тайна,— отвечал Артур.— Очень может быть, что она почувствовала себя дурно и зашла в ближайший отель, вместо того чтобы ехать к вам. Не смею сказать, что это верно. Могло быть и так, что с больной случилось еще что-нибудь более серьезное. На следующий день я напечатал в одной из мест-

ных газет объявление, что мною найдена вчера в вагоне книга с фамильной карточкой, причем пометил адрес, куда следовало обратиться для получения этих вещей. Но все напрасно. Вот прошло уж два года, а я не встречал ни матери, ни дочери.

— Как это странно! О, как это странно! — воскликнула мадам Ланье.— Зачем Джэн переменила свое намерение? Если она приехала сюда, чтобы погостить у меня, то почему она не исполнила этого?

— Надо думать,— отвечал Артур,— что она не осталась в Грэтне, а в ту же ночь уехала куда-нибудь по неожиданным обстоятельствам: иначе, если бы она осталась ночевать здесь, в каком-нибудь отеле, я непременно бы ее отыскал. Вернее предположить, что она в ту же ночь выехала из города.

— Дорогой мой Арчи, скажи лучше прямо, что Джэн умерла! — проговорила со слезами мадам Ланье.— Неизвестность хуже всего.

— Ручаться ни за что не могу. Но у вас есть маленькая надежда: вы нашли свой ящичек, а я нашел свою голубую цаплю, которую подарил «леди Джэн». Представьте себе, как это случилось. Я зашел сегодня утром к одному любителю птиц,— смотрю — у него стоит голубая цапля, а это очень редкая порода в здешних местах. Спрашиваю: «Откуда вы ее достали?» — «Вот,— говорит,— какой-то итальянец принес ее на днях и продал дешево, очевидно, торопился почему-то продать». Я попробовал позвать птицу: «Тони! Тони!», как вдруг слышу, она закричала: «Тонь! Тонь!» и, хлопая крыльями, побежала прямо ко мне. Ну, думаю, это моя цапля... И действительно, это была она.

— Странно, как ты мог узнать ее?

— Видите, у моей цапли на крыльях клеймо в виде трех черных крестиков, которые я ей поставил.

— Спросил ли ты продавца, откуда итальянец добыл птицу? Очевидно, девочка потеряла ее или цаплю украли, как украли мой ящичек. Как же это, однако, могло случиться?

— Это лучшее доказательство, что м-с Черчилль не выехала отсюда,— сказал Артур.

— Неужели? — воскликнула мадам Ланье.— Тут непременно есть какая-то страшная тайна! Продолжай, продолжай...

— Заплатив деньги за цаплю, я начал писать адрес моей квартиры и приказал торговцу, чтобы он сейчас же отнес ее ко мне. Вдруг передо мной очутился престранной наружности старичок француз. Увидав Тони, он подскочил к ней, начал гладить ее по голове, смеяться и лепетать что-то по-французски. Я сначала подумал, что это сумасшедший, и старался объяснить ему на французском языке, что голубая цапля моя и что я никому ее не уступлю. Старичок же, в свою очередь, уверял, что эта цапля принадлежит одной маленькой леди, которая прежде жила на улице «Добрых детей».

Мадам Ланье широко раскрыла глаза.

— Как? На улице «Добрых детей?» — сказала она.— Вот странно-то!

— Мой француз задыхался от волнения, приседал передо мной, шаркал и, улыбаясь, лепетал: «Я, мосье, уж два дня ищу голубую цаплю, чтобы порадовать ею маленькую леди». Когда я попросил старичка описать мне наружность этой маленькой леди, то уверяю вас, что он сделал это фотографически верно с вашей и с моей карточкой.

— Арчи, неужели это родная дочь моей дорогой Джэн? Мать умерла, а где же дочь? Я хочу непременно узнать это. Съездим завтра утром на улицу «Добрых детей».

— Но девочки, наверное, мы там не найдем,— отвечал Артур.— Старичок француз рассказал мне запутанную историю о какой-то мадам Жозен, которая будто бы убежала из своей квартиры и утащила с собой девочку.

— Мадам Жозен? Та самая, что продала мне ящичек?

— Очевидно, та самая, но она недавно умерла. Все это мне передал старичок француз. От него же я узнал, что маленькая леди от-

дана на руки сестре Маргарите, в сиротский приют. Завтра я собираюсь съездить к ней.

— О, теперь для меня все ясно! — воскликнула мадам Ланье, в волнении вскакивая с места.— Тайна открыта! Сиротка-девочка в приюте — родная дочь моего милого друга, покойной Джэн Четуинд. Я узнала малютку в первую минуту: те же глаза, тот же голос, та же улыбка, что и у матери. Скажи, Арчи, ты узнаешь ее?

— Конечно, узнаю. Я ее видел два года тому назад, когда ей было лет шесть. Не могла же она так вырасти в эти два года. Мало того, я убежден, что и она меня узнает.

— Отлично! Так приезжай же завтра утром, часам к одиннадцати, прямо ко мне. Надеюсь, что к этому времени ее привезут из приюта. Имя девочки просто Джэн. Бедная, бедная мать! Куда она делась? Я не успокоюсь до тех пор, пока не узнаю, что с нею случилось...

ГЛАВА 23

Новая мать

На следующее утро Маргарита по просьбе мадам Ланье приехала к ней в дом вместе с маленькой Джэн. Девочку отвели наверх, в детскую, где Этель и Мей, маленькие дочери хозяйки, уже ждали ее, а почтенную начальницу приюта попросили в кабинет.

Долго длилась беседа их по поводу судьбы сиротки. Особенно любопытен был рассказ Маргариты о том, как усердно хлопотал добрый Пэшу, чтобы раскрыть все мошенничества старухи Жозен и ее негодного сына.

— Без помощи мосье Пэшу,— говорила Маргарита,— нельзя было ничего сделать, так как приходилось собирать сведения не только в Америке, но даже и в Европе. Денег потребовалось немало, а Пэшу, как вам известно, человек небогатый.

— Муж и я,— сказала м-с Ланье,— считаем своей священной обязанностью также не щадить расходов, пока не будет доказано, что сирота — дочь Джэн Четуинд. А сейчас я попросила бы вас, милая Маргарита, сдать мне на руки девочку.

Маргарита с удовольствием исполнила желание мадам Ланье, и Джэн тотчас вызвали из детской, где она в то время играла с детьми. На ней было довольно грубое приютское платье, но, несмотря на простое платье, она выглядела очень красивой. Все любовались ее оживленными глазами и ямочками на щеках.

— Иди, иди сюда, моя дорогая! — воскликнула м-с Ланье, привлекая к себе «леди Джэн».— Говори скорей, как тебя лучше звать: «леди Джэн» или просто Джэн?

Девочка с минуту подумала, посмотрела на Маргариту и с улыбкой ответила:

— Мне больше нравится, когда меня зовут «леди Джэн», а мисс Маргарите — когда меня зовут просто Джэн.

Тут м-с Ланье отперла резной ящичек и вынула оттуда фотографический снимок семейной группы.

— Взгляни, дитя мое,— сказала она,— чьи эти портреты?

Джэн в ту же минуту побледнела и впилась глазами в карточку.

— Это папа и мама! — крикнула она в волнении.— Это моя милая, милая мама! — И с этими словами она бросилась на шею Маргарите и залилась слезами.

— Кто же теперь усомнится, что это дочь Джэн Четуинд? — проговорила мадам Ланье.— Маргарита, я прошу вас оставить девочку у меня. С этой минуты я считаю ее моей дочерью.

Маргарита сейчас же отвела Джэн обратно в детскую, приказала снять с нее все приютское платье, переодела ее, расцеловала и уехала в свой приют.

После этого прошло часа два. Мадам Ланье сидела одна у себя в комнате и торопливо писала что-то. В комнату вошел Артур Менар. Он посмотрел на мадам Ланье, та улыбнулась.

— Не спрашивай меня ни о чем,— сказала она,— погоди несколько минут, все узнаешь...

Наверху, в детской, раздался смех. Вслед затем с лестницы сбежали и вошли в кабинет три девочки в белых платьях с шелковыми розовыми поясами. То были две дочери мадам Ланье и «леди Джэн».

Как только первые две девочки увидали знакомого гостя, они с радостным смехом бросились к нему, а «леди Джэн» остановилась

на месте, как прикованная; на лице ее мелькнула улыбка и выразилось изумление. Мадам Ланье пристально следила за нею глазами. Девочка, крепко сжав руки, робко подошла к гостю и вежливо сказала:

— Позвольте вас спросить, не вы ли тот мальчик, что подарил мне голубую цаплю?

Артур пришел в восторг. Он притянул к себе девочку и, обняв ее, ответил:

— Да, «леди Джэн», я тот самый мальчик, который подарил вам голубую цаплю. Значит, вы меня помните? А я был уверен, что вы меня давно забыли.

— О, нет! Я-то вас не забыла,— шаловливо заметила девочка,— а вот вы... меня не сразу узнали...

— Нет, нет, моя прелесть! Сразу узнал, но не подошел, чтобы убедиться прежде, узнаете ли вы меня.

— А я повторяю, что вы меня не узнали, когда мы встретились во второй раз.

— Во второй раз! Быть не может! Где и когда вы могли меня видеть во второй раз?

— Видела! Это было во вторник, на масленице. Вы меня не узнали, потому что я была в маске,— при этом «леди Джэн» лукаво улыбнулась.— Я ведь крикнула вам: «Это я! «леди Джэн»!», но вы мне не ответили, хотя повернули ко мне голову и пристально посмотрели на меня. Конечно, под маской нельзя было узнать моего лица.

— Да, теперь я вспомнил. Немудрено, что я не мог вас узнать. Да и могло ли мне прийти в голову, что в измятом, в изодранном домино скрывается «леди Джэн». Почему же вы еще раз меня не окликнули?

— Я, право, думала, что вы меня давно забыли.

— А где же Тони? Вы ее отдали кому-нибудь? — и Артур, пристально посмотрев на девочку, улыбнулся.

— Нет, я никому не отдавала своей милой цапли, я любила ее,

берегла... но она у меня пропала... Меня послали на улицу петь. Когда бывало холодно, я всегда привязывала ее на веревочке в комнате, а тут она сорвалась и убежала. Тетя Полина уверяла меня потом, будто Тони выскочила на улицу, но что поймать ее она не могла, так как у нее сильно болели ноги... Ах, как я плакала, как долго искала Тони! Я до того тосковала, что сил не имела петь.

Джэн замолчала.

— Милая, дорогая девочка! Ни в чем-то она не переменилась, вся осталась та же,— говорил Артур, обращаясь к мадам Ланье и разглаживая волнистые волосы Джэн.— А помните ли вы,— продолжал Артур,— тот день когда мы ехали в вагоне и я подарил вам цаплю?

— Конечно, помню.

— Да, но ведь вы ехали не одна, а с мамой. Где же мама?

— Не знаю,— серьезно отвечала девочка.— Сначала я думала, что она уехала назад в прерии и скоро ко мне вернется, но теперь я уже больше не жду: я уверена, что она уехала к папе и никогда ко мне не вернется.

— Не можешь ли ты припомнить, моя дорогая, в какое именно время твоя мама уехала? — спросила мадам Ланье.

— Видите ли, я, кажется, была очень долго больна и ничего не помню, а когда я поправилась, то тетя Полина уверяла, что мама вернулась на время домой и скоро опять сюда приедет.

— Припомни, когда мама уехала, вы жили тогда на улице «Добрых детей»?

— Нет, мама уехала раньше. Мы жили тогда по ту сторону реки. Тетя Полина, ее сын Эдраст и я с Тони, мы все ехали рано утром в большой, большой лодке, вышли на берег и наняли квартиру на улице «Добрых детей».

— Ты видишь, Арчи, что Джэн и не выезжала из Грэтны,— заметила мадам Ланье.

— Где же теперь эта тетя Полина? — спросил Артур у девочки.

— Не знаю! Я от нее убежала и с тех пор в глаза ее не видала.

— А почему вы от нее убежали? Что она, злая?

— Нет-нет, прошу вас, не говорите больше об этом! — вскричала взволнованно Джэн.

— Оставим ее в покое, Арчи! — сказала мадам Ланье, сажая к себе на колени девочку.— Она и без того немало натерпелась... Успокойся, моя милочка, забудь свою противную тетю Полину. Ты никогда ее больше не увидишь. Ты теперь будешь жить с нами, а утром мы с тобой съездим на улицу «Добрых детей»; ты раздашь там подарки всем своим друзьям.

— Не плачьте же, милая «леди Джэн»,— заговорил Артур,— я также приготовлю вам подарок, такой, какого вы и не ожидаете!

На следующее утро мадам Ланье вместе с «леди Джэн» отправились на улицу «Добрых детей». Экипаж остановился у зеленой решетки домика мисс Дианы д'Отрев.

«Леди Джэн», немного сконфуженная и в то же время улыбающаяся, поднесла ей в виде рождественского подарка материю на платье.

Пепси пришла в неописуемый восторг, когда в это же утро ей принесли особого рода передвижное складное кресло, которое служило и кроватью, и коляской, и креслом для сиденья и на котором она могла теперь передвигаться без посторонней помощи. Матери же ее, Маделон, принесли из магазина хорошее теплое пальто. «Мышка» прыгнула чуть не до потолка, когда модистка подала ей картонку с нарядной шляпкой, украшенной — о, восторг! — пунцовыми перьями. В этот же день старичку Жерару прислали нарядный костюм. Семью Пэшу «леди Джэн» засыпала подарками и гостинцами.

* * *

Наступил канун праздника. Гостеприимный дом Ланье горел огнями. Кроме трех, уже знакомых нам, девочек, приглашено было

еще до двенадцати детей. Все они – веселые и довольные – собрались в зале.

Дети перебегали из одного угла в другой, рассматривая завернутые подарки. Говор, смех, радостные восклицания раздавались в зале. Детей особенно интриговала неизвестно откуда доставленная корзина.

– Да чья эта корзина, папа? – спрашивала маленькая Этель Ланье у отца, который очень осторожно собственными руками развязывал таинственный подарок.

– А вот мы скоро увидим,– отвечал Ланье, выразительно поглядывая на «леди Джэн», которая сияла от восторга, любуясь нарядными игрушками.

Артур Менар не мог отвести глаз от нее.

Долго развязывал м-р Ланье высокую тростниковую корзину, так сильно занимавшую детей. Наконец он снял верхнюю крышку и громко прочитал напечатанный на ней билет:

«Подарок «леди Джэн» от Артура Менара».

– Что я говорила? Что я говорила? – весело кричала маленькая Этель.– Это подарок для «леди Джэн» и, верно, чудесный!

В это время отец ее торжественно передал вскрытую корзину Артуру, а тот, улыбаясь, поставил ее у ног «леди Джэн».

– Надеюсь, что вы довольны моим подарком? – спросил он, вынимая голубую цаплю и опуская ее на ковер.

– Ах! – крикнула в восторге девочка.– Это Тони, моя милая Тони!

Она схватила птицу обеими руками и начала целовать ее.

– А уверены ли вы, дитя мое, что цапля вас узнала? – спросил м-р Ланье.

– О, конечно, уверена! Тони не может меня забыть. Мне стоит только спрятаться и позвать ее – она тотчас прибежит ко мне.

– Джэн, миленькая, попробуй, попробуй! – весело закричали девочки.

Отец их взял на руки цаплю, отнес на другой конец залы, спрятал за широкое кресло и опустил на пол. Вслед затем «леди Джэн» вполголоса чирикнула и закричала: «Тони! Тони! Тони!»

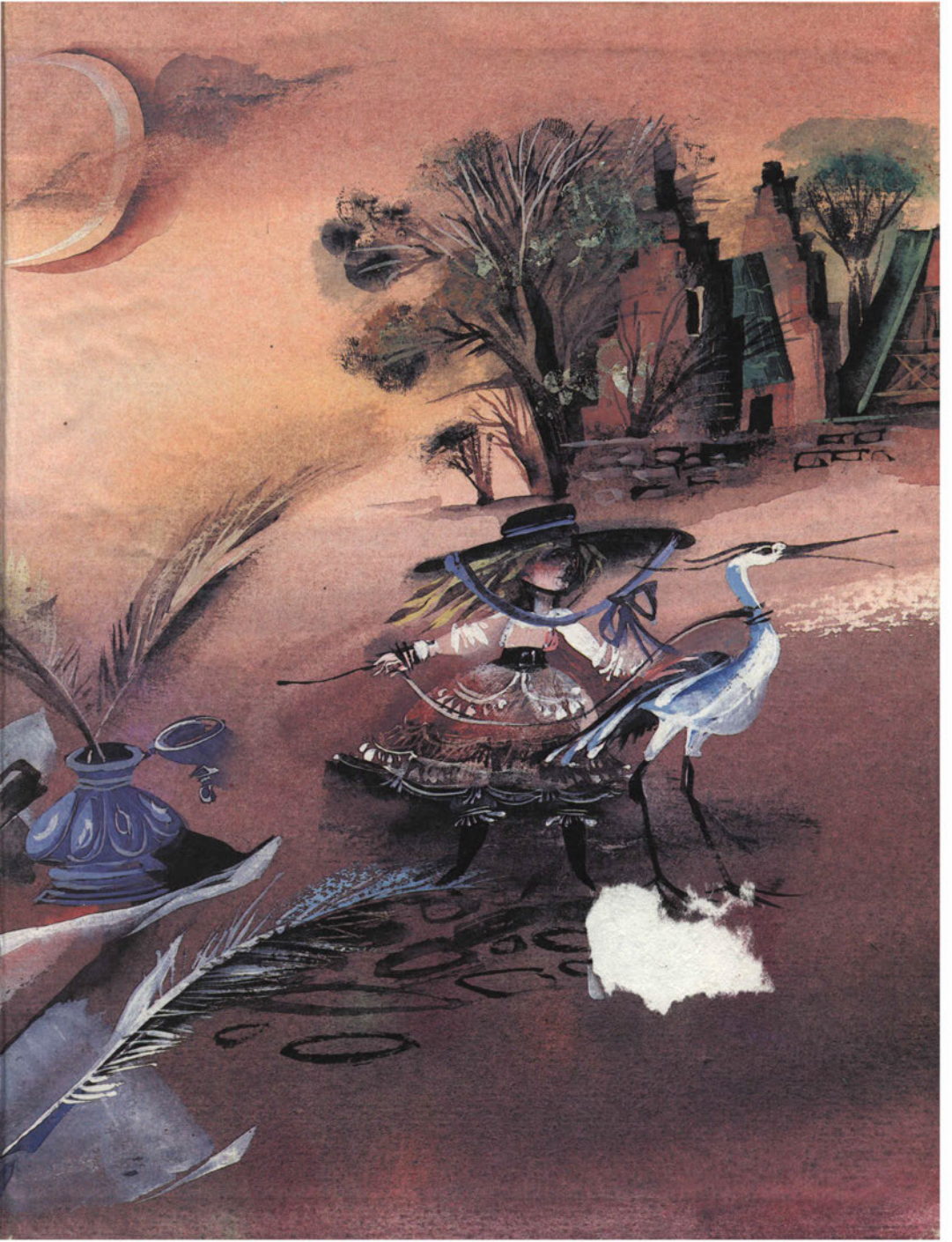
Надо было видеть, в какой восторг пришли все дети, когда голубая цапля, распахнув немного крылья, побежала, переваливаясь, по зале и отыскала «леди Джэн». Крики и смех огласили комнату. Дети целовали птицу, гладили ее и долго не могли успокоиться.

Со следующего дня начались тщательные розыски, чтобы выяснить всю загадочную историю «леди Джэн». Оказалось, что в городе находился доктор Дембо, который лечил в доме Жозен приезжую даму с ребенком, хорошо помнил их лица и даже не забыл голубой цапли. Мало того, нашлись лица, которые случайно были свидетелями погребения матери «леди Джэн» и могли указать место ее могилы. Что касается вещей, привезенных с собой умершею, то они пропали бесследно. Уцелели только часы, сбереженные Пэшу.

«Леди Джэн» осталась на воспитании в семье Ланье. Особое внимание было обращено на развитие ее прекрасного голоса. Имя девочки-певицы скоро стало известно в городе.

Тесный кружок друзей, куда входила семья Пэшу, Пепси и ее мать, Диана и старичок Жерар, заботился о девочке-сиротке, они общими силами воспитывали ее.

Голубая цапля занимала в этом кружке весьма почетное место. Часто, когда по праздничным дням дети весело и шумно играли, а черномазая «Мышка» носилась как угорелая по комнате, голубая цапля важно расхаживала вокруг них, по временам вдруг останавливалась, поднимала одну ногу и стояла неподвижно, точно мраморная.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Голубая цапля 7
Глава 2. Мадам Жозен 16
Глава 3. Последние дни в Грэтне 27
Глава 4. Горбунья Пепси 32
Глава 5. Новые соседи 36
Глава 6. Леди Джэн находит друга 41
Глава 7. Первый визит к Пепси 48
Глава 8. Новые друзья 53
Глава 9. Поездка на дачу 59
Глава 10. Подозрения тети Моди 64
Глава 11. Таинственный дом 68
Глава 12. Новое знакомство 74
Глава 13. Уроки музыки и танцев 79
Глава 14. Приключения «леди Джэн» 86
Глава 15. Неожиданный спаситель 96
Глава 16. Пэшу делает покупку 106
Глава 17. Неприятности мадам Жозен 113
Глава 18. Бегство 122
Глава 19. Маленькая уличная певица 130
Глава 20. «Леди Джэн» находит убежище 138
Глава 21. Тетя Модя находит «леди Джэн» 144
Глава 22. Тайна раскрыта 150
Глава 23. Новая мать 160